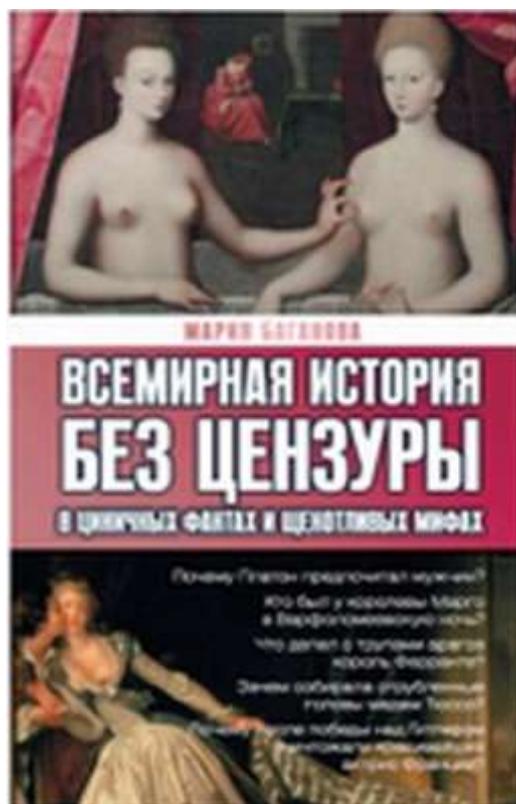

Мария Баганова Всемирная история без цензуры. В циничных фактах и щекотливых мифах

Мария Баганова Всемирная история без цензуры. В циничных фактах и щекотливых мифах

Предисловие

«Галопом по Европам» – есть такая поговорка. Наверное, она лучше всего характеризует структуру этой книги. Прыгая с пятого на десятое, перескакивая через века, автор постарался собрать «коллекцию сведений, не слишком известных», с целью позабавить, развлечь и чему-то научить читателя.

Знаете ли вы, почему великий математик и философ Фалес отказывался заводить детей и отчего мудрец Биант не рекомендовал нечестивым людям взывать к богам в случае опасности? Как десять тысяч греков, оказавшихся глубоко в персидском тылу, сумели добраться до родины, и чем отличалась Афродита Небесная от Афродиты Земной? Где спрятано тело Александра Македонского? Какой была юность византийской императрицы Феодоры, после смерти объявленной святой? Что проделывал с трупами своих врагов король Неаполя Ферранте? Почему был сожжен сборник гравюр, получивший название «Позы Аретино»? Что такое «пасквиль»? Кто такие кондотьеры и почему было опасно пожимать руку Чезаре Борджа? Сколько жемчужин насчитывалось в коллекции Марии Медичи и что Маргарита де Валуа носила в многочисленных кармашках своих пышных юбок? Какими были последние слова Марии-Антуанетты и кто такие «фурии гильотины»?

На все эти вопросы ответы есть! Удивительно, сколько разнообразных анекдотов и историй дошло до нас через века тысячелетия! Мы обязаны этим историкам и писателям, жившим до нас. Редкий современный исследователь ни разу не употребил фразу «Геродот ошибался», но несмотря на все ошибки и неточности, без его «Истории» наши знания об античности были бы гораздо скуднее: в V веке до н. э. Геродот объездил места греко-персидских войн и записал всевозможные народные байки и сказки.

Анекдоты о жизни греческих философов собрал Диоген Лаэртский, о котором почти ничего не известно. Жил он в конце II – начале III веков нашей эры и позаимствовал свой псевдоним из гомеровской «Одиссеи». Не стремясь к серьезному научному исследованию, он свел воедино массу фактов – реальных и вымышленных, стихов, эпиграмм, прозаических отрывков и фантастических «писем философов».

В этом же жанре писал его современник римлянин Клавдий Элиан, сочинивший «Пестрые рассказы». Биограф многих знаменитых людей грек Плутарх, живший в начале нашей эры, оставил нам «Сравнительные жизнеописания», где тоже использовал массу анекдотов. Византиец Прокопий Кесарийский, ненавидевший императора Юстиниана и царицу Феодору, постарался собрать самые разнообразные сплетни об августейшей чете. Итальянцы Джованни Бокаччо, Николо Маккиавелли и Джорджо Вазари, французы Таллеман де Рео и Брантом создали яркие, веселые, занимательные хроники, в которых знаменитые монархи не только принимают мудрые решения и ведут победоносные войны, но и ухаживают за галантными дамами и попадают в смешные ситуации. Завершают повествование страшные хроники времен Французской революции и записки людей, живших уже в XX веке.

Глава 1 Греция: философы и тираны

Периандр Коринфский и «семь мудрецов»

Диоген Лаэртский:

«Косские рыбаки (так гласит молва) закидывали сеть, и приезжие из Милета купили улов, еще не зная, каков он будет. Оказалось, что они вытащили треножник, который, по преданию, Елена, плывя из Трои, бросила тут, вспомнив какое-то старинное предсказание оракула. Из-за треножника сперва начался спор между приезжими и рыбаками; потом города вмешались в эту ссору, дошедшую до войны; наконец, пифия повелела обеим сторонам отдать треножник мудрейшему. Сперва его послали к Фалесу в Милет, жители Коса добровольно дарили ему одному то, из-за чего они вели войну со всеми милетянами. Фалес объявил, что Биант учение его, и треножник пришел к нему; от него он был послан еще к другому, как к более мудрому. Потом, совершая круг и пересылаемый от одного к другому, треножник вторично пришел к Фалесу. В конце концов он был привезен из Милета в Фивы и посвящен Аполлону Йеменскому».

Такова легенда. Красивая легенда, надо признать. В числе мудрецов, добровольно отказавшихся от треножника и звания «мудрейшего», назывались многие – от двадцати до тридцати человек, но канонически принято считать, что было их всего семь. Все они отличались глубокими знаниями, привыкли побеждать в спорах, охотно участвовали в философских состязаниях, где оценивалась быстрота реакции, остроумие ответов, доходчивость и необычность аргументов. Такие диспуты собирали множество зрителей и были популярны не менее чем спортивные состязания, ведь эллины выше всего ценили не силу, не богатство, не красоту, а именно мудрость. Философ в понимании древних греков – это вовсе не кабинетный зануда, оторванный от жизни и размышляющий о вещах, странных и понятных только ему самому. Нет, греческие мудрецы активно участвовали в жизни

общества, писали законы, конфликтовали с тиранами, порой заигрывали с ними и удостаивались их милостей, но часто имели много шансов сложить голову на плахе. Так автор знаменитых апорий Зенон участвовал в заговоре и погиб под пытками, законодатель Солон пытался перебороть тиранию своего родственника и друга Писистрата, философ Сократ был казнен по приговору афинского суда, его ученик Платон был продан в рабство тираном Дионисием.

Любимы греками были рассказы о «семи мудрецах» и коринфском тиране Периандре, пытавшемся примирить мудрость и единовластие. Тираннами – именно так, с двумя Н – назывались единоличные правители греческих городов. Их деспотизм и самодурство, пренебрежение законами и моралью и привело к тому, что слово «тиран», утратив одну из букв Н, стало нарицательным для жестокого правителя, действующего произволом и насилием.

Периандр – тиранн и мудрец

Тиранн Коринфа Периандр, живший в VI веке до н. э. – весьма странный исторический персонаж. Многие древние историки включали и его самого в «Список мудрецов», другие же утверждали, что он только лишь проводил в Коринфе философские состязания, но сам в них не участвовал, а потому считаться мудрецом не может. Этот человек прославился не только своим недюжинным умом, но и тем, сколько крови он пролил.

Согласно легендам, Периандр был сыном жестокого тирана Кипсела. Отцовские методы правления ужасали юношу, и первые годы после смерти Кипсела Периандр старался править мягко и мудро. Он приглашал к себе философов, советовался с ними, устраивал диспуты и сам написал «Наставления» в двух тысячах стихов. Именно тогда в Коринфе и бывали знаменитые «семь мудрецов» – или их было намного больше.

Благостный период в жизни и правлении Периандра продолжался недолго, вскоре молодой правитель столкнулся с серьезными проблемами и с противодействием знатных и образованных людей города. Обескураженный Периандр отправил послов в город Милет, чтобы спросить совета у тамошнего тирана Фрасибула, считавшегося разумным и опытным правителем.

Геродот: *«Так, Периандр послал глашатая к Фрасибулу спросить совета, как ему, установив самый надежный государственный строй, лучше всего управлять городом. Фрасибул же отправился с прибывшим от Периандра глашатаем за город и привел его на ниву. Проходя вместе с ним по полю, Фрасибул снова и снова переспрашивал о причине прибытия его из Коринфа. При этом тиранн, видя возвышающиеся над другими колосья, все время обрывал их. Обрывая же колосья, он выбрасывал их, пока не уничтожил таким образом самую красивую и густую часть нивы. Так вот, проведя глашатая через поле и не дав никакого ответа, тиранн отпустил его. По возвращении же глашатая в Коринф Периандр полюбопытствовал узнать ответ Фрасибула. А глашатай объявил, что не привез никакого ответа и удивляется, как это Периандр мог послать его за советом к такому безумному человеку, который опустошает собственную землю. Затем он рассказал, что видел у Фрасибула. Периандр же понял поступок Фрасибула, сообразив, что тот ему советует умертвить выдающихся граждан. Тогда-то тиранн и начал проявлять величайшую жестокость к своим гражданам. Всех уцелевших от казней и изгнаний Кипсела теперь прикончил Периандр».*

Но репрессии не принесли ему покоя и уверенности: теперь Периандр опасался мести и был вынужден завести телохранителей. Кроме того, он строго следил за всеми, кто въезжал и выезжал из Коринфа, и не каждому давал разрешения жить в городе.

Характер у Периандра портился, и скоро он срывал зло уже не только на подданных, но и на близких. Свою жену – любимую! – Мелиссу он убил, ударив ее беременную то ли ногой, то ли скамейкой. Причиной этому вроде бы явился поклеп, возведенный на бедняжку

слугами. Над ее гробом он горевал страшно и даже принес покойной человеческие жертвы, изжарив живьем в пламени костра всех ее служанок-клеветниц.

Но и этого Периандру показалось мало: тень супруги то и дело являлась ему во сне. Выглядела она очень грустной и словно замерзшей. В надежде понять, в чем дело, Периандр отправился к оракулу. Ответ его ужаснул: Мелисса сказала, что в царстве Аида она совершенно нагая, ведь ее одежды не были сожжены вместе с ней. Но особенно напугала тиранна одна фраза пифии, которая сказала, что Периандр «поставил хлеба в холодную печь». А ведь только он сам знал, что после убийства супруги изнасиловал ее бездыханное тело.

Геродот: *«...он тотчас же после этого известия повелел через глашатая всем коринфским женщинам собраться в храм Геры. Они пришли, нарядившись в свои самые красивые одежды, как на праздник, а тиранн поставил своих телохранителей в засаде и велел догола раздеть всех женщин без разбора – как свободных, так и служанок. Одежды же их Периандр приказал бросить в яму и сжечь, призывая Мелиссу».*

После этого тень Мелиссы перестала преследовать супруга, но несчастья не кончились. От Мелиссы оставались у Периандра два сына и дочь. Старший сын был слабоумным, а младший не мог простить отцу смерть матери. Он не здоровался с отцом, не говорил с ним и не отвечал на его вопросы. В конце концов Периандр, распалившись, изгнал юношу из дома. Спустя годы тот нашел свою смерть на острове Керкира. Это известие стало большим горем для Периандра, ведь других наследников у него не было.

Геродот: *«Это вызвало страшный гнев престарелого тиранна. Решив отомстить керкирянам, Периандр напал на их остров, захватил 300 сыновей самых знатных родов и отправил в Лидию, в город Сарды для оскопления. После чего бедных мальчиков должны были продать в рабство. По пути корабль пристал к острову Самос, а самосцы, узнав, зачем детей везут в Сарды, сначала научили их искать убежища в святилище Артемиды, а затем не позволили насильно вытащить “умоляющих о защите” из святилища... А когда коринфяне не хотели давать детям пищи, то самосцы устроили праздник, который справляют еще и поныне. Каждый вечер, пока дети оставались в святилище как умоляющие о защите, самосцы водили хороводы и пляски девушек и юношей и во время плясок ввели в обычай приносить лепешки из сесама с медом, чтобы дети керкирян могли уносить их и есть. Это продолжалось до тех пор, пока коринфские стражи не уехали с острова, оставив детей. Затем самосцы отвезли детей назад на Керкиру».*

Утратив наследника и полностью разочаровавшись, Периандр не хотел больше жить. Он понимал, что граждане Коринфа ненавидят его и даже после смерти опасался их мести, а потому хотел, чтобы место его погребения осталось неизвестным. Для этого он измыслил следующую хитрость:

Диоген Лаэртский: *«Двум юношам он велел ночью выйти по указанной дороге и первого встречного убить и похоронить; потом велел четверым выйти за ними следом, убить их и похоронить; а потом еще большему отряду выйти за четверыми. После этого он сам вышел навстречу первым двум и был убит. На пустой его гробнице коринфяне написали так:*

*В лоне приморской земли сокрыл Периандрово тело
Отчий город Коринф, златом и мудростью горд».*

Изречения Периандра: *«Ничего не делай за деньги: пусть нажива печется о наживе».*

Говорил он также: *«Кто хочет править спокойно, пусть охраняет себя не копьями, а общей любовью».* На вопрос, почему он остается тиранном, он ответил: *«Потому что опасно и отречение, опасно и низложение».*

«Прекрасен покой, опасна опрометчивость, мерзостна корысть. Власть народная крепче тираннии. Наслаждение бrenно – честь бессмертна. В счастье будь умерен, в несчастье разумен. К друзьям и в несчастье будь неизменен. Сговора держись. Тайн не выдавай. Наказывай не только за проступок, но и за намерение».

«Семь мудрецов», гостившие в Коринфе, оставили о себе память не только благодаря своим научным открытиям, но и во многом – из-за своих остроумных и метких высказываний. Они стали героями многих анекдотов и историй.

Фалес Милетский, «отец философии», математик, астроном, военный инженер и политик, был знатного рода и много путешествовал, известно, что он долгое время жил в Египте, сумел изучить жреческую премудрость и измерить пирамиды. Знаменит он стал после того, как сумел предсказать солнечное затмение. Однажды, во время военного похода, когда войско остановилось перед крайне полноводной и бурной рекой, он спроектировал плотину и пустил воды реки по новому руслу, что сделало возможной переправу. В Милете, в одной из гаваней, Фалес установил дальномер – прибор, который позволял определять расстояние от берега до корабля, находящегося далеко в море. Умер Фалес, глядя на гимнастические состязания, от жары, жажды и старческой слабости. На гробнице его написано:

Солнечный Зевс, ты унес премудрого мужа Фалеса

В час, когда он взирал на состязанья борцов.

Благо, что ты его принял к себе: очам престарелым

Трудно было с земли видеть движенье светил.

Анекдоты: Фалес утверждал, что за три вещи должен быть благодарен судьбе: во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар.

Однажды, выйдя в поле наблюдать звезды, он свалился в канаву и стал кричать о помощи. Сопровождавшая его старуха заметила: «Что же, Фалес? Ты не видишь того, что у тебя под ногами, а надеешься познать то, что в небесах?»

Он утверждал, что между жизнью и смертью нет никакой разницы. «Почему же ты не умрешь?» – спросили у него. «Именно поэтому», – ответил Фалес.

На вопрос, что возникло раньше: день или ночь? Он ответил: ночь! Раньше на один день.

Его спросили, что на свете трудно? – Познать себя. Что легко? – Советовать другому.

Что он видел небывалого? – Тиранна в старости.

Когда легче всего сносить несчастье? – Когда видишь, что врагам еще хуже.

Какая жизнь самая лучшая и справедливая? – Когда мы не делаем сами того, за что осуждаем других.

Хилон Спартанский, политик, которому приписываются многие спартанские законы. Известно, что умер он от радости, приветствуя своего сына после победы в кулачном бою. Выражался он по-спартански лаконично: «Сдерживай язык, особенно в застолье», «Не грозись, это дело бабье», «Брак справляй без пышности», «Когда говоришь, руками не размахивай, это знак безумства», «Счастлив тиранн, который умрет у себя дома своею смертью», «За порукой – расплата».

На вопрос, что трудно, он ответил: «Хранить тайну, не злоупотреблять досугом, терпеть обиду».

Питтак из Митилены участвовал в войне с Афинами, освободил родной город от тиранна Меланхра и десять лет правил Митиленами. Получив в свои руки власть, Питтак подавил беспорядки и для предупреждения их на будущее время пересмотрел законы, особенно уголовные, а после, наведя порядок в государстве, сложил с себя полномочия и жил еще десять лет.

Враги прозвали его «плосконогом», потому что он страдал плоскостопием и подволакивал ногу; «лапоногом», потому что на ногах у него были трещины, называемые «разлапинами»; «пыщом» – за его тщеславие; «пузаном» и «брюханом» – за его полноту; «темнедом», потому что он обходился без светильника; «распустехой», потому что он ходил распоясанный и грязный. Вместо гимнастики он молот хлеб на мельнице, как сообщает философ Клеарх.

Диоген Лаэртский: «Сына Питтака Тиррея убил топором один кузнец, когда тот был в Киме и сидел у цирюльника. Граждане Кимы отослали убийцу к Питтаку, но тот, узнав обо всем, отпустил его со словами: “Лучше простить, чем мстить”».

На вопрос, что благодатно, он ответил: “Время”. Что скрыто? – “Будущее”. Что надежно? – “Земля”. Что ненадежно? – “Море”. Он говорил: “Дело умных – предвидеть беду, пока она не пришла, дело храбрых – управляться с бедой, когда она пришла. Задумав дело, не говори о нем: не удастся – засмеют. Неудачей не кори – бойся себе того же. Доверенное возвращай. Не злословь ни о друге, ни даже о враге. В благочестии упражняйся. Умеренность люби. Храни правду, верность, опытность, ловкость, товарищество, усердие”.

Победы, говорил он, должны быть бескровными. Один фокеец сказал, что нужно отыскать дельного человека. “Если искать с пристрастием, то такого и не найти”, – сказал Питтак.

Его слова Платон упоминает в “Протагоре”: “С неизбежностью и боги не спорят”».

Клавдий Элиан: «Питтак Митиленский украсил храмы лестницами, которые не были предназначены для обычной цели, являясь только посвящением богам. Этими лестницами Питтак намекал на взлеты и падения людского счастья – удачливые как бы поднимаются, злосчастные спускаются вниз».

Биант Приенский, сын Тевтама, занимался общественной деятельностью, славился мудростью своих судебных решений. Наиболее известный эпизод из его жизни произошел, когда персы покорили его родной город Приену. Жители, покидая город, забирали все свое имущество, тогда как Биант не взял ничего. На вопрос, почему он ничего не берет, Биант ответил: «Все свое ношу с собой».

Диоген Лаэртский: «Умер он вот каким образом. Уже в глубокой старости он выступал перед судом в чью-то защиту; закончив речь, он склонил голову на грудь своего внука; сказали речь от противной стороны, судьи подали голоса в пользу того, за которого говорил Биант; а когда суд распустили, то Биант оказался мертв на груди у внука. Граждане устроили ему великолепные похороны, а на гробнице написали:

В славных полях Приенской земли рожденный, почитет

Здесь, под этой плитой, светоч ионян, Биант».

Анекдоты о Бианте: Однажды, когда Биант плыл на корабле с крайне нечестивыми людьми, разразилась буря. Его спутники стали взывать к богам, а Биант воскликнул:

– Тише! Чтобы боги не услышали, что вы здесь.

Есть рассказ, что когда Алиатт осаждал Приену, то Биант раскормил двух мулов и выгнал их в царский лагерь, – и царь поразился, подумав, что благополучия осаждающих хватает и на их скотину. Он пошел на переговоры и прислал послов – Биант насыпал кучи песка, прикрыл его слоем зерна и показал послу. И, узнав об этом, Алиатт заключил наконец с приенянами мир. Вскоре затем он пригласил Бианта к себе. «Пусть Алиатт наестся луку», то есть пусть он поплачет, – ответил Биант.

На вопрос, какое занятие человеку приятно, Биант ответил: «Нажива».

Афоризмы Бианта: «Лучше разбирать спор между двумя врагами, чем между двумя друзьями, ибо заведомо после этого один из друзей станет твоим врагом, а один из врагов – твоим другом».

«Большинство – зло».

«Сила человеку дается от природы, умение говорить на благо отечества – от души и разума, а богатство средств – у многих от простого случая».

Биант говорил, что несчастен тот, кто не в силах снести несчастье; что только больная душа может влечься к невозможному и быть глуха к чужой беде. На вопрос, что трудно, он ответил: «Благородно перенести перемену к худшему».

Клеобул Родосский, или Линдский, был тиранном родосского города Линдоса. Он говорил, что дочерей надобно выдавать замуж по возрасту девицами, по разуму женщинами,

имея в виду, что воспитание и образование нужно и девицам, чем многие пренебрегали. Что нужно услужать друзьям, чтобы укрепить их дружбу, и врагам, чтобы приобрести их дружбу, – ибо должно остерегаться поношения от друзей и злоумышления от врагов. Он советовал упражнять тело как следует; больше слушать, чем говорить; больше любить знание, чем незнание; язык держать в благоречии. *«Кто выходит из дома, спроси сперва зачем; кто возвращается домой, спроси с чем».*

«Добродетели будь своим, пороку – чужим; неправды убегай; государству советы давай наилучшие; наслаждением властвуй; силой ничего не верши; детей воспитывай; с враждой развязывайся. С женой при чужих не ласкайся и не ссорься: первое – знак глупости, второе – бешенства. Пьяного раба не наказывай: сам покажешься пьян. Жену бери ровню, а возьмешь выше себя – родня ее будет над тобой хозяйничать. Над осмеиваемыми не тешишься – наживешь в них врагов.

В счастье не возносись, в несчастье не унижайся. Превратности судьбы умеи выносить с благородством. Помни: “лучшее – мера”».

Ему же принадлежит загадка:

Есть на свете отец, двенадцать сынов ему служат;

Каждый из них родил дочерей два раза по тридцать:

Черные сестры и белые сестры, друг с другом не схожи;

Все умирают одна за другой, и все же бессмертны.

Разгадка – см. сноску. [1]

Анахарсис Скифский, как явствует из его имени, по происхождению был скифом, то есть родился где-то на берегах Волги. Считается, что именно от него в Греции вошла в обиход поговорка «говорить, как скиф» – то есть напрямую, без обиняков.

Диоген Лаэртский: *«Прибыв в Афины, Анахарсис явился к дому Солона и велел одному из рабов передать, что к хозяину пришел Анахарсис, чтобы его видеть и стать, если можно, его другом и гостем. Услышав такое, Солон велел рабу передать, что друзей обычно заводят у себя на родине. Но Анахарсис тотчас нашелся и сказал, что Солон как раз у себя на родине, так почему бы ему не завести друга? И пораженный его находчивостью, Солон впустил его и стал ему лучшим другом».*

По прошествии времени Анахарсис воротился в Скифию, но там из-за его большой любви ко всему греческому был заподозрен в намерении отступить от отеческих обычаев и погиб на охоте от стрелы своего брата, произнесши такие слова: «Разум оберег меня в Элладе, зависть погубила меня на родине».

Анекдоты об Анахарсисе: На вопрос, как не стать пьяницей, он сказал: «Иметь перед глазами пьяницу во всем безобразии». Удивительно, говорил он, как это эллины издают законы против дерзости, а борцов награждают за то, что они бьют друг друга. Узнав, что корабельные доски толщиной в четыре пальца, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти. Масло он называл зельем безумия, потому что, намазавшись, борцы нападают друг на друга как безумные. Как можно, говорил он, запрещать ложь, а в лавках лгать всем в глаза? Рынок, говорил он, – это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга. Удивительно, говорил он, и то, как эллины при начале пира пьют из малых чаш, а с полными желудками – из больших.

На вопрос, есть ли у скифов флейты, он ответил: «Нет даже винограда» (флейты вырезались из виноградной лозы). На вопрос, какие корабли безопаснее, он ответил: «Вытащенные на берег».

Афинянин попрекал его, что он скиф, он ответил: «Мне позор моя родина, а ты позор твоей родине». На вопрос, что в человеке хорошо и дурно сразу, он ответил: «Язык». Он говорил, что лучше иметь одного друга стоящего, чем много нестоящих.

Анахарсис говорил, что законы ничем не отличаются от паутины: как паутина, так и законы, – когда попадают слабые и бедные, их удержат, а сильные и богатые вырвутся.

Мисон, сын Стримона из Хен, этейской или лаконской деревушки, тоже

причисляется к семи мудрецам. Отец его, говорят, был тиранном. Биографы называли его человеконенавистником. По анекдоту, кто-то случайно заметил, как Мисон смеялся, оставшись наедине с собой; а когда кто-то неожиданно явился перед ним и спросил, почему он смеется, когда кругом никого нет, он ответил: «Как раз поэтому». Он говорил, что надо исследовать не дела по словам, а слова по делам, ибо не дела совершаются ради слов, а слова – ради дел.

Эпименид Кносский – личность почти мифическая. Якобы однажды отец послал его в поле за пропавшей овцой. Когда наступил полдень, он свернул с дороги, прилег в роще и проспал там пятьдесят семь лет. Проснувшись, он опять пустился за овцой в уверенности, что спал совсем недолго, но, не обнаружив ее, пришел в усадьбу и тут увидел, что все переменилось, и хозяин здесь новый. Ничего не понимая, он пошел обратно в город; но когда он хотел войти в свой собственный дом, к нему вышли люди и стали спрашивать, кто он такой. И, только отыскав своего младшего брата, уже дряхлого, он узнал от него, в чем дело. А когда об этом пошла слава между эллинов, его стали почитать любимцем богов. Уверяли, что, выспавшись за пятьдесят семь лет, он более никогда не спал, а досужее время проводил, собирая зелья. Диоген Лаэртский утверждает, что «Эпименид получал свою пищу от нимф и хранил ее в бычьем копыте, принимал он ее понемногу и поэтому не опорожнялся ни по какой нужде, и как он ест, тоже никто не видел». Когда же эта пища кончилась, то одряхлел он во столько дней, сколько проспал лет, а прожил всего 157 лет. Эпименид был автором нескольких философских и исторических поэм, которые до нас не дошли.

Ферекид Сиросский, сын Бабия, был слушателем Питтака. Рассказывали, что однажды он предсказал гибель кораблю, глядя на него с берега, а другой раз, отведав воды из колодца, он предсказал, что на третий день случится землетрясение, – и оно случилось. Также он предсказал городу Мессении поражение в войне. Существует предание, что он умер от вшивости. Эта болезнь была страшной бедой античного мира, способов лечения еще не было найдено, ну а к тому же в Греции всегда ощущался недостаток воды. Ферекид заперся в своей хижине и не впускал к себе ни друзей, ни врачей. Когда Пифагор пришел спросить, как его дела, то он высунул палец в дверь и сказал: «По коже видно».

Клавдий Элиан: *«Учитель Пифагора Ферекид заболел болезнью, первоначально проявлявшейся в том, что он покрывался горячей и клейкой, как слизь, испариной; впоследствии эта испарина приняла опасный характер, и он чудовищно завшивел. Вши съедали Ферекида заживо, и он таял с каждым днем, пока не умер».*

Мудрец Солон и тиранн Писистрат

Эти люди, жившие в VI веке до н. э., были родственниками – троюродными братьями и оба происходили из знатного, но обедневшего рода Кодридов.

Плутарх: *«Первоначально между ними была дружба, как вследствие родства, так и вследствие даровитости и красоты Писистрата, в которого, как некоторые утверждают, Солон был влюблен. Поэтому, думается мне, когда между ними произошел разрыв на политической почве, их вражда не дошла до жестокой, дикой страсти; между ними сохранилось прежнее чувство взаимных обязанностей, которое поддерживало память и нежность любви».*

Чтобы не зависеть ни от кого материально, Солон еще в юности занялся торговлей. В связи с этим ему пришлось много странствовать, и в этих странствиях он приобрел большой жизненный опыт. Выражение «Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь», впоследствии упрощенное до «Век живи – век учись», принадлежит Солону. В те времена торговля была в почете, потому что она знакомила эллинов с миром варваров, доставляла дружбу с царями и давала разносторонний опыт.

К деньгам он относился легко, копить их не любил и охотно тратил на всевозможные наслаждения:

*Быть я богатым хочу, но нечестно владеть не желаю
Этим богатством: поздней час для расплаты придет.
Многие низкие люди богаты, а добрый беднеет;
Мы же не будем менять доблесть на денег мешок;
Ведь добродетель всегда у нас остается, а деньги
Этот сегодня имел, завтра получит другой.*

Война из-за острова Саламин

Остров Саламин расположен таким образом, что владеющий им народ может контролировать практически все торговые суда Афин. Саламин принадлежал городу-государству Мегаре, афиняне долгое время пытались отвоевать его у мегарян, но затем утомленные долгой и тяжелой войной, запретили законом под страхом смерти вновь предлагать гражданам продолжать борьбу за остров. Солон, понимая, что остров Саламин экономически Афинам необходим, и считая, что родной город в силах выиграть войну, сильно огорчился из-за этого запрета. Он видел, что многие молодые люди ждут только повода, чтобы начать войну, не решаясь сами начать ее из-за этого закона. Поэтому он притворился сумасшедшим; из его дома по городу распространился слух, что он выказывает признаки умопомешательства. Между тем он тайно сочинил стихи, выучил их, чтобы говорить их наизусть, и явился на площадь – Агору, надев на голову шапочку, какую полагалось носить душевнобольным.

Сбежалась масса народа, Солон, вскочив на камень, с которого говорили глашатаи, пропел стихотворение, которое начинается так: *«С вестью я прибыл сюда от желанного всем Саламина, / Стройную песню сложив, здесь, вместо речи, спою».*

Состоявшая из ста стихов песня воодушевила граждан. Когда Солон закончил петь, друзья, и в особенности Писистрат, начали хвалить стихи. Обсудив песню, афиняне отменили закон и опять начали войну, а военачальником поставили Солона.

Чтобы выманить с Саламина его защитников, Солон разыграл целое представление. Он попросил юношей, не носящих еще бороды, переодеться в женские платья, выйти на берег на мысе Колиада и сделать вид, что у них какой-то праздник. В это же время мнимый перебежчик должен был сообщить саламинцам, что есть хорошая возможность захватить красивых молодых женщин, которые резвятся на берегу без всякой охраны. Мегаряне поверили ему и послали отряд на корабле. Когда корабль причалил к Колиаде, юноши выхватили спрятанные под платьями кинжалы и бросились на врагов, им на помощь пришли и сидевшие в засаде воины. Ни один из нападавших не спасся, все погибли. А афиняне поплыли на Саламин и овладели им.

Клавдий Элиан: *«Солон, стоя во главе афинян во время войны за остров Саламин, отбил два мегарских корабля, отдал их под команду афинян, передел воинов в одежду, снятую с врагов, и, достигнув Мегар, перебил в городе много народу, так как мегарцы не распознали военной хитрости и потому не вооружились. Он победил мегарцев также и речами; однако не силой красноречия, а бесспорностью доводов: приказав раскопать старые могилы, Солон показал, что все афиняне лежали по отеческому обычаю лицом к закату, а мегарцы как придется. Судьями в этом случае выступали спартанцы».*

Во время войны с мегарцами внимание афинян обратил на себя молодой Писистрат, он захватил у мегарцев их гавань Нисею. Красивый, умный, обаятельный, хороший оратор Писистрат быстро стал очень популярен особенно у бедных крестьян. Война была выиграна, однако она потребовала огромных средств и истощила государственную казну. Неравенство между бедными и богатыми дошло по окончании войны за Саламин до высшей точки. Весь простой народ был в долгу у богатых: одни обрабатывали землю, платя богатым шестую часть урожая; другие брали у богатых в долг деньги под залог тела – их работодатели имели право обратиться в рабство, при этом одни оставались рабами на родине, других продавали на

чужбину. Многие вынуждены были продавать даже собственных детей (никакой закон не воспрещал этого) и бежать из отечества из-за жестокости заимодавцев. Но огромное большинство, и к тому же люди большой физической силы, собирались и уговаривали друг друга не оставаться равнодушными зрителями, а выбрать себе одного вожака, надежного человека и освободить должников, пропустивших срок уплаты, а землю переделить и совершенно изменить государственный строй.

Казалось, что афинское государство сможет устоять, а смуты прекратятся только в том случае, если возникнет тирания. Не помогали даже суровые законы, составленные в 621 году архонтом Драконтом – современником «Семи мудрецов». Про эти законы говорили, что они написаны не чернилами, а кровью: почти за все преступления было назначено одно наказание – смертная казнь; таким образом, и осужденные за праздность подвергались смертной казни, и укравшие овощи или плоды несли то же наказание, как и святотатцы и человекоубийцы. Когда Драконта спросили, почему он за большую часть преступлений назначил смертную казнь, он, как говорят, отвечал, что мелкие преступления, по его мнению, заслуживают этого наказания, а для крупных он не нашел большего.

Наиболее рассудительные люди в Афинах, видя, что Солон, – пожалуй, единственный человек, за которым нет никакой вины, который не соучаствует в преступлениях богатых и в то же время не угнетен нуждой, как бедные, стали просить его взять в свои руки государственные дела и положить конец раздорам. Солону даже предлагали установить тиранию, убеждали его взяться за государственные дела с большей решительностью, когда власть будет у него в руках. Однако никакие уговоры не могли поколебать его демократических убеждений; друзьям он сказал, что тирания – прекрасное местечко, только выхода из него нет.

По поводу собственного отказа от единоличной власти Солон сам на себя написал эпиграмму от имени «человека толпы»:

*Нет, ни опытным, ни мудрым не был никогда Солон:
Божество ему давало много благ, но он не взял,
Радуюсь, он сеть закинул, только вытащить не смог,
Помутился его разум, был он мужества лишен.
А вот я, чтоб только властью и богатством завладеть
И тиранном стать в Афинах на один всего денек,
Дал содрать с себя бы шкуру и весь род мой погубить.*

Первым актом его государственной деятельности был закон, в силу которого существовавшие долги были прощены, и на будущее время запрещалось давать деньги в долг «под залог тела». Этим он не угодил ни богатым, ни бедным: богатым он озлобил уничтожением долговых обязательств, а бедных – еще больше – тем, что не произвел передела земли, на который они надеялись.

Плутарх: «Говорят, при издании этого закона с ним произошел в высшей степени неприятный случай. Когда он принял решение об уничтожении долгов и искал соответствующего способа выражения и подходящего предисловия, он сообщил своим ближайшим друзьям – Конону, Клинию и Гиппонику, которым особенно доверял, что трогать земельные владения он не думает, но долги решил уничтожить. Они тотчас же воспользовались этими сведениями: до издания закона заняли у богатых людей большие суммы и скупили много земли. Потом, по обнародовании закона, купленную землю они использовали, а деньги кредиторам не отдали. Этим они навлекли на Солона тяжелые обвинения и нарекания: говорили, что он не жертва, а участник обмана. Однако это обвинение скоро было рассеяно: оказалось, что он дал займы пять талантов и первый отказался от них на основании своего закона. А этих друзей Солона постоянно называли “хреокотидами” – неплательщиками».

Впрочем, скоро возмущение сменилось благодарностью. Афиняне поняли пользу этой меры и назначили Солона исправителем государственного строя и законодателем. Они

предоставили ему на усмотрение все без исключения – государственные должности, народные собрания, суды, советы, определение ценза для каждого из этих учреждений, числа членов и срока их деятельности; дали ему право отменять или сохранять все, что он найдет нужным из существующих, сложившихся порядков. Солон прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве.

Желая оставить все высшие должности за богатыми, как было и прежде, а к прочим должностям, в исполнении которых простой народ раньше не участвовал, допустить и его, Солон ввел оценку имущества граждан. Самые бедные участвовали в управлении лишь тем, что могли присутствовать в народном собрании и быть судьями. Последнее казалось вначале ничего не значащим правом, но впоследствии стало в высшей степени важным, потому что большая часть важных дел попадала именно к судьям. Даже на приговоры по тем делам, решение которых Солон предоставил должностным лицам, он позволил также апеллировать в суд.

Когда его спросили, самые ли лучшие законы он дал афинянам, он ответил: «Да, самые лучшие из тех, какие они могли принять».

Некоторые из законов Солона: Закон требовал отнятия гражданских прав у гражданина, во время междоусобия не примкнувшего ни к той, ни к другой партии. Возможно, таким образом Солон пытался принудить каждого афинянина к гражданской активности.

Закон позволял богатой сироте, в случае неспособности ее мужа к брачному сожителю, вступить в связь с кем-либо из его ближайших родственников. По закону муж богатой сироты должен иметь свидание с нею по крайней мере три раза в месяц. Если он не мог исполнить свой долг, то считался неспособным.

Плутарх: *«Солон уничтожил обычай давать приданое и разрешил невесте приносить с собою только три гиматия и вещи из домашней обстановки небольшой ценности – больше ничего. По его мысли, брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителю мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь».*

Солон законодательно запретил дурно говорить об умершем. Бранить живого Солон запретил в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ; за нарушение этого закона он назначил штраф в три драхмы в пользу оскорбленного лица и еще два в пользу казны.

Он регламентировал траур, запретив женщинам царапать себе лицо, бить себя в грудь, употреблять сочиненные причитания, провожать с воплями постороннего им покойника. Он не позволил приносить вола в жертву покойнику, класть с ним больше трех гиматиев, ходить на чужие могилы, кроме как в день похорон.

Плутарх: *«Солоновы законы о женщинах... кажутся во многом нелепыми. Тому, кто застанет любовника своей жены на месте преступления, он дал право его убить; а тот, кто похитит свободную женщину и изнасилует ее, карается штрафом в сто драхм... Наказывать за один и тот же поступок то с неумолимой строгостью, то с благодушной шуткой, назначая какой попало денежный штраф, неразумно; впрочем, ввиду тогдашней редкости монеты в Афинах, трудность доставать деньги делала денежный штраф тяжелым».*

До введения законов Солона афинянам не было позволено делать завещания: деньги и дом умершего должны были оставаться в его роде. «Солон разрешил тем, кто не имел детей, отказывать свое состояние, кому кто хочет, отдавая преимущество дружбе перед родством, любви перед принуждением, и сделал имущество действительной собственностью владельца».

Солон издал закон, по которому сын не обязан был содержать отца, не отдавшего его в учение ремеслу, дети, рожденные от гетеры, тоже не обязаны были содержать отцов.

Плутарх: *«Что Солон не был равнодушен к красавцам и не имел мужества вступить в борьбу с любовью, “как борец в палестре”, это можно видеть из его стихотворений; кроме*

того, он издал закон, встречающий рабу натираться маслом для гимнастических упражнений и любить мальчиков. Он ставил это в число благородных, почтенных занятий и некоторым образом призывал людей достойных к тому, от чего отстранял недостойных».

Солон издал закон, по которому можно было пользоваться общественным колодезем, если он находился на расстоянии не более четырех стадий; а где колодезь находился дальше, там надо было искать собственную воду. Если воды не находили, то разрешалось брать воду у соседа два раза в день по одному сосуду определенного размера: по мнению Солона, следовало приходить на помощь в нужде, но не потакать лени. Солон определил расстояние, которое следовало соблюдать при посадке растений, при установке пчел, при рытье канав. Законы включали и постановление о питании в общественном месте, обозначенном словом «параситейн». Одному и тому же лицу он не позволял часто пользоваться общественным столом; но, с другой стороны, наказывал и тех, кто, имея на это право, от него отказывался, усматривая в первом случае жадность, а во втором презрение к обществу.

Законы были написаны на деревянных таблицах, которые были заключены в рамки и могли поворачиваться вокруг своей оси. Эти таблички хранились в Пританее и назывались «кирбы». После введения законов к Солону каждый день приходили люди: то хвалили, то бранили, то советовали вставить что-либо в текст или выбросить. Солон, посчитав, что исполнять эти желания нет смысла, а не исполнять значит возбуждать ненависть к себе, решил на время покинуть Афины. Поэтому он попросил у афинян позволения уехать за границу на десять лет и отплыл из города: он надеялся, что за это время к законам привыкнут.

Некоторое время он жил в Египте и узнал там сказание об Атлантиде, о которой, по слухам, даже собирался написать обширный труд, но не успел. Потом он поехал на Кипр.

Анекдот: Когда Солон пришел к Фалесу в Милет, он удивлялся полному его равнодушию к браку и рождению детей. Фалес на этот раз промолчал, а спустя несколько дней подговорил одного приезжего рассказать, будто он недавно, десять дней назад, приехал из Афин. Солон спросил его, нет ли чего нового в Афинах. Приезжий, подученный Фалесом, сказал: “Ничего, только клянусь Зевсом, были похороны одного молодого человека, и провожал его весь город. Это был, как говорили, сын человека известного, первого в городе по своим нравственным качествам. Его самого не было; говорили, что он уже давно находится за границей”. – “Какой несчастный!.. – воскликнул Солон. – А как его называли?” “Я слышал его имя, – отвечал тот, – да не помню; только много было разговоров об его уме и справедливости”. Так при каждом ответе страх у Солона все возрастал; наконец, уже в полной тревоге он подсказал приезжему имя и спросил, не называли ли умершего сыном Солона. Тот ответил утвердительно. Тогда Солон стал бить себя по голове, делать и говорить все то, что делают и говорят люди в глубоком несчастье. Фалес, дотронувшись до него и засмеявшись, сказал: “Вот это, Солон, и удерживает меня от брака и рождения детей, что валит с ног и тебя, такого сильного человека. Что же касается этого рассказа, не бойся: это неправда”.

Пересказал Плутарх.

Когда он оплакивал погибшего сына (о котором более ничего не известно), кто-то ему сказал: «Ведь это бесполезно!» – «Оттого и плачу, что бесполезно», – ответил Солон.

Солон у Креза

Солон по просьбе лидийского царя Креза приехал в Сарды. Проходя по дворцу, мудрец видел множество придворных в богатых нарядах, но их пышность померкла перед величием самого Креза. На царе было надето все, что из своих драгоценных камней, цветных одежд, золотых вещей художественной работы он считал выдающимся по красоте, изысканным, завидным, – конечно, для того, чтобы глазам представилось зрелище как можно

более пышное и пестрое. Таким образом лидийский царь рассчитывал поразить воображение знаменитого греческого мудреца. Но Солон ни действием, ни словом не выразил ничего такого, чего ожидал Крез; всем здравомыслящим людям было ясно, что он с презрением смотрит на отсутствие у него духовных интересов и мелочное тщеславие. Крез велел открыть ему свои сокровищницы, потом провести его по дворцу и показать всю роскошную обстановку. Но Солон снова остался равнодушен. Тогда Крез напрямую спросил его, знает ли он человека счастливее его.

Плутарх: *«Солон, не желая ему льстить, но и не желая раздражать еще больше, сказал: “Царь Лидийский! Нам, элинам, бог дал способность соблюдать во всем меру; а вследствие такого чувства меры и ум нам свойствен какой-то робкий, по-видимому, простонародный, а не царский, блестящий. Такой ум, видя, что в жизни всегда бывают всякие превратности судьбы, не позволяет нам гордиться счастьем данной минуты и изумляться благоденствию человека, если еще не прошло время, когда оно может перемениться. К каждому незаметно подходит будущее, полное всяких случайностей; кому бог пошлет счастье до конца жизни, того мы считаем счастливым.*

А называть счастливым человека при жизни, пока он еще подвержен опасностям, – это все равно что провозглашать победителем и венчать венком атлета, еще не кончившего состязания: это дело неверное, лишённое всякого значения”».

После этого разговора Солон удалился, Крез был обижен и раздосадован. Однако спустя некоторое время Крез потерпел сокрушительное поражение в войне с персидским царем Киросом. Он потерял свою столицу, сам был взят в плен живым, и ему предстояла печальная участь быть сожженным на костре. Когда связанного Креза возвели на костер, он в отчаянии трижды воскликнул: «О Солон!»

Плутарх: *«Кир удивился и послал спросить, что за человек или бог Солон, к которому одному он взывает в таком безысходном несчастии. Крез, ничего не скрывая, сказал: “Это был один из элинских мудрецов, которого я пригласил, но не за тем, чтобы его послушать и научиться чему-нибудь такому, что мне было нужно, а для того, чтобы он полюбовался на мои богатства и, вернувшись на родину, рассказал о том благополучии, потеря которого, как оказалось, доставила больше горя, чем его приобретение – счастья. Пока оно существовало, хорошего от него только и было, что пустые разговоры да слава; а потеря его привела меня к тяжким страданиям и бедствиям, от которых нет спасения. Так вот он, глядя на мое тогдашнее положение, предугадывал то, что теперь случилось, и советовал иметь в виду конец жизни, а не гордиться и величаться непрочным достоянием». Этот ответ передали Киру; он оказался умнее Креза и, видя подтверждение слов Солона на этом примере, не только освободил Креза, но и относился к нему с уважением в течение всей его жизни. Так прославился Солон: одним словом своим одного царя спас, другого вразумил».*

Анекдот: Царь Крез, воссев на трон в пышном наряде, спросил Солона, видел ли он что-нибудь прекраснее; а Солон ответил: «Видел – и петухов, и фазанов, и павлинов: их убранство дано им природою и прекрасней в тысячу раз».

А между тем в Афинах...

Спустя назначенный срок Солон вернулся в родной город, но, к своему глубокому сожалению, не нашел там мира и согласия. В Афинах происходили смуты, и хотя еще действовали законы Солона, но все ожидали переворота и желали другого государственного строя. При этом все хотели не равноправия, а надеялись при перевороте одержать верх и совершенно одолеть противную партию. Писистрат замыслил совершить государственный переворот и захватить власть.

Плутарх: *«Писистрат, изранив себя, приехал в повозке на площадь и стал возмущать народ, говоря, что враги замышляют его убить за его политические убеждения. Поднялись*

негодующие крики. Солон подошел к Писистрату и сказал: «Нехорошо, сын Гиппократ, ты играешь роль гомеровского Одиссея: он обезобразил себя, чтобы обмануть врагов, а ты это делаешь, чтобы ввести в заблуждение сограждан»».

Геродот: «Писистрат, тогда уже помышлявший о тирании, создал третью партию. Он набрал приверженцев и, открыто став вождем партии гиперакриев, придумал вот какую хитрость. Он изранил себя и своих мулов и затем въехал на повозке на рыночную площадь, якобы спасаясь от врагов, которые хотели его избить, когда он ехал по полю. Писистрат просил народ дать ему охрану. Он уже ранее отличился как полководец в войне с мегарцами, завоевав Нисею и совершив другие замечательные подвиги. Народ же афинский позволил себя обмануть, предоставив ему телохранителей из числа горожан: они были у Писистрата не копьеносцами, а дубинщиками, сопровождая его с деревянными дубинами. Во главе с Писистратом они-то и восстали и захватили акрополь. Тогда Писистрат стал владыкой афинян. Он не нарушил, впрочем, порядка государственных должностей и не изменил законов, но управлял городом по существующим законоустановкам, руководя государственными делами справедливо и дельно».

После этого в городе поднялся переполох. Солон, несмотря на свою глубокую старость и отсутствие помощников, все-таки явился на площадь и обратился к гражданам с воззванием: то бранил их за неразумие и малодушие, то ободрял еще и убеждал не предавать свою свободу. Тут он и сказал знаменитые слова, что несколько дней назад было легче помешать возникновению тирании в самом ее зародыше, но зато теперь предстоит более славный подвиг – искоренить ее и уничтожить, когда она уже возникла и выросла. Но никто не слушал его; все были в страхе. Тогда Солон вернулся домой, взял оружие и встал вооруженный перед дверьми на улице. «Я по мере сил своих, – сказал он, – защищал отечество и законы». Во все последующее время он ничего не предпринимал, не слушал друзей, советовавших ему бежать, а писал стихи, в которых упрекал афинян:

*Если страдаете вы из-за трусости вашей жестоко,
Не обращайтесь свой гнев против великих богов.
Сами возвысили этих людей вы, им дали поддержку
И через это теперь терпите рабства позор.*

После этого многие предостерегали Солона, что тиранн его погубит, и спрашивали, на что он рассчитывает, поступая с такой отчаянной смелостью. «На старость», – отвечал Солон. Писистрат, однако, Солон не тронул, но, вспомнив его давнюю выходку с шапочкой безумного и публичным чтением стихов о Саламине, объявил Солон сумасшедшим.

«Точно ли я сумасшедший, покажет недолгое время. Выступит правда на свет, сколько ее ни тай, – ответил Солон, добавив: – Отечество мое! Я послужил тебе и словом и делом!»

Несмотря на это, Писистрат, захватив власть, сумел привлечь к себе Солон уважением, любезностью, приглашениями, так что Солон стал его советником и одобрял многие его мероприятия. К нему все относились с уважением и почтением; но по старости он не имел уже ни силы, ни охоты по-прежнему говорить или действовать публично; только при встречах с руководителями обеих сторон он в частных беседах с ними старался уничтожить раздор и примирить их между собою. Писистрат всегда прислушивался к его речам. Солон говорил и ему самому и другим, что если у Писистрата из души изъять любовь к первенству и исцелить его от страсти к тирании, то не будет человека более склонного к добру и лучшего гражданина. После начала тирании Писистрата Солон прожил меньше двух лет. По легенде, после его смерти пепел от сожженного тела философа был развеян над Саламином.

Писистрат сохранил законы Солон, взимал относительно умеренные налоги – десятину, улучшил судопроизводство, ввел пенсию для инвалидов войн. Любовь бедных крестьян он заслужил тем, что роздал им земли, конфискованные у своих аристократических противников. Из других деяний Писистрата следует отметить постройку порта Пирей; храма Деметры в Элевсине, недалеко от Афин, в самих Афинах – рынка и водопровода.

Политическим кредо Писистрата было «Пусть народ занимается своими делами, а я позабочусь об общественных».

Он неоднократно изгонялся из Афин своими политическими противниками, однажды даже собственным тестем – Мегаклом. Согласно приведенной Геродотом сплетне, Писистрат, имевший взрослых сыновей, не хотел заводить потомства от своей второй супруги, которая к тому же происходила из рода, считавшегося в Афинах проклятым, и поэтому сходился с ней исключительно «противоестественным образом», чем вызвал страшную обиду ее родни. По их настоянию, к Писистрату был применен закон о тирании, его имущество конфисковано и продано с торгов. Но Писистрат, отправившись со своими «копьеносцами» во Фракию, захватил там серебряные Пангейские рудники, благодаря чему получил финансовые возможности для дальнейшей борьбы. Спустя десять лет он двинулся со своими наемниками на Афины и вновь занял их.

Аристотель: *«Руководил государственными делами Писистрат (...) с умеренностью и скорее в духе гражданского равноправия, чем тиранически. Он был вообще гуманным и кротким человеком, снисходительным к провинившимся; бедных он даже снабжал вперед деньгами на сельские работы, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием (...) вообще простой народ он старался ничем не раздражать во время своего правления, но всегда обеспечивал мир и поддерживал спокойствие».*

Отрывок из письма Солона – Эпимениду. *«Вижу: ни мои законы не были на пользу афинянам, ни ты твоими очищениями не помог согражданам. Ибо не обряды и законодатели сами по себе могут помочь государству, а лишь люди, которые ведут толпу, куда пожелают. Если они ведут ее хорошо, то и обряды и законы полезны, если плохо, то бесполезны. Мои законы и мое законодательство ничуть не лучше: применявшие их причинили пагубу обществу, не воспрепятствовав Писистрату прийти к власти, а предостережениям моим не было веры: больше верили афиняне его лести, чем моей правде. Тогда я сложил свое оружие перед советом военачальников и объявил, что умнее тех, кто не предвидел тирании Писистрата, и сильнее тех, кто убоился ей воспротивиться. И за это Солон объявили сумасшедшим. Наконец, я произнес такую клятву: “Отечество мое! Я, Солон, готов тебя оборонять и словом и делом, но они меня полагают безумным. Поэтому я удаляюсь отсюда как единственный враг Писистрата, они же пусть служат ему хоть телохранителями. Ибо надобно тебе знать, друг мой, что человек этот небывалыми средствами домогался тирании. Поначалу он был народным предводителем. Потом он сам себя изранил, явился в суд и возопил, что претерпел это от своих врагов, в охрану от которых умоляет дать ему четыреста юношей. А народ, не послушав меня, дал ему этих мужей, и они стали при нем дубинщиками. А достигнув этого, он упразднил народную власть. Так не вотще ли я радел об избавлении бедных от кабалы, если ныне все они рабствуют Писистрату?”»*

Глава 2 Сто лет спустя. Золотой век Перикла. Такой ли уж золотой?

Перикл был из филы Акамантиды, из дема Холарга – как с отцовской, так и с материнской стороны из дома и рода, занимавших первое место. По легенде, накануне родов его матери Агаристе приснилось, что она родила льва. Телесных недостатков у него не было, только голова была продолговатая и несоразмерно большая. Вот почему он изображается почти на всех статуях со шлемом на голове, – очевидно, потому, что скульпторы не хотели представлять его в позорном виде. Но аттические поэты называли его «схинокефалом» – лукоголовым, потому что морскую луковицу называют иногда «схиной».

Учителем Перикла был философ-атеист Анаксагор из Клазомен, которого современники уважительно называли «Умом». Питая необыкновенное уважение к этому человеку, Перикл усвоил серьезную манеру речи, серьезное выражение лица. Он редко смеялся, мало жестикулировал, одевался очень скромно, говорил ровно, избегал

торопливости. Его было трудно, почти невозможно вывести из себя.

Плутарх: *«...какой-то подлый нахал однажды целый день его бранил и оскорблял; он молча терпел это на площади, заканчивая в то же время какое-то неотложное дело; вечером он скромно пошел домой, а тот человек шел за ним и осыпал его всякими ругательствами. Перед тем как войти в дом, когда было уже темно, он велел своему слуге взять светильник и проводить этого человека до самого его дома».*

Занявшись политикой, он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни к кому из друзей на обед. В городе его видели идущим лишь по одной дороге – на площадь и в Совет.

Плутарх о речах Перикла: *«Перикл, настраивая свою речь, как музыкальный инструмент, в тон этому укладу жизни и высокому образу мыслей, во многих случаях пользовался Анаксагором, примешивая понемногу, как бы в подкрепление, к своему красноречию науку о природе».*

Перикл был осторожен в речах и, идя к ораторской трибуне, молил богов, чтобы у него против воли не вырвалось ни одного слова, не подходящего к данному делу.

Однажды, когда он вместе с Софоклом участвовал в морской экспедиции в должности стратега, и Софокл похвалил одного красивого мальчика, Перикл ему сказал: “У стратега, Софокл, должны быть чистыми не только руки, но и глаза”.

Перикл, произнося с трибуны надгробную речь в память граждан, павших на Самосе, назвал их бессмертными подобно богам: “Ведь и богов мы не видим, – сказал он, – но по тем почестям, которые им оказывают, и по тем благам, которые они нам даруют, мы заключаем, что они бессмертны; эти черты свойственны и тем, которые погибли в бою за отечество”.

Власть далась Периклу нелегко, ему пришлось выдержать серьезную борьбу с членом Ареопага Кимоном, человеком очень богатым и влиятельным. Ареопаг – «холм Ареса» – орган власти в Афинах, был назван по месту заседаний на холме Ареса возле Акрополя. Кимон приглашал каждый день нуждающихся граждан обедать, одевал престарелых, снял загородки со своих усадеб, чтобы, кто захочет, пользовался их плодами. Перикл, будучи намного его беднее, не мог себе позволить подобного, поэтому он обратился к разделу общественных денег.

Плутарх: *«Раздачею денег на зрелища, платою вознаграждения за исполнение судебных и других обязанностей и разными вспомоществованиями Перикл подкупил народную массу и стал пользоваться ею для борьбы с Ареопагом, членом которого он не был».*

Приобретя влияние, Перикл стал добиваться изгнания Кимона, объявив того сторонником спартанцев и врагом демократии. Обвинения не соответствовали истине, но тот действительно был подвергнут остракизму и изгнан! Впрочем, утверждают, что впоследствии Перикл сам внес предложение о возвращении Кимона из ссылки и вернул ему один из важных постов. Больше никаким репрессиям тот не подвергался и умер на Кипре в должности стратега.

Однако единоличной власти Периклу добиться не удалось: аристократическая партия все-таки хотела противопоставить ему какого-нибудь противника, который бы ослабил его влияние. В противовес ему они выставили Фукидид из Алопеки, человека умеренного, бывшего в свойстве с Кимоном. Фукидид не был таким любителем войны, как Кимон; но он был больше склонен к общественной жизни и к занятию политикой. Оставаясь в городе и ведя борьбу с Периклом на трибуне, он скоро восстановил равновесие между приверженцами различных взглядов.

Среди военных походов Перикла особенно знаменит его поход в Херсонес, доставивший спасение жившим там эллинам, несколько экспедиций в Понт – Черное Море, а также морской поход вокруг Пелопоннеса, названный современниками «изумительным». С

эскадрой в сто триер он опустошил не только большую часть побережья, но и проникал с гоплитами, бывшими во флоте, в глубь страны далеко от моря. С его отрядом не произошло ни одного даже и случайного несчастья.

При Перикле в Афинах развернулось мощное строительство: именно тогда архитекторы Иктин и Калликрат возвели Парфенон, Калликратом же были сооружены Длинные стены, защищавшие дорогу из Афин в порт Пирей. Был построен и театр – Одеон. Именно в честь него столь многие современные кинотеатры называются «Новыми Одеонами». Всем распорядился и за всем наблюдал у Перикла скульптор Фидий. Все это не только служило украшению города, но и давало работу городской бедноте – праздной и в силу этого опасной. Перикл же добивался, чтобы те, кто не несет военной службы, не были обездолены, но вместе с тем чтобы они и не получали, выражаясь по-современному, «пособие по безработице». Поэтому он добивался финансирования грандиозных по тем временам проектов, требовавших применения разных ремесел и рассчитанных на долгое время, чтобы остающееся в городе население имело право пользоваться общественными суммами нисколько не меньше граждан, находящихся во флоте, в гарнизонах, в походах.

Парадоксально, но то, что приводило современников в изумление и на века прославило Афины – величественный Акрополь и другие здания – все это послужило поводом для жесткой критики Перикла. Враги осуждали его и чернили в Народном собрании. Эллины считали, что они терпят страшное насилие и подвергаются открытой тирании, из-за того, что на уплачиваемые ими Афинам налоги, то есть деньги, предназначенные для войны, афиняне «золотят и наряжают город, точно женщину-щеголиху, обвешивая его дорогим мрамором, статуями богов и храмами, стоящими тысячи талантов».

Перикл: *«Афиняне не обязаны отдавать союзникам отчет в деньгах, потому что они ведут войну в защиту их и сдерживают варваров, тогда как союзники не поставляют ничего – ни коня, ни корабля, ни гоплита, а только платят деньги; а деньги принадлежат не тому, кто их дает, а тому, кто получает, если он доставляет то, за что получает. Но, если государство снабжено в достаточной мере предметами, нужными для войны, необходимо тратить его богатство на такие работы, которые после окончания их доставят государству вечную славу, а во время исполнения будут служить тотчас же источником благосостояния, благодаря тому, что явится всевозможная работа и разные потребности, которые пробуждают всякие ремесла, дают занятие всем рукам, доставляют заработок чуть не всему государству, так что оно на свой счет себя и украшает, и кормит».*

Фукидид и ораторы его партии подняли крик, что Перикл растрчивает деньги и лишает государство доходов. Тогда Перикл в Собрании предложил народу вопрос, находит ли он, что издержано много. Ответ был, что очень много. «В таком случае, – сказал Перикл, – пусть эти издержки будут не на ваш счет, а на мой, и на зданиях я напишу свое имя». После этих слов Перикла народ, восхищенный ли величием его духа, или не желая уступить ему славу таких построек, закричал, чтобы он все издержки относил на общественный счет и тратил, ничего не жалея. Наконец, он вступил в борьбу с Фукидидом, рискуя сам подвергнуться остракизму. Он добился изгнания Фукидида и разбил противную партию.

Плутарх: *«Между тем росли здания, грандиозные по величине, неподражаемые по красоте. Все мастера старались друг перед другом отличиться изяществом работы; особенно же удивительна была быстрота исполнения. Сооружения, из которых каждое, как думали, только в течение многих поколений и человеческих жизней с трудом будет доведено до конца, – все они были завершены в цветущий период деятельности одного государственного мужа».*

По красоте своей они с самого начала были старинными, а по блестящей сохранности они доныне свежи, как будто недавно окончены: до такой степени они всегда блещут каким-то цветом новизны и сохраняют свой вид не тронутым рукою времени, как будто

эти произведения проникнуты дыханием вечной юности, имеют нестареющую душу!»

Между тем Фидий работал над статуей богини, богато украшенной золотом. Она стала его последней работой: скульптора обвинили в краже драгоценного металла. Один из помощников Фидия, Менон, сел на площади в виде молящего и просил, чтобы ему дозволено было безнаказанно сделать донос на Фидия и обвинять его. Народ принял донос благосклонно. При разборе этого дела в Народном собрании улики в воровстве не оказалось: по совету Перикла, Фидий с самого начала так приделал к статуе золото и так ее обложил им, что можно было все его снять и проверить вес, что в данном случае Перикл и предложил сделать обвинителям. Но над Фидием тяготела зависть к славе его произведений, особенно за то, что, вырезая на щите сражение с Амазонками, он изобразил и себя самого в виде плешивого старика, поднявшего камень обеими руками; точно так же он поместил тут и прекрасный портрет Перикла, сражающегося с Амазонкой. Рука Перикла, державшая поднятое копьё перед лицом, сделана мастерски, как будто хочет прикрыть сходство, но оно видно с обеих сторон. Помимо воровства старого скульптора обвиняли также и в том, что он принимает для Перикла свободных женщин, приходящих осматривать постройки. Уличные комики ухватились за эту сплетню, распускали слухи о страшном распутстве Перикла, обвиняли его в связи с женами его же друзей и даже в связи с собственной невесткой.

Фидий был отведен в тюрьму и там умер то ли от болезни, то ли от яда, который дали ему враги Перикла. Доносчику Менону народ, по предложению Гликона, даровал свободу от всех повинностей и приказал стратегам заботиться о его безопасности.

Вторым ударом, направленным против Перикла, стал судебный процесс над его учителем Анаксагором, философом-атеистом. Именно это и послужило обвинением, так как в Афинах приняли новый закон, чтобы люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, были привлекаемы к суду как государственные преступники. Понимая, что приговор может быть суров, да к тому же старик может и не вынести тюремного заключения, Перикл помог Анаксагору бежать из Афин. Тот уже был сильно болен и вскоре умер в своем поместье.

Но несчастья Перикла на этом не кончились! Комический поэт Гермипп выступил с обвинениями в нечестии против любовницы Перикла – гетеры Аспазии. Да, действительно, профессия Аспазии была не из красивых и не из почтенных: она содержала веселый дом. Но не это считалось преступлением: Гермипп утверждал, что ее заведение посещают и свободные женщины, а она занимается сводничеством, принимая их для Перикла.

Куртизанка Аспазия была родом из Милета. Красивая и умная, обаятельная и искусенная в интригах, она заводила связи с мужчинами только самого высокого ранга. Многие в Афинах искали ее общества ради ее ораторского таланта. Многие ее любовники выбивались в люди, благодаря ее мудрым советам. Даже Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми, и ученики его даже приводили к ней своих жен, чтобы послушать ее рассуждения. Перикл пленился ею как умной женщиной, понимавшей толк в государственных делах. До Аспазии у Перикла была законная жена, родившая ему двоих сыновей. Потом, когда совместная жизнь перестала им нравиться, супруги развелись. Та женщина вышла замуж за кого-то другого, а Перикл взял в свой дом Аспазию и чрезвычайно ее любил. Говорят, при уходе из дома и при возвращении с площади он ежедневно приветствовал ее и целовал.

Кратин, осуждая Перикла, называл Аспазию не женой, а наложницей: «Геру Распутство рождает ему, наложницу с взглядом бесстыдным. Имя Аспазия ей».

От нее у Перикла был незаконнорожденный сын, названный в честь отца. Увы, мальчика долго попрекали тем, что он «блуднице родня».

Теперь же Перикла обвиняли в том, что он провел в Народном собрании постановление о вмешательстве в войну родного города Аспазии – Милета с островом Самос не ради выгоды Афин, а главным образом ради Милета – по просьбе Аспазии. Эта война затянулась и пока не приносила Афинам никакой пользы, а лишь только вред: известно, что если

самосцам удавалось захватывать в плен афинян, они их клеймили, выжигая на лбу силуэт совы. К тому же в Афинах разразилась эпидемия чумы, и это тоже дало повод к недовольству.

Политические противники грозили и обвиняли Перикла, хоры пели насмешливые песни, чтоб его осрамить, издевались над его командованием, называя его трусливым и отдающим отечество в жертву врагам.

Саму же Аспазию обвинители выставляли сводней, поставившей Периклу молодых любовниц. Плутарх пишет, что Перикл вымолил ей пощаду, очень много слез пролив за нее во время разбирательства дела и упросив судей. Но самого Перикла по приговору суда лишили должности стратега и наложили на него денежный штраф, размер которого некоторые определяют в пятнадцать талантов, а некоторые даже в пятьдесят. Между тем Перикл, хоть и обладал огромной властью, богат не был.

Плутарх: *«Хотя он сделал город из великого величайшим и богатейшим, хотя он могуществом превзошел многих царей и тираннов, из которых иные заключали договоры с ним, обязательные даже для их сыновей, он ни на одну драхму не увеличил своего состояния против того, которое оставил ему отец».*

И дома положение его было печально: во время эпидемии он потерял немало близких людей. Умер его сын Ксафипп, с которым уже он уже давно был в ссоре. Перикл потерял тогда также и сестру и большую часть свойственников и друзей, бывших очень полезными помощниками в его государственной деятельности. Однако он не изнемог под бременем несчастий и не потерял величия духа и твердости: его никто не видал даже плачущим ни на похоронах кого-либо из родных, ни впоследствии на могиле, пока наконец он не потерял и последнего из законных сыновей, Парала. Это несчастье сломило его; он старался выдержать характер и сохранить душевную твердость, но, когда возлагал на умершего венки, не мог при виде его устоять против горя, разразился рыданиями и залился слезами; ничего подобного с ним не случилось во всю жизнь.

Между тем афиняне испытывали других стратегов и ораторов, насколько они пригодны для ведения войны; но ни у кого из них не оказалось ни влияния, достаточного для такой высокой власти, ни авторитета, обеспечивающего надлежащее исполнение ее. Афиняне жалели о Перикле и звали его на ораторскую трибуну и в помещение для стратегов. Но Перикл лежал дома, убитый горем, и только Алкивиад и другие друзья уговорили его пойти на площадь. Народ просил простить ему его несправедливость, и Перикл опять принял на себя управление делами и был выбран в стратеги. Тотчас после этого он потребовал отмены закона о незаконнорожденных детях, который он сам прежде внес, – для того, чтобы за отсутствием у него наследников не прекратились совершенно его род и имя. Закон этот был жестоким: на его основании около пяти тысяч человек были лишены афинского гражданства и проданы в рабство. Теперь же беда коснулась самого Перикла. Афиняне, хоть и полагали, что он терпит наказание за гордость и самомнение, пошли ему навстречу и позволили внести сына Аспазии в список граждан и дать ему свое имя. [2]

Клавдий Элиан: *«Во время своей стратегии Перикл ввел в Афинах такой закон: если один из родителей не афинский гражданин, дети от такого брака не могут быть признаны афинскими гражданами. Но его самого постигло за это возмездие. Ведь двое сыновей Перикла, Парал и Ксантипп, погибли во время чумного поветрия, у оставшегося же в живых третьего сына, Перикла, мать не была афинской гражданкой, так что по закону, учрежденному отцом, он не пользовался гражданскими правами».*

Перикл предпринял новый поход против Самоса, на этот раз успешный. Известно, что в этот раз при осаде он употреблял машины, возбуждавшие тогда удивление своей новизной. Они были сконструированы механиком Артемоном Перифоретом. Его прозвище переводится как «носимый вокруг»: механик был хромоног и почти не мог передвигаться сам, вместо этого его носили на носилках. К тому же он был человек изнеженный, малодушный и трусливый, по большей части сидевший дома, причем двое слуг держали над

его головой медный щит, чтобы на него ничего не упало сверху.

Месяцев через девять самосцы сдались. Перикл разрушил их стены, отобрал корабли и наложил на них большую контрибуцию деньгами. Часть ее самосцы тотчас же внесли; другую часть обязались уплатить в назначенный срок, в обеспечение чего дали заложников.

Самосский историк, живший на сто лет позже, рассказывал о страшных жестокостях Перикла. Будто Перикл привез самосских начальников кораблей и воинов в Милет и там на площади продержал их привязанными к доскам в течение десяти дней и, наконец, когда они были уже в изнеможении, велел их убить ударами палки по голове, а тела бросить без погребения. Впрочем, больше никто из историков об этих ужасах не упоминает.

После покорения Самоса Перикл возвратился в Афины, устроил торжественные похороны воинов, павших на войне, и, согласно обычаю, произнес на их могилах речь, которая привела всех в восторг. Когда он сходил с кафедры, все женщины приветствовали его, надевали на него венки и ленты, как на победителя на всенародных играх; но Эльпиника подошла к нему и сказала: «Да, Перикл, твои подвиги достойны восторга и венков: ты погубил много добрых граждан наших не в войне с финикиянами и мидянами, как брат мой Кимон, а при завоевании союзного и родственного нам города».

Эта победа, которой Перикл очень гордился, стала его последней удачей: вскоре он тяжело заболел. Болезнь была тихая, затяжная, с различными колебаниями, медленно изнурявшая тело и постепенно подтачивавшая душевные силы. Лекарства не помогали. Однажды Перикл показал одному своему другу, навестившему его, ладанку, которую женщины надели ему на шею: он хотел этим сказать, что ему очень плохо, раз уж он согласен терпеть и такую нелепость.

Когда Перикл был уже при смерти, вокруг него сидели лучшие граждане и остававшиеся в живых друзья его. Они рассуждали о его высоких качествах и политическом могуществе, перечисляли его подвиги и количество трофеев: он воздвиг девять трофеев в память побед, одержанных под его предводительством во славу отечества. Так говорили они между собою, думая, что он уже потерял сознание и не понимает их. Но Перикл внимательно все это слушал и, прервав их разговор, сказал, что удивляется, как они прославляют и вспоминают такие его заслуги, в которых равная доля принадлежит и счастью и которые бывали уже у многих полководцев, а о самой славной и важной заслуге не говорят: «Ни один афинский гражданин, – прибавил он, – из-за меня не надел черного плаща», то есть траура.

Анекдоты о Перикле: Однажды, когда Перикл был очень занят, Анаксагор, уже старик, лежал без призора, накрывши голову, чтобы покончить жизнь, уморив себя голодом. Когда известие об этом дошло до Перикла, он в испуге сейчас же побежал к старику и стал уговаривать его оставить это намерение, оплакивая не его, а себя при мысли, что лишится такого советника в государственных делах. Тогда Анаксагор открыл голову и сказал ему: «Перикл, кто имеет надобность в лампе, подливает в нее масла».

Некий стратег, полагаясь на прежние успехи, в совсем не подходящий момент решил предпринять вторжение в Беотию. Он уже успел склонить самых храбрых и честлюбивых юношей принять участие в походе в качестве добровольцев; их было тысяча человек, не считая остального войска. Перикл старался удержать его от этого предприятия и произнес при этом знаменитую фразу, что, если он и не послушается Перикла, то во всяком случае не сделает ошибки, если подождет самого умного советника – времени. Тогда эти слова не встретили большого одобрения; но спустя несколько дней пришло известие о поражении злосчастного стратега и его гибели.

Перикл снарядил полтораста кораблей, посадил на них много храбрых гоплитов и всадников и собирался уже выйти в море; такая крупная сила подавала большую надежду гражданам и внушала не меньший страх врагам. Уже войска сели на суда, и сам Перикл взошел на свою триеру, как вдруг произошло солнечное затмение, наступила темнота, все перепугались, считая это важным предзнаменованием. Перикл, видя ужас и полную растерянность кормчего, поднял свой плащ перед его глазами и, накрыв его, спросил,

неужели в этом есть какое-нибудь несчастье или он считает это предзнаменованием какого-нибудь несчастья. Тот отвечал, что нет. «Так чем же то явление отличается от этого, – сказал Перикл, – как не тем, что предмет, который был причиной темноты, больше плаща?»

Когда спартанский царь Архидам спросил одного знатного афинянина, кто лучше в кулачном бою, он или Перикл, тот ответил: «Право не знаю, если даже я собою его с ног, он будет уверять, что не падал, убедит всех присутствующих и победит».

Сократ и его ученики

Одним из немногих ближайших друзей Перикла был Сократ – величайший из философов, знаток человеческой природы, достаточно скептически относящийся к любой власти. Острый на язык, язвительный поэт Тимон Флиунтский написал о нем: *«Всей чарователь Эллады, искуснейший в доводах тонких, / С полуаттической солью всех риторгов перешутивший».*

Сократ родился в Афинах в 470 году до нашей эры и погиб там же в возрасте семидесяти одного года. Отец Сократа, Софроникс, возводил свой род к самому Дедалу, он был каменотесом, и есть сведения, что в юности философ работал в его мастерской, и одетые хариты на Акрополе – работа Сократа. Мать Сократа – Фенарета – была повитухой. Позднее Сократ сравнивал свое занятие с материнским, говоря о себе, что, как и мать, он принимает роды, но не у жен, а у мужей, и роды души, а не тела. Как и Перикл, Сократ был учеником Анаксагора из Клазомен. Диоген Лаэртский сообщает, что затем он «слушал Архелая-физика и даже был его налогом».

Диоген Лаэртский: *«Сократ первым стал рассуждать об образе жизни и первым из философов был казнен по суду. Он не слишком интересовался математикой и вопросами сотворения мира. Говорят, когда Еврипид дал ему сочинение Гераклита и спросил его мнение; Сократ ответил: “Что я понял – прекрасно; чего не понял, наверное, тоже: только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком”. Вместо этого он стал рассуждать о нравственной философии по рынкам и мастерским, исследуя, по его словам, что у тебя и худого и доброго в доме случилось».*

Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это, не противясь. Однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: “Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?”»

В 433 году до нашей эры, после того как началась Пелопонесская война, Сократ принял в ней участие и проявил немалое мужество. Известно, что он не терял хладнокровия и выдержки никогда, даже при тяжелом отступлении. Когда основная часть афинского войска беспорядочно бежала, Сократ шел спокойно, то и дело поворачиваясь лицом к врагу. Дважды во время боя он спасал жизнь своим друзьям – Алкивиаду и Ксенофону.

Диоген Лаэртский: *«Он занимался телесными упражнениями и отличался добрым здоровьем. Во всяком случае он участвовал в походе под Амфиполь, а в битве при Делии спас жизнь своему будущему ученику Ксенофону, подхватив его, когда тот упал с коня. Среди повального бегства афинян он отступал, не смешиваясь с ними, и спокойно оборачивался, готовый отразить любое нападение. Участвовал он и в морских сражениях и получил награду за доблесть, но уступил ее Алкивиаду – с Алкивиадом он находился даже в любовных отношениях».*

Сократ не оставил после себя никаких письменных работ. Он не записывал свои мысли, считая, что это ослабляет память и убивает мысль, предпочитая разговаривать с людьми. Уже много позднее по памяти его диалоги записали Платон и Ксенофонт, безмерно уважавшие своего учителя. Но были у него и недоброжелатели: Сократ упоминается в комедиях Аристофана – эти упоминания были прижизненными, пародийными и саркастическими.

Клавдий Элиан: *«Сократ редко посещал театр, разве когда трагический поэт Еврипид выступал со своими новыми драмами... Философ ценил его за мудрость и поэтический дар. Но как-то раз Алкивиад, сын Клиния, и Критий, сын Каллесхра, заставили Сократа пойти в театр послушать шутки комических актеров. Он не одобрил этого зрелища и как человек рассудительный, справедливый, добродетельный и вдобавок мудрый выказал только презрение к шуткам, дерзостям и дурачеству, принятым в комедии. Это обидело комических поэтов, что также, помимо посулов Анита и Мелета, послужило причиной возникновения “Облаков”. Аристофан, конечно, получил вознаграждение за свою комедию. Понятно, что, бедняк и отпетый человек, он взял деньги за свою ложь... “Облака” между тем имели успех. Как никогда подтвердились слова Кратина о том, что в театре умолкает голос рассудка».*

Из комедии «Облака»: Сократ, указывая на облака:

– Так пойми же: богини они лишь одни, остальное – нелепые бредни!

Стрепсиад:

– Ну а Зевс? Объясни, заклинаю Землей, нам не бог разве Зевс Олимпийский?

Сократ:

– Что за Зевс? Перестань городить пустяки! Зевса нет.

Стрепсиад:

– Вот так так! Объясни мне, кто же дождь посылает нам? Это сперва расскажи мне подробно и ясно.

Сократ, показывая на Облака:

– Вот они. Кто ж еще? Целый ворох тебе приведу я сейчас доказательств.

Что, видал ты хоть раз, чтоб без помощи туч Зевс устраивал дождь? Отвечай мне!

А ведь мог бы он, кажется, хлынуть дождем из безоблачной ясной лазури.

Женат Сократ был на Ксантиппе, которую большинство его биографов представляют весьма сварливой женщиной. Она родила ему троих сыновей.

Клавдий Элиан: *«Ксантиппа утверждала, что, несмотря на тьму перемен в городе и в их собственной жизни, Сократ, выходя из дому или возвращаясь, сохранял всегда одинаковое выражение лица, так как свикался со всем без труда, никогда не терял спокойствия духа и не отдавал себя во власть печали и страха».*

Диоген Лаэртский: *«По словам Аристотеля, женат он был дважды: первый раз на Ксантиппе, от которой у него был сын Лампрокл, и во второй раз – на Мирто, дочери Аристида Справедливого, которую он взял без приданого и имел от нее сыновей Софрониска и Менексена».*

Сократ был другом Перикла и Аспазии и входил в узкий кружок близких им людей. При Перикле Сократ принимал участие в политической жизни Афин, а после его смерти стал членом афинского Совета пятисот. В то время Афины вели войну со Спартой, но после первых успехов афиняне фактически сами своими руками похоронили свой флот, осудив на смерть стратегов, одержавших победу в морском сражении при Аргинусе, но не сумевших из-за начинающейся бури похоронить убитых и спасти утопающих. Сократ был единственным, кто выступал в суде за их оправдание. Последующие события показали, как он был прав: с тех пор Афины терпели поражение за поражением.

Спустя год он снова решается выступить против властей и отказывается подчиниться приказу Тридцати тираннов, только что пришедших к власти в Афинах, арестовать невинного человека, которого правители посчитали своим врагом. Несмотря на бедность, у Сократа было много завистников и недоброжелателей, тем более что он часто обличал в неразумии тех, кто был о себе слишком высокого мнения. Сам же он отличался скромностью и любил повторять: «Я знаю лишь, что ничего не знаю».

Враги подали на него в суд, обвинив в безбожии и в том, что он придумывает новых богов. Сократ действительно говорил о том, что у каждого человека существует свой «демоний» – некий дух, говорящий, что хорошо, а что плохо. Теперь таких демониюв мы

называем совестью, но современникам Сократа это понятие было неизвестно. «И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого сами мы славим: безграничного Воздуха ширь, Облака и Язык, – вот священная троица!» – так видел его учение Аристофан.

Сократ не признал своей вины и даже позволил себе подшутить над судьями: на вопрос, какое наказание он бы сам себе назначил, а это было обычной судебной практикой в Афинах, Сократ ответил, что назначить себе наказание, значит признать себя виновным, а он – невиновен, и поэтому может назначить себе лишь обед за государственный счет. Такой ответ вызвал гнев и возмущение судей. Защитников его больше не слушали. Платона, пытавшегося произнести написанную заранее речь, прогнали с трибуны. Сократу был вынесен смертный приговор в тот самый день, когда из Аттики на Делос отправлялся ритуальный корабль с дарами для богов. По закону, пока этот корабль не вернется обратно, приговор не мог быть приведен в исполнение, поэтому между судом и казнью прошло больше месяца.

Клавдий Элиан: *«Когда корабль возвратился с Делоса, и Сократ был обречен, в темницу к нему пришел его друг Аполлодор, принес красивый шерстяной хитон и столь же дорогой гиматий и стал просить, чтобы Сократ выпил яд, одевшись в этот хитон и гиматий. Он говорил, что в такой одежде Сократа не стыдно будет положить в могилу и его тело будет убрано подобающим образом. Таковы были слова Аполлодора. Сократ же остался невозмутим и, обратившись к Критону, Симмию и Федону, сказал: “Высокого обо мне мнения этот Аполлодор, если может думать, будто, после того как я выпью эту заздравную чашу, он еще будет видеть Сократа. Ведь если он полагает, что тот, кто скоро будет распростерт у ваших ног на полу, – это я, он, очевидно, совсем не знает меня”».*

Платон: *«Федон...Вышло так, что как раз накануне приговора афиняне украсили венком корму корабля, который они посылают на Делос.*

Эхекрат. А что за корабль?

Федон. По словам афинян, это тот самый корабль, на котором Тесей некогда повез на Крит знаменитые семь пар. Он и им жизнь спас, и сам остался жив. А афиняне, как гласит предание, дали тогда Аполлону обет: если все спасутся, ежегодно отправлять на Делос священное посольство. С той поры и поныне они неукоснительно, год за годом, его отправляют. И раз уж снарядили посольство в путь, закон требует, чтобы все время, пока корабль не прибудет на Делос и не возвратится назад, город хранил чистоту и ни один смертный приговор в исполнение не приводился. А плавание иной раз затягивается надолго, если задуют противные ветры. Началом священного посольства считается день, когда жрец Аполлона возложит венок на корму корабля. А это случилось накануне суда – я уже вам сказал. Потому-то и вышло, что Сократ пробыл так долго в тюрьме между приговором и кончиною».

Имея возможность бежать из тюрьмы, он этого не сделал и друзей своих, плакавших о нем, упрекал, обращая к ним в темнице лучшие свои речи. Когда ему сказали: «Афиняне тебя осудили на смерть», он ответил: «А природа осудила их самих». «Ты умираешь безвинно», – говорила ему жена; он возразил: «А ты бы хотела, чтобы заслуженно?» По истечении положенного срока он выпил чашу с ядом и умер в окружении своих учеников. Последний день его жизни описан Платоном в диалоге «Федон». Федоном звали юношу, выкупленного по просьбе Сократа из публичного дома и ставшего затем его учеником, а впоследствии – известным философом.

Платон: *«...сидя подле него, я испытывал удивительное чувство.*

Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал – он казался мне счастливецом, Эхекрат, я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал, что у меня даже являлась мысль, будто и в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее, чем кто-либо иной. Вот почему особой жалости я не ощущал – вопреки всем

ожиданиям, – но вместе с тем философская беседа (а именно такого свойства или у нас разговоры) не доставила мне привычного удовольствия. Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби – при мысли, что он вот-вот должен умереть. И все, кто собрался в тюрьме, были почти в таком же расположении духа и то смеялись, то плакали...»

«...вошел человек, который держал в руке чашу со стертым ядом, чтобы поднести Сократу. Увидев этого человека, Сократ сказал:

– Вот и прекрасно, любезный. Ты со всем этим знаком – что же мне надо делать?

– Да ничего, – отвечал тот, – просто выпей и ходи до тех пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда оно подействует само.

С этими словами он протянул Сократу чашу. И тот взял ее с полным спокойствием... не дрожал, не побледнел, не изменился в лице; но, по всегдашней своей привычке, взглянул на того чуть исподлобья и спросил:

– Как, по-твоему, этим напитком можно сделать возлияние кому-нибудь из богов или нет?

– Мы стираем ровно столько, Сократ, сколько надо выпить.

– Понимаю, – сказал Сократ. – Но молиться богам и можно и нужно – о том, чтобы переселение из этого мира в иной было удачным. Об этом я и молю, и да будет так.

Договорив эти слова, он поднес чашу к губам и выпил до дна – спокойно и легко.

– До сих пор большинство из нас еще как-то удерживалось от слез, но, увидев, как он пьет и как он выпил яд, мы уже не могли сдержаться себя. У меня самого, как я ни крепился, слезы лились ручьем. Я закрылся плащом и оплакивал самого себя – да! не его я оплакивал, но собственное горе – потерю такого друга! Критон еще раньше моего разразился слезами и поднялся с места. А Аполлотор, который и до того плакал не переставая, тут зарыдал и заголосил с таким отчаянием, что всем надорвал душу, всем, кроме Сократа. А Сократ промолвил:

– Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, – ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя! – И мы застыдились и перестали плакать.

Сократ сперва ходил, потом сказал, что ноги тяжелеют, и лег на спину: так велел тот человек. Когда Сократ лег, он оцупал ему ступни и голени и немного погодя – еще раз. Потом сильно стиснул ему ступню спросил, чувствует ли он. Сократ отвечал, что нет. После этого он снова оцупал ему голени и, понемногу ведя руку вверх, показывал нам, как тело стынет и коченеет. Наконец прикоснулся в последний раз и сказал, что когда холод подступит к сердцу, он отойдет.

Холод добрался уже до живота, и тут Сократ раскрылся – он лежал, закутавшись, – и сказал (это были его последние слова):

– Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте.

– Непременно, – отозвался Критон. – Не хочешь ли еще что-нибудь сказать?

Но на этот вопрос ответа уже не было. Немного спустя он вздрогнул, и служитель открыл ему лицо: взгляд Сократа остановился. Увидев это, Критон закрыл ему рот и глаза.

Таков... был конец нашего друга, человека – мы вправе это сказать – самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого».

Очень скоро афиняне раскаялись в вынесенном ими несправедливом приговоре: они приговорили обвинителей Сократа к изгнанию, а ему воздвигли бронзовую статую работы Лисиппа.

Анекдоты о Сократе: Однажды Алкивиад предложил ему большой участок земли, чтобы выстроить дом; Сократ ответил: «Если бы мне нужны были сандалии, а ты предложил бы мне для них целую бычью кожу, разве не смешон бы я стал с таким подарком?» Часто он говаривал, глядя на множество рыночных товаров: «Сколько же есть вещей, без которых

можно жить!»

Он говорил, что это удивительно: всякий человек без труда скажет, сколько у него овец, но не всякий сможет назвать, скольких он имеет друзей, – настолько они не в цене. Посмотрев, как Евклид наострил в словопрениях, он сказал ему: «С софистами, Евклид, ты сумеешь обойтись, а вот с людьми – навряд ли». Досуг он восхвалял как драгоценнейшее достояние. Он говорил, что есть одно только благо – знание и одно только зло – невежество. Богатство и знатность не приносят никакого достоинства – напротив, приносят лишь дурное.

Когда кто-то сообщил ему, что философ-киник Антисфен родился от фракиянки, он ответил: «А ты думал, что такой благородный человек мог родиться только от полноправных граждан?» А когда способный юноша Федон, оказавшись в плену, был отдан в блудилище, то Сократ велел своему ученику Критону его выкупить и сделать из него философа. Уже стариком он учился играть на лире: разве неприлично, говорил он, узнавать то, чего не знал? Плясал он тоже с охотой, полагая, что такое упражнение полезно для крепости тела.

Человеку, который спросил, жениться ему или не жениться, он ответил: «Делай что хочешь – все равно расквасишься». Удивительно, говорил он, что ваятели каменных статуй бьются над тем, чтобы камню придать подобие человека, и не думают о том, чтобы самим не быть подобием камня. А молодым людям советовал он почаще смотреться в зеркало: красивым – чтобы не срамить своей красоты, безобразным – чтобы воспитанием скрасить безобразие.

Однажды он позвал к обеду богатых гостей, и Ксантиппе было стыдно за свой скудный обед. «Не бойся, – сказал он, – если они люди порядочные, то останутся довольны, а если пустые, то нам до них дела нет». Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть. Нестоящую чернь он сравнивал с человеком, который одну поддельную монету отвергнет, а груду их примет за настоящие. Когда Эсхин сказал: «Я беден, ничего другого у меня нет, так возьми же меня самого», он воскликнул: «Разве ты не понимаешь, что нет подарка дороже?!» Кто-то жаловался, что на него не обратили внимания, когда Тридцать тираннов пришли к власти. «Ты ведь не жалеешь об этом?» – сказал Сократ.

Ему сообщили, что кто-то говорит о нем дурно. «Это потому, что его не научили говорить хорошо», – сказал он в ответ.

Однажды Ксантиппа сперва разругала его, а потом окатила водой. «Так я и говорил, – промолвил он, – у Ксантиппы сперва гром, а потом дождь». Алкивиад твердил ему, что ругань Ксантиппы непереносима; он ответил: «А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса. Переносишь ведь ты гусиный гогот?» «Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу», – сказал Алкивиад. «А Ксантиппа рождает мне детей», – отвечал Сократ. Однажды среди рынка она стала рвать на нем плащ; друзья советовали ему защищаться кулаками, но он ответил: «Зачем? Чтобы мы лупили друг друга, а вы покрикивали: «Так ее, Сократ! Так его, Ксантиппа!»?» Он говорил, что сварливая жена для него – то же, что норовистые кони для наездников: «Как они, одолев норовистых, легко справляются с остальными, так и я на Ксантиппе учусь обхождению с другими людьми».

Неудача Сократа. Алкивиад

Одним из самых любимых учеников Сократа и самой большой его неудачей стал Алкивиад – племянник и воспитанник Перикла. Отец Алкивиада, Клиний, погиб в морском сражении, когда его сын был еще совсем маленьким. «В его поведении и нраве было очень много разнородного и переменчивого», – говорит об Алкивиаде Плутарх и замечает, что «среди многих присущих ему от природы горячих страстей самой пылкой была жажда первенства и победы».

Нрав мальчика проявился уже в ранние годы. Как-то еще малышом, он играл в бабки в тесном переулке, и когда очередь бросать кости дошла до него, подъехала тяжело груженная телега, которая неизбежно должна была разметать брошенные им бабки. Сначала мальчик

попросил возницу немного обождать, но грубый мужлан не обратил внимания на его слова и продолжал погонять лошадей, и тогда остальные дети расступились, Алкивиад же бросился ничком перед самой телегой и, вытянувшись поперек дороги, крикнул вознице: «Теперь езжай, коли хочешь!» Тот в испуге осадил назад, а остальные участники этой сцены, оправившись от изумления, с громкими криками бросились к Алкивиаду.

Плохую службу Алкивиаду сослужила его необычайная красота, воспетая многими поэтами.

Плутарх: *«...во всякую пору его жизни она была в полном цвете, сообщая мальчику, юноше, а затем взрослому мужу прелесть и обаяние... Говорят, ему была в пользу даже картавость, придававшая убедительность и редкое изящество непринужденным речам».*

Древние так восхищались его внешностью, что столетия спустя средневековые переводчики приняли Алкивиада за... женщину! «Скажи, в каких краях они, / Таис, Алкида – утешенье / Мужей, блиставших в оны дни?» – писал Франсуа Вийон. «Алкида» – это и есть красавец Алкивиад, в юные годы действительно бывший «утешением» многих мужей: любовников у него было очень много. «Целая толпа знатных афинян окружала Алкивиада, ходила за ним по пятам, предупреждала все его желания», – сообщает Плутарх. Зная силу своей внешности, с ранних лет Алкивиад пользовался этим, чтобы приобретать влияние на людей. Большинство поклонников привлекала лишь красота мальчика, единственным человеком, заботившимся о его душе, был Сократ. Один из биографов Алкивиада пошутил, что Сократ держал своего возлюбленного за уши, оставляя соперникам немало удобных для захвата мест, которые ему самому недоступны, – чрево, срам, глотку... Но Сократ был один, а льстецов вокруг было много. Они разжигали честолюбие и тщеславие юноши, твердя, что стоит ему взяться за государственные дела, как он разом не только затмит всех прочих военачальников и народных любимцев, но и самого Перикла превзойдет могуществом и славою среди греков. Однажды философ-человеконенавистник Тимон, встретив Алкивиада, поздоровался и сказал: «Молодец, сынок, расти все выше и выше – громадным злом вырастешь ты для них всех!» – кто засмеялся, кто ответил бранью, но были и такие, кого эти слова смутили не на шутку.

Плутарх: *«Алкивиад, с самых ранних лет избалованный и как бы замкнутый в кругу людей, которые искали только его благосклонности и не давали прислушаться к словам наставника и воспитателя, все же благодаря врожденным своим качествам узнал Сократа и сблизился с ним, отдалившись от богатых и знатных влюбленных. Они быстро подружились, и когда он услышал речи Сократа – речи не любовника, жаждущего недостойных мужа наслаждений, домогающегося поцелуев и ласк, но обличителя, бичующего его испорченность и пустую, глупую спесь».*

Сократ единственный пользовался уважением Алкивиада, с остальными же влюбленными тот был резок и неприветлив, не ставя их ни во что. Подчас его выходки были чрезвычайно грубы. Однажды некий Анит пригласил Алкивиада на пир. Приглашение Алкивиад отверг и, оставшись у себя, пил с друзьями; когда же все захмелели, то шумной ватагой отправились к Аниту. Алкивиад остановился в дверях залы, окинул взором столы, уставленные серебряными и золотыми кубками, и приказал рабам забрать половину утвари и отнести к нему домой, но войти не удостоил и, распорядившись подобным образом, удалился. Гости возмущенно закричали, что Алкивиад-де нагло оскорбил хозяина. «Напротив, – возразил Анит, – он обнаружил сдержанность и снисходительность: ведь он оставил нам эту половину, меж тем как мог забрать все».

Анекдоты об Алкивиаде: Он хотел повидаться с Периклом и пришел к дверям его дома. Ему ответили, что хозяину недосуг, что он размышляет над отчетом, который должен будет дать афинянам, и, уходя, Алкивиад заметил: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?»

У Алкивиада была собака, удивительно красивая, которая обошла ему в семьдесят мин, и он приказал обрубить ей хвост, служивший животному главным украшением. Друзья

были недовольны его поступком и рассказывали Алкивиаду, что все жалеют собаку и бранят хозяина, но тот лишь улыбнулся в ответ и сказал: «Что ж, все складывается так, как я хочу. А хочу я, чтобы афиняне болтали именно об этом, – иначе как бы они не сказали обо мне чего-нибудь похуже!»

Падение Алкивиада

Алкивиад был избран стратегом и достиг в этой должности больших успехов. Но с делами и речами государственного мужа, с искусством оратора и мудростью сочетались непомерная роскошь повседневной жизни, разнузданность в попойках и любовных удовольствиях. Афинянка шокировала его манера одеваться: «...пурпурные, женского покроя одеяния, волочившиеся в пыли городской площади», чудовищная расточительность, выставляемая напоказ роскошь и распущенность. Почтенные граждане негодовали и с омерзением отплевывались. Зависть к Алкивиаду была велика, но он был умен и не совершал явных промахов, за которые его можно было привлечь к суду. Однако репутация его была такова, что народ был готов поверить и явной клевете.

На празднике в честь Адониса жители Афин, по обычаю, выставляли на улицу изображения богов. Наутро обнаружилось, что большая часть изображений изуродована. Один из вожаков толпы привел нескольких рабов и вольноотпущенников, которые заявили, что видели, как Алкивиад и его друзья, напившись, уродовали статуи богов, а кроме того, подражали на своих попойках тайным священнодействиям. Репутация Алкивиада была такова, что этим обвинениям поверили, хотя ничего надежного и достоверного доносчики показать не смогли. Один из них на вопрос, как он узнал осквернителей герм в лицо, ответил: «При свете луны», – и жесточайшим образом просчитался, поскольку все происходило в новолуние. Среди людей здравомыслящих это вызвало замешательство, однако в глазах народа даже подобная несурезица не лишила обвинений убедительности, и многие из друзей Алкивиада оказались в тюрьме. Сам Алкивиад, в то время бывший стратегом во флоте, решил не возвращаться на родину и дезертировал. Он был осужден заочно, его имущество конфисковано, а сверх того было принято дополнительное решение, обязывающее всех жрецов и жриц предать его проклятию.

Клавдий Элиан: *«Афиняне отозвали Алкивиада из Сицилии, чтобы предать суду и приговорить к смерти, но он не подчинился приказу, сказав: “Нелены старания оправдаться, когда можно просто бежать”».*

Алкивиад бежал в Пелопоннес и поступил на службу к врагам афинян – спартамцам. Он предал свою родину, возглавив войско противника. В числе прочего отряды, возглавляемые Алкивиадом, сумели разрушить Длинные стены, защищавшие путь из Афин в морской порт Пирей. Ничто другое не могло так непоправимо ослабить город. Конечно, в Спарте Алкивиаду пришлось оставить прежние манеры. Теперь он коротко остригся, купался лишь в холодной воде, ел ячменные лепешки и черную похлебку. Однако и тут он не мог сдержать свою сластолюбивую натуру и соблазнил Тимею, жену царя Агида, который был с войском за пределами Лакедемона, и та забеременела от него, и даже не скрывала этого. Женщина родила мальчика и дала ему имя Леотихида, но у себя, в кругу подруг и служанок, шепотом звала младенца Алкивиадом – так велика была ее любовь! А сам Алкивиад, посмеиваясь, говорил, что сделал это не из дерзкого озорства и не по вожделению, но только ради того, чтобы Спартою правили его потомки. Однако это не сбылось: Агид отказался признать его своим сыном, и Леотихид впоследствии лишился права на престол. Зато самому Алкивиаду пришлось бежать из Спарты, опасаясь мести Агида.

Он нашел пристанище при дворе персидского сатрапа Тиссаферна, где быстро занял самое высокое положение при дворе. Тиссаферн до такой степени поддавался на обходительность Алкивиада, что самый прекрасный из своих садов, изобиловавший полезными для здоровья водами и лужайками, с приютами для отдыха и местами для

увеселений, убранными истинно по-царски, он велел впредь именовать «Алкивиадовым». И все называли его так в течение многих и многих лет.

Плутарх: *«...среди многих его способностей было... искусство улавливать людей в свои сети, принаравливаясь к чужим обычаям и порядкам. Стремительностью своих превращений он оставлял позади даже хамелеона: к тому же хамелеон, как рассказывают, способен принять всякую окраску, кроме белой, тогда как Алкивиад, видел ли он вокруг добрые примеры или дурные, с одинаковой легкостью подражал и тем и другим: в Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии – изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам, и не то чтобы он без малейших усилий изменял подлинную свою природу и преобразовывался на любой лад в душе, отнюдь нет, но когда он замечал, что, следуя своим наклонностям, он рискует вызвать неудовольствие тех, кто его окружает, он всякий раз укрывался за любой личиной, какая только могла прійтись им по вкусу».*

Алкивиад еще не раз менял покровителей, он даже сумел вернуться в Афины, снова заняв должность стратега, и одержать немало побед, спасая город от гибели. Но не суждено ему было завершить свою жизнь в почете и уважении!

Плутарх: *«Если бывали люди, которых губила собственная слава, то, пожалуй, яснее всего это видно на примере Алкивиада. Велика была слава о его доблести и уме, ее породило все, свершенное им, а потому любая неудача вызывала подозрение – ее спешили приписать нерадивости, никто и верить не желал, будто для Алкивиада существует что-либо недостижимое: да, да, если только он постарается, ему все удастся!»*

Афиняне роптали, так как дела шли не столь быстро и успешно, как они рассчитывали, не задумываясь, как жестоко стеснен в средствах их полководец, ведущий войну с противником, которого снабжает деньгами сам великий царь. Враги Алкивиада усердствовали, распуская о нем злые сплетни. И вот после одного случайного поражения народ поверил врагам Алкивиада и, желая выразить ему свое нерасположение и гнев, избрал новых стратегов. Весть об этом испугала Алкивиادا, и он покинул лагерь афинян и, набрав наемников, занялся пиратством.

Плутарх: *«...Сойдя с триеры, он скрылся, и все поиски ни к чему не привели. Кто-то узнал его и спросил: “Неужели ты не веришь родине, Алкивиад?” “Отчего же, – возразил он, – верю во всем, кроме лишь тех случаев, когда дело касается моей жизни: тут я даже родной матери не поверю – ведь и она по ошибке может положить черный камешек вместо белого”. Впоследствии, услышав, что афиняне приговорили его к смерти, Алкивиад воскликнул: “А я докажу им, что я еще жив!”»*

Он утверждал, что не усматривает ничего удивительного в свойственном лакедемонянам равнодушию к смерти, так как, стремясь избавиться от своей законом предписываемой трудной жизни, они готовы поменять ее тяготы даже на смерть.

Алкивиад любил говорить, что живет жизнью Диоскуров – то умирает, то воскресает вновь; когда счастье сопутствует ему, народ превозносит его как бога, когда же отворачивается – он мало чем отличается от мертвеца.

Избранные афинянами новые стратеги проявили себя полнейшими бездарями. Порой Алкивиад, желая вернуться на родину, встречался с ними и давал советы, но они не были приняты. А все произошло именно так, как предсказывал Алкивиад: неожиданно для афинян спартанец Лисандр напал на них, и только восемь триер ускользнули, все же остальные – числом около двухсот – оказались в руках неприятеля. Пленных Лисандр захватил три тысячи и всех казнил. А спустя немного он взял и сами Афины, сжег их корабли и разрушил Длинные стены, установив в городе так называемую «Власть Тридцати тираннов». Правила они крайне жестоко и за год казнили около полутора тысяч афинян. После этого Алкивиад в страхе перед лакедемонянами, которые владычествовали теперь и на суше и на море, перебрался в Вифинию, а оттуда – к фригийскому сатрапу Фарнабазу, в надежде, что тот

оценит его и примет на службу. Афиняне горевали, утратив первенствующее положение в Греции, и часто вспоминали Алкивиада, раскаиваясь в том, что лишили его должности стратега. Лисандр понимал, что Алкивиад, пока он жив, представляет для него реальную опасность, поэтому он отправил Фарнабазу письмо с просьбой умертвить своего противника. Тот отправил к нему убийц.

Алкивиад, в то время живший с гетерою Тимандрой, увидел вот какой сон, будто он одет в платье своей возлюбленной, а она прижимает к груди его голову и, точно женщине, расписывает лицо румянами и белилами.

Войти в дом убийцы не решились, но окружили его и подожгли. Заметив начавшийся пожар, Алкивиад собрал все, какие удалось, плащи и покрывала и набросил их сверху на огонь, потом, обмотав левую руку хламидой, а в правой сжимая обнаженный меч, благополучно проскочил сквозь пламя, прежде чем успели вспыхнуть брошенные им плащи, и, появившись перед варварами, рассеял их одним своим видом. Никто не посмел преградить ему путь или вступить с ним в рукопашную, – отбежав подальше, они метали копья и пускали стрелы. Наконец Алкивиад пал, и варвары удалились; тогда Тимандра подняла тело с земли, закутала и обернула его в несколько своих хитонов и с пышностью, с почетом – насколько достало средств – похоронила.

Платон

Настоящим именем великого философа, известного миру под именем Платон, было Аристокл. Платон же – это прозвище, данное ему за его необычайную физическую силу. Означает оно «широкоплечий». Платон действительно был очень силен и однажды даже стал победителем Олимпиады.

Он родился в Афинах в 428 году до нашей эры и происходил из рода Кодридов, к которому принадлежали Солон и Писистрат. Платон был третьим сыном в семье. Он обучался грамоте и философии у неплохих учителей, занимался борьбой и живописью, сочинял трагедии и песни, мечтал стать политиком. Лет в двадцать Платон написал какую-то трагедию и отправился к Сократу, чтобы узнать его мнение о своем творении, которое он почитал гениальным. Однако, послушав философа, Платон уничтожил рукопись и стал одним из преданнейших учеников Сократа.

Клавдий Элиан: «Сын Аристон Платон в юности предавался поэтическому искусству и писал эпические поэмы, а затем с презрением сжег их, увидев, насколько при сравнении с гомеровскими они уступают им. После этого Платон обратился к трагедии и сочинил тетралогию, с которой собирался выступить на состязаниях, и уже передал свои драмы актерам, но тут... ему случайно довелось услышать Сократа. Платон сразу пленился философом и не только отказался в этот раз выступить на драматических состязаниях, но совершенно забросил поэзию и посвятил себя философии».

Осуждение и казнь учителя вызвали у Платона тяжелый душевный кризис. Он сжег все свои записи и покинул Афины. Наверное, тогда у него и родилась мысль об идеальном государстве, в котором невозможны были бы столь жестокие и несправедливые приговоры.

Сначала он попытался осуществить свою мечту на Земле. В Сиракузах Платон повстречался с тиранном Дионисием Старшим. Этот тиранн был очень жесток и соотечественников своих, мягко говоря, не любил. Причины тому были веские: когда он только-только пришел к власти, в Сиракузах случилось восстание, и бунтовщики изнасиловали его первую жену, после чего женщина сама лишила себя жизни.

Именно о Дионисии повествует легенда «о Дамокловом мече». Однажды тиранн, в ответ на неприкрытую лесть своего фаворита Дамокла, считавшего Дионисия счастливейшим из смертных, предложил занять его престол на один день. В разгар веселья на пиру Дамокл внезапно увидел над головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия.

Платон пытался поучать Дионисия, проповедуя демократические взгляды, и не утруждал себя лестью. Разгневавшись на философа, Дионисий даже продал Платона в рабство, но, к счастью, того довольно быстро выкупили друзья. Зато племянник тиранна – Дион – очень полюбил Платона и стал его учеником, отправившись вслед за учителем в Афины.

Плутарх: *«В начале беседы речь шла о нравственных качествах вообще, и, главным образом, о мужестве, и Платон доказывал, что беднее всех мужеством тиранна, а затем обратился к справедливости и высказал мысль, что лишь жизнь справедливых людей счастлива, тогда как несправедливые несчастны. Тиранн был недоволен, считая, что слова эти нацелены в него, и гневался на присутствовавших, которые принимали философа с удивительным воодушевлением и были зачарованы его речью. В конце концов его терпение иссякло, и он резко спросил Платона, чего ради тот явился в Сицилию. “Я ищу совершенного человека”, – отвечал философ. “Но клянусь богами, ты его еще не нашел, это совершенно ясно”, – язвительно возразил Дионисий».*

«Старший Дионисий вообще был до такой степени недоверчив и подозрителен, так тщательно остерегался злоумышленников, что даже ножу цирюльника не позволял коснуться своей головы – ему опаляли волосы тлеющим углем. Ни брат, ни сын не входили к нему в комнату в своем платье, но каждый должен был сперва переодеться в присутствии караульных, чтобы те удостоверились, не спрятано ли где оружие. Когда брат Дионисия, Лептин, описывая ему какую-то местность, взял у одного из телохранителей копье и древком стал чертить на земле, тиранн жестоко разгневался на брата, а воина, который дал копье, приказал умертвить. Он не раз объяснял, отчего опасается друзей: они, дескать, люди разумные, а потому предпочитают сами быть тираннами, нежели подчиняться власти тиранна. Некому Марсию, которого он сам же возвысил и назначил начальником в войске, привиделось во сне, будто он убивает Дионисия, и тиранн немедленно его казнил, рассудив, что это ночное видение вызвано дневными раздумьями и помыслами. Вот как труслив был человек, негодовавший, когда Платон не пожелал признать его самым мужественным на свете, и от трусости душа его была полна неисчислимых пороков».

Диоген Лаэртский: *«В Сицилию он плавал трижды. В первый раз – затем, чтобы посмотреть на остров и на вулканы; тиранн Дионисий, сын Гермократа, заставил его жить при себе, но Платон его оскорбил своими рассуждениями о тираннической власти, сказав, что не все то к лучшему, что на пользу лишь тиранну, если тиранн не отличается добродетелью. “Ты болтаешь, как старик”, – в гневе сказал ему Дионисий; “А ты как тиранн”, – ответил Платон. Разгневанный тиранн хотел поначалу его казнить, но Дион и Аристомен отговорили его, и он выдал Платона спартанцу Поллиду, как раз в это время прибывшему с посольством, чтобы тот продал философа в рабство».*

Поллид привез Платона на Эгину и продал его, воспользовавшись тем, что жители этого острова воевали с Афинами и приняли постановление продавать в рабство любого из афинян, который будет захвачен на их земле. Выкупил его то ли за двадцать, то ли за тридцать мин случайно оказавшийся там Анникерид Киренский и препроводил в Афины к его друзьям, причем категорически отказался взять деньги, которые предлагали ему друзья Платона (среди них, по некоторым сведениям, был и сиракузец Дион). На эти деньги был куплен садик, в котором Платон открыл собственную философскую школу, которую назвал Академией или Гекадемией. Этот гимнасий получил свое название по имени древнего героя Гекадема. Просуществовала школа двадцать лет. Ее вход украшала надпись: «Да не вступит сюда человек, не сведущий в геометрии!»

Между тем тиранн Дионисий тяжело занемог. Страдая от болей, он попросил у врачей снотворное, а те, желая угодить его сыну – тоже Дионисию, дали ему такое зелье, от которого он больше и не проснулся. Новый тиранн был не чета властному, жестокому, но умному отцу; «распушенность юноши, заходя постепенно все дальше и дальше, расплавила и сокрушила те адамантовые [3] цепи, которыми Дионисий Старший... скрепил

единодержавие, прежде чем передать его своему наследнику», – замечает по этому поводу Плутарх, тут же приводя анекдот, что однажды новый тиранн пьянствовал девяносто дней подряд, и во все эти дни двор был заперт и неприступен ни для серьезных людей, ни для разумных речей – там царили хмель, смех, песни, пляски и мерзкое шутовство. Дион, считавшийся в Сиракузах затворником и даже занудой, убеждал двоюродного брата обратиться к наукам и настоятельнейшим образом просить «первого из философов», то есть Платона, приехать в Сицилию.

Плутарх: *«Дион до тех пор повторял эти увещания, примешивая к ним иные из мыслей самого Платона, пока Дионисия не охватило жгучее желание увидеть Платона и услышать его речи. И тут в Афины полетели письма Дионисия, сопровождавшиеся просьбами не только Диона, но и италийских пифагорейцев, которые призывали философа приехать в Сиракузы, чтобы принять на себя заботу о молодой душе, не выдерживающей бремени громадной власти, и здоровыми убеждениями оберечь ее от пагубных ошибок. И вот Платон, которому, как пишет он сам, становилось до крайности совестно при мысли, что его сочтут мастером лишь гладко говорить, но к любому делу совершенно безучастным, принял приглашение – в надежде, что, освободив от недуга одного, он исцелит всю тяжело больную Сицилию, ибо этот один – как бы голова целого острова».*

Платон поначалу был встречен с небывалым почетом и дружелюбием. Пышно украшенная царская колесница ждала его на пристани; тиранн лично принес жертву богам в ознаменование великой удачи, выпавшей на долю его государства. Платон рассказывал тиранну о своем «Идеальном государстве» и убеждал того установить подобные порядки в его городе. Казалось, слова философа стали оказывать действие: пиршества тиранна стали умереннее, убранство двора – скромнее, судебные решения – справедливее. Но так продолжалось недолго, устав от поучений, Дионисий вернулся к прежней жизни, возненавидев Диона и Платона и разочаровавшись в философии. Платон предпочел вернуться в Афины, а в Сиракузах вскоре началась гражданская война, закончившаяся победой Диона. Увы, она не принесла ему радости: реальность совершенно не походила на идеальный, выдуманный его учителем мир. Дион собирался править мудро и справедливо, а был вынужден плести интриги и совершать политические убийства.

Плутарх: *«Среди друзей Диона был афинянин Калипп... Дион ценил его так высоко, что Калипп первым из друзей вступил вместе с ним в Сиракузы, с венком на голове. Постоянно отличался он и в боях. Но после того, как лучших друзей Диона похитила война... Калипп, видя, что народ в Сиракузах лишен вожака и что среди наемников никто не пользуется большим влиянием, нежели он, обернулся внезапно гнуснейшим из смертных и начал восстанавливать против Диона часть солдат, в твердой уверенности, что наградой за убийство друга ему будет вся Сицилия».*

Многие предупреждали об этом Диона, но тот не хотел слушать, повторяя, что готов тысячу раз умереть и подставить горло под любой нож, коль скоро придется жить, хоронясь не только от врагов, но и от друзей. Сестра и жена, пытаясь сохранить его власть и жизнь, сами предприняли расследование и обвинили Калиппа. Тот во всем сознался. Но у женщин не было власти казнить или изгнать его, единственное, чего могли потребовать женщины, чтобы Калипп принес клятву верности. В храме богинь-Законодательниц был проведен торжественный обряд, над которым вскоре Калипп кощунственно посмеялся.

Плутарх пишет, что незадолго до трагических событий Диону явился страшный призрак: *«День уже клонился к вечеру, и Дион, погруженный в свои думы, сидел один во внутреннем дворе дома. Вдруг в противоположном конце галереи раздался шум, Дион повернул голову и в последних лучах заката увидел высокую женщину, платьем и лицом ничем не отличающуюся от Эриннии на сцене. Она мела метлою пол. Дион оцепенел от ужаса. Он послал за друзьями, рассказал им о видении и умолял не уходить и провести ночь вместе с ним, смертельно боясь, как бы знамение не повторилось, если он останется в одиночестве. Однако призрак больше не показывался».*

Плутарх: «Заговорщики (число их успело значительно возрасти) окружили дом, встали у окон и дверей, и сами убийцы – несколько солдат с Закинфа – без мечей, в одних хитонах, ворвались в комнату с застольными ложами, где находился Дион и его друзья. В тот же миг их сообщники плотно заперли двери снаружи, а закинфяне бросились на Диона и попытались прикончить его голыми руками, но безуспешно. Тогда они стали кричать, чтобы им подали меч, однако никто снаружи не решался отворить дверь, потому что в доме с Дионом было много людей. Ни один из них, впрочем, не захотел прийти ему на помощь, в надежде, что, предоставив друга его участи, спасет собственную жизнь. После недолгой заминки сиракузянин Ликон протянул кому-то из закинфян кинжал через окно, и этим кинжалом они, словно жертву у алтаря, зарезали Диона, который уже давно перестал бороться и с трепетом ждал смерти».

Калипп правил всего два года, затем в Сиракузах вспыхнуло восстание, он бежал, но был зарезан своими же людьми, причем тем же кинжалом, которым некогда убили Диона. Нож этот узнали по длине (он был короткий, спартанского образца) и по искусной, богатой отделке. На смерть Диона Платоном были написаны стихи, которые затем начертали на стене гробницы:

*«Древней Гекубе, а с нею и всем о ту пору рожденным
Женам троянским в удел слезы послала судьба.
Ты же, Дион, победно свершивший великое дело,
Много утех получил в жизни от щедрых богов.
В тучной отчизне своей, осененный почетом сограждан,
Ты почиваешь, Дион, сердцем владея моим».*

Платон тяжело пережил произошедшее: его учение, его труды приносили людям не пользу и счастье, а войну и страдания. С тех пор Платон больше не вмешивался в политику и полностью посвятил себя чтению лекций и беседам с многочисленными учениками, среди которых был молодой Аристотель и две женщины – Ласфения из Мантиней и Аксиофея из Флиунта, которая даже одевалась по-мужски. Умер он около 347 года до нашей эры.

Диоген Лаэртский: «Аристипп в IV книге “О роскоши древних” уверяет, что он был влюблен в некоего мальчика Астера, который обучался астрономии, а также в вышеназванного Диона, а также, по утверждению некоторых, и в Федре. Любовь эта явствует из нижеследующих эпиграмм, которые он будто бы написал о них:

*Смотришь на звезды. Звезда ты моя! О, если бы стал я
Небом, чтоб мог на тебя множеством глаз я смотреть!»*

Платон был автором множества коротких любовных стихов. Они сохранили свое обаяние и в наши дни:

Безвременно умершему ученику:

*«Прежде звездой рассветной светил ты, Астер мой, живущим;
Мертвым ты, мертвый, теперь светишь закатной звездой».*

А вот стихи, обращенные к немолодой уже гетере:

*«Археанасса со мной, колофонского рода гетера, –
Даже морщины ее жаркой любовью горят.*

*Ах, злополучные те, что на первой стезе повстречали
Юность подруги моей! Что это был за пожар!»*

Вот и другие, к юной девушке:

*Я тебе яблоко бросил. Подняв его, если готова,
Ты полюбить меня, в дар девственность мне принеси.
Если же нет, то все же возьми себе яблоко это,
Только подумай над ним, как наша юность кратка.*

И просто шутки:

*«Золото некто нашел, обронивши при этом веревку.
Тот, кто его потерял, смог себе петлю связать».*

Какому-то из рабов он сказал: «Не будь я в гневе, право, я бы тебя выпорол!»

«Пьяным он советовал смотреться в зеркало, чтобы отвлечься от своего безобразия. Допьяна, говорил он, нигде не следует пить, кроме как на празднествах бога – подателя вина».

«Слаще всего, – говорил он, – слышать истину». (А другие передают: «говорить истину».) Об истине пишет он и в «Законах»: «О чужеземец, истина прекрасна и незыблема, однако думать, что внушить ее нелегко».

Аристипп из Кирены

Этот мало кем любимый ученик Сократа вовсе не был сторонником умеренности и бедности. Напротив, он очень любил роскошь и первым из учеников Сократа стал брать плату со слушателей. Понимая, что многим обязан Сократу, Аристипп даже пытался отсылать деньги учителю, но тот все возвращал обратно, говоря, что его личный «демоний» запрещает ему принимать их.

Так же как и Платон, Аристипп оставил Афины и тоже отправился в Сиракузы ко двору Сиракузского тирана Дионисия, того самого, что продал в рабство Платона. В отличие от Платона, в Сиракузах Аристипп прижился надолго и имел при дворе тирана успех.

Анекдоты о Аристиппе: Говорят, что однажды он велел купить куропатку за пятьдесят драхм. Когда кто-то стал осуждать его за это, он спросил: «А если бы она стоила обол [4], ты купил бы ее?» Собеседник не отрицал. «А для меня, – сказал Аристипп, – пятьдесят драхм не дороже обол».

Однажды Дионисий предложил ему из трех гетер выбрать одну: Аристипп увел с собою всех троих, сказав: «Парису плохо пришлось за то, что он отдал предпочтение одной из трех». Впрочем, говорят, что он довел их только до дверей и отпустил. Когда Дионисий плюнул в него, он стерпел, а когда кто-то начал его за это бранить, он сказал: «Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбешку; я ли не вынесу брызг слюны, желая поймать большую рыбу?»

Однажды, когда он проходил мимо Диогена, который чистил себе овощи, тот, насмехаясь, сказал: «Если бы ты умел кормиться вот этим, тебе не пришлось бы прислуживать при дворах тиранов». «А если бы ты умел обращаться с людьми, – ответил Аристипп, – тебе не пришлось бы чистить себе овощи».

На вопрос, какую пользу принесла ему философия, он ответил: «Дала способность смело говорить с кем угодно». Однажды, когда его упрекали за роскошную жизнь, он сказал: «Если бы роскошь была дурна, ее не было бы на пирах у богов». На вопрос, чем философы превосходят остальных людей, он ответил: «Если все законы уничтожатся, мы одни будем жить по-прежнему». На вопрос Дионисия, почему философы ходят к дверям богачей, а не богачи – к дверям философов, он ответил: «Потому что одни знают, что им нужно, а другие не знают». Другое его замечание на эту же тему: «Но ведь и врачи, – сказал Аристипп, – ходят к дверям больных, и тем не менее всякий предпочел бы быть не больным, а врачом».

На вопрос, какая разница между людьми образованными и необразованными, он ответил: «Такая же, как между лошадьми обвезженными и необвезженными». Однажды, когда он входил с мальчиками в дом к гетере и один из мальчиков покраснел, он сказал: «Не позорно входить, позорно не найти сил, чтобы выйти».

Когда кто-то предложил ему задачу и сказал: «Распутай!» – он воскликнул: «Зачем, глупец, хочешь ты распутать узел, который, даже запутанный, доставляет нам столько хлопот?» Он говорил, что лучше быть нищим, чем невеждой: если первый лишен денег, то второй лишен образа человеческого. Однажды кто-то бранил его; он пошел прочь: бранивший направился следом и спросил: «Почему ты уходишь?» Аристипп ответил: «Потому, что твое право – ругаться, мое право – не слушать».

Однажды он плыл на корабле в Коринф, был застигнут бурей и страшно перепугался.

Кто-то сказал: «Нам, простым людям, не страшно, а вы, философы, трусите?» Аристипп ему ответил: «Мы оба беспокоимся о своих душах, но души-то у нас не одинаковой ценности».

Человеку, который хвастался обширными знаниями, он сказал: «Оттого что человек очень много ест, он не становится здоровее, чем тот, который довольствуется только необходимым: точно так же и ученый – это не тот, кто много читает, а тот, кто читает с пользой».

Оратор, который защищал Аристиппа на суде и выиграл процесс, спрашивал его: «Что хорошего сделал тебе Сократ?» «Благодаря ему, – отвечал Аристипп, – все, что ты говорил в мою пользу, было правдой».

Когда кто-то спросил его, чем станет лучше его сын, получив образование, он сказал: «По крайней мере тем, что не будет сидеть в театре, как камень на камне».

Кто-то привел к нему в обучение сына; Аристипп запросил пятьсот драхм. Отец сказал: «За эти деньги я могу купить раба!» «Купи, – сказал Аристипп, – и у тебя будет целых два раба».

Однажды Дионисий требовал, чтобы он сказал что-нибудь философское. «Смешно, – сказал Аристипп, – что ты у меня учишься, как надо говорить, и сам меня поучаешь, когда надо говорить». На это Дионисий рассердился и велел Аристиппу занять самое дальнее место за столом. «Что за почет хочешь ты оказать этому месту!» – сказал Аристипп.

Когда кто-то хвалился своим умением плавать, Аристипп сказал: «И не стыдно тебе хвастаться тем, что под силу даже дельфину?» На вопрос, чем отличается мудрый человек от немудрого, он сказал: «Отправь обоих нагишом к незнакомым людям, и ты узнаешь». Кто-то хвастался, что может много пить не пьянея. «Это может и мул», – сказал Аристипп.

Кто-то осуждал его за то, что он живет с гетерой. «Но разве не все равно, – сказал Аристипп, – занять ли такой дом, в котором жили многие, или такой, в котором никто не жил?» «Все равно», – отвечал тот. «И не все ли равно, плыть ли на корабле, где уж плавали тысячи людей или где еще никто не плавал?» – «Конечно, все равно». – «Вот так же, – сказал Аристипп, – все равно, жить ли с женщиной, которую уже знавали многие, или с такой, которую никто не трогал».

Его упрекали за то, что он, последователь Сократа, берет деньги с учеников. «Еще бы! – сказал он. – Правда, когда Сократу присылали хлеб и вино, он брал лишь самую малость, а остальное возвращал; но ведь о его пропитании заботились лучшие граждане Афин, а о моем только раб Евтихид».

Человека, который порицал роскошь его стола, он спросил: «А разве ты отказался бы купить все это за три обола?» «Конечно нет», – ответил тот. «Значит, просто тебе дороже деньги, чем мне наслаждение».

Сим, казначей Дионисия, – был он фригиец и человек отвратительный – показывал Аристиппу пышные комнаты с мозаичными полами; Аристипп кашлянул и сплюнул ему в лицо, а в ответ на его ярость сказал: «Нигде не было более подходящего места».

Когда Харонд (а по другому мнению, Федон) спросил: «Кто это такой пахнет духами?» – он ответил: «Это я, несчастный, а еще несчастнее меня персидский царь. Но подумай, ведь если все другие живые существа не становятся хуже от благовоний, то и человек тоже. А развратники, из-за которых добрые наши притирания пользуются дурною славою, пусть погибнут злою гибелью!»

На вопрос, как умер Сократ, он сказал: «Так, как и я желал бы умереть».

Однажды к нему зашел софист Поликсен и, увидев у него женщин и роскошный стол, начал всячески бранить его. Аристипп, подождав немного, спросил: «А не можешь ли нынче и ты побыть с нами?» – и когда тот согласился, то сказал: «Что же ты ругаешься? Как видно, не роскошь тебе претит, а расходы!»

Однажды в дороге у Аристиппа утомился раб, который нес его деньги. «Выбрось лишнее, – сказал ему Аристипп, – и носи сколько можешь». В другой раз, когда он плыл на корабле и увидел, что корабль этот разбойничий, он взял свои деньги, стал их пересчитывать

и потом, словно ненароком, уронил в море, а сам рассыпался в причитаниях. Некоторые добавляют, будто он при этом сказал, что лучше золоту погибнуть из-за Аристиппа, чем Аристиппу – из-за золота.

На вопрос Дионисия, зачем он пожаловал, он ответил: «Чтобы поделиться тем, что у меня есть, и поживиться тем, чего у меня нет. Когда я нуждался в мудрости, я пришел к Сократу; сейчас я нуждаюсь в деньгах и вот пришел к тебе».

Однажды он заступался перед Дионисием за своего друга и, не добившись успеха, бросился к его ногам. Когда кто-то стал над ним смеяться, он сказал: «Не я виноват, а Дионисий, у которого уши на ногах растут». В бытность свою в Азии он попал в плен к сатрапу Артаферну. Кто-то спросил его: «И ты не унываешь?» «Глупец! – ответил Аристипп. – Меньше, чем когда-нибудь, склонен я унывать теперь, когда мне предстоит беседовать с Артаферном».

На вопрос, чему надо учить хороших детей, Аристипп сказал: «Тому, что пригодится им, когда они вырастут». Тому, кто обвинял его за то, что он от Сократа ушел к Дионисию, он возразил: «Но к Сократу я приходил для учения, к Дионисию – для развлечения». Когда преподавание принесло ему много денег, Сократ спросил его: «За что тебе так много?» А он ответил: «За то же, за что тебе так мало». Гетера сказала ему: «У меня от тебя ребенок». «Тебе это так же неизвестно, – возразил Аристипп, – как если бы ты шла по тростнику и сказала: “Вот эта колючка меня уколола”». Кто-то упрекал его за то, что он отказался от своего сына, словно тот не им был порожден. «И мокрота и вши тоже порождаются нами, – сказал Аристипп, – но мы, зная это, все же отбрасываем их как можно дальше за ненадобностью».

Дионисий дал ему денег, а Платону – книгу; в ответ на упреки Аристипп сказал: «Значит, мне нужнее деньги, а Платону – книга». На вопрос, почему Дионисий недоволен им, он ответил: «Потому же, почему все остальные недовольны Дионисием».

Однажды он просил у Дионисия денег, тот заметил: «Ты ведь говоришь, что мудрец не ведает нужды». «Дай мне денег, – перебил Аристипп, – а потом мы разберем этот вопрос, – и, получив деньги: – Вот видишь, я и вправду не ведаю нужды». Когда Дионисий прочел ему: Ведь кто под царскую вступает сень, / Тот раб царю, хоть он пришел свободным. Аристипп перебил: «Не раб царю, коль он пришел свободным».

Ксенофонт

Другим любимым учеником Сократа, во многом оправдавшим его надежды, был Ксенофонт, сын Грилла, афинянин, из дела Эрхия. Сократ повстречал его в узком переулке, загородил ему посохом дорогу и спросил, где можно купить такую-то и такую-то снедь? Получив ответ, он продолжал: «А где можно человеку стать прекрасным и добрым?» И когда Ксенофонт не смог ответить, Сократ сказал: «Тогда ступай за мною и узнаешь». С этих пор он стал слушателем Сократа.

Еще при жизни Сократа Ксенофонт оставил Афины и избрал военную карьеру. Он (вопреки советам учителя) отправился в Персию, где стал другом и доверенным лицом царевича Кира – младшего сына царя, желавшего свергнуть своего брата Артаксеркса с престола и занять трон самому.

Ксенофонт согласился помочь ему в этом и даже собрал для Кира огромное войско. Но затея не удалась: в одном из первых же сражений Кир погиб от случайного удара копьем. Десять тысяч греческих наемников оказались заперты под Вавилоном во владениях враждебного им царя. После смерти Кира причина для войны с Артаксерксом отпала, исчезла и возможность заработать денег, и греки теперь думали только о том, как с минимальными потерями выбраться из недружественной страны. Положение осложнилось и тем, что в их войске были не только воины: греки путешествовали с большим обозом, в котором находилось и множество женщин – в основном гетер, боевых подруг, многие из

которых были уже беременны или даже родили. Бросить их на произвол судьбы греки посчитали недостойным.

Сатрап Тиссаферн, мнимый союзник покойного Кира, а на деле – двойной агент, предложил грекам свою помощь. Обрадованные стратеги приняли приглашение явиться к нему на пир, но тут же на пиру были подло схвачены и убиты. Греческое войско осталось без руководства. Казалось, все было кончено.

Так начинается одна из интереснейших документальных повестей, что донесла до нас история. Сочинение Ксенофонта называется «Анабасис» («Восхождение»), или же «Отступление десяти тысяч»; книга пользовалась огромной популярностью и в древности, и в Средние века, и в наши дни.

Из «Анабасиса»: Вот как ответили греки на предложение персидского парламентаря Фалина сдать оружие:

«Проксен-фиванец сказал: “Что касается до меня, Фалин, то я недоумеваю, требует ли царь наше оружие как победитель или он просит сдать его в порядке дружеского дара. Ведь если он требует как победитель, то почему он просит, а не приходит и не берет его сам? Если же он надеется получить оружие, убедив нас, то поведай нам, что получают солдаты, если они поступят согласно его желанию”. На это Фалин сказал: “Царь считает себя победителем, потому что он убил Кира. Кто же будет теперь оспаривать у него царство? Он полагает, что вы находитесь в его власти, так как вы оказались в его владениях среди непереходимых рек, и он может повести на вас такие полчища, что, даже при благоприятных условиях, вы не будете в состоянии их перебить”. После него афинянин Феопомп сказал: “Фалин, сейчас, как ты и сам видишь, у нас ничего не осталось, кроме оружия и доблести. С оружием в руках мы, думается, сможем проявить нашу доблесть, но, сдав его, мы лишимся и самой жизни. Поэтому не жди, что мы отдадим вам единственное оставшееся у нас благо, при помощи которого мы еще сразимся с вами за все ваши богатства”».

Воины не растерялись! Они выбрали новых стратегов и, отражая атаки преследующих их персов, двинулись в путь, с боями пройдя всю Ассирию и надолго заплутав в предгорьях Кавказа, Ксенофонт описывает разнообразные племена, с которыми довелось столкнуться грекам, и многие трудности, которые им пришлось преодолеть.

«...в течение всего следующего дня они шли по глубокому снегу, и много людей изнемогало от голода. Ксенофонт, находясь в арьергарде, подбирал упавших и недоумевал, что у них за болезнь. Но когда один из сведущих людей сказал ему, что они, очевидно, истощены голодом и что, съев чего-нибудь, они встанут на ноги, он прошел к обозу и, найдя запасы съестного, стал раздавать их сам и рассылать их через людей, способных дойти до голодающих. Вкусив пищи, они вставали и шли дальше...» Местные враждебные грекам племена преследовали их, нападая на тех, кто выбился из сил и уже не мог идти дальше. У некоторых солдат началась снежная слепота, у других отмерзали пальцы на ногах. «Если кто-либо ложился, не сняв обуви, то ремни врезались ему в ноги, и обувь примерзала, ведь поскольку старая обувь изнашивалась, башмаки, так называемые карбатыны, были сделаны из недавно содранной бычачьей кожи».

Найдя теплый источник, вокруг которого снег растаял, некоторые солдаты сели вокруг него, отказавшись идти дальше, несмотря на уговоры и даже угрозы. Солдаты просили прикончить их, так как они не в силах идти дальше.

«Тогда решили попытаться напугать следовавших за ними врагов, чтобы те не нападали на выбившихся из сил. Уже было темно, и враги подходили с громкими криками, ссорясь из-за доставшейся им добычи. Тогда здоровые солдаты арьергарда приготовились и побежали на врагов, а больные подняли крик и изо всех сил стали колотить копьями по щитам. Враги испугались, бросились по снегу в лесистое ущелье, и никто из них не издал больше ни звука».

Проплутав еще несколько недель, греки наконец вышли к морю недалеко от

Трапезунда. «Таласа! Таласа!» – «Море! Море!» – вскричали воины. Здесь располагались греческие колонии, и можно было найти друзей и помощь. Чтобы отблагодарить богов за спасение, греки устроили большой праздник со спортивными состязаниями.

Но это был еще не конец пути! Морем на родину отправили всех женщин с детьми, больных и тех, кому исполнилось больше сорока лет. Остальное войско – примерно восемь тысяч человек – двинулось в сторону Греции берегом, пережив еще немало приключений.

Клавдий Элиан: *«Ксенофонт стремился обладать красивым воинским снаряжением. Мужу, побеждающему врагов, говорил он, подобает прекраснейшая стола, а умирающему на поле боя приличествует лежать в прекрасном вооружении, ибо для отважного это лучший погребальный убор».*

Во время похода Ксенофонт свел дружбы со многими спартамцами и поэтому не стал возвращаться в Афины, а поселился в Коринфе, где подружился с царем Агесилаем. Он женился и имел двух сыновей. Афиняне посчитали его изменником и заочно приговорили к изгнанию, поэтому он не смог вернуться в Афины и свидетельствовать в пользу Сократа во время процесса. Наверное, он и в самом деле был изменником, ведь оба его сына сражались на стороне спартамцев. Из них двоих Диодор ничем не отличился в сражении, остался цел и имел сына, которого назвал именем брата. А Грилл, сражавшийся в коннице, храбро бился и погиб.

Ксенофонт в венке приносил жертвы по случаю победы, когда ему сообщили весть о гибели сына; он снял венок, но, узнав, что сын погиб с честью, надел его вновь, сказав: «Я знал, что мой сын смертен».

Плутарх о древних обычаях спартамцев

Согласно законам, установленным легендарным Ликургом, спартамцы не носили хитонов, целый год пользуясь одним-единственным гиматием. Они ходили немывые, воздерживаясь по большей части как от бань, так и от того, чтобы умащать тело. Молодые люди спали совместно на ложах, которые сами приготавливали из тростника, ломая его руками без всяких орудий. Зимой они добавляли к тростнику еще растение, которое называют ликофон, так как считается, что оно способно согревать.

У спартамцев допускалось влюбляться в честных душой мальчиков, но вступать с ними в связь считалось позором, ибо такая страсть была бы телесной, а не духовной. Человек, обвиненный в позорной связи с мальчиком, на всю жизнь лишался гражданских прав.

Если кто-нибудь наказывал мальчика, и он рассказывал об этом своему отцу, то, услышав жалобу, отец счел бы для себя позором не наказывать мальчика вторично. Спартамцы доверяли друг другу и считали, что никто из верных отеческим законам не прикажет детям ничего дурного.

А некоего мальчика по имени Скирафид наказали только за то, что многие обижали его.

Юноши, где только предоставляется случай, воровали продовольствие, обучаясь таким образом нападать на спящих и ленивых стражей. Попавшихся наказывали голодом и поркой. Обед же у них был такой скудный, что они, спасаясь от нужды, вынуждены быть дерзкими и ни перед чем не останавливаться.

Это делалось для того, чтобы юноши привыкли к постоянному голоду и могли его переносить. Спартамцы считали, что получившие такое воспитание юноши будут лучше подготовлены к войне, так как будут способны долгое время жить почти без пищи, обходиться без всяких приправ и питаться тем, что попадет под руку. Спартамцы полагали, что скудная пища делает юношей более здоровыми, они не будут склонны к тучности, а станут рослыми и даже красивыми.

Больше всего спартамцы ценили так называемую черную похлебку, так что старые люди даже не берут свой кусок мяса, но уступают его юношам. Говорят, что сицилийский

тиранн Дионисий купил спартанского повара и приказал ему, не считаясь ни с какими расходами, приготовить такую похлебку. Однако, попробовав, он с отвращением ее выплюнул. Тогда повар сказал: «О царь, чтобы находить вкус в этой похлебке, надо, искупавшись в Евроте, подобно лаконцу, проводить всю жизнь в физических упражнениях».

Пили они мало и после трапезы расходились без факелов. Им вообще не разрешалось пользоваться факелами ни в этом случае, ни когда они ходят по другим дорогам. Это было установлено, чтобы они приучались смело и бесстрашно ходить по дорогам ночью.

Из искусств в Спарте в почете была лишь музыка, но самая простая. Темы их маршевых песен побуждали к мужеству, неустрашимости и презрению к смерти. Их пели хором под звук флейты во время наступления на врага. Ликург связывал музыку с военными упражнениями, чтобы воинственные сердца спартанцев, возбужденные общей благозвучной мелодией, бились бы в единый лад. Поэтому перед сражениями первую жертву царь приносил Музам, моля, чтобы сражающиеся совершили подвиги, достойные доброй славы.

Спартанцы не разрешали никому хоть сколько-нибудь изменять установлениям древних музыкантов. Даже Терпандра, одного из лучших и старейших кифаредов своего времени, восхвалявшего подвиги героев, даже его эфоры подвергли наказанию, а его кифару пробили гвоздями за то, что, стремясь добиться разнообразия звуков, он натянул на ней дополнительно еще одну струну. Когда Тимофей принял участие в карнейском празднике, один из эфоров, взяв в руки меч, спросил его, с какой стороны лучше обрубить на его инструменте струны, добавленные сверх положенных семи.

В текстах песен не содержалось ничего, кроме похвал людям, благородно прожившим свою жизнь, погибшим за Спарту и почитаемым как блаженные, а также осуждения тех, кто бежал с поля боя, о которых говорилось, что они провели горестную и жалкую жизнь.

Было три хора: каждый во время праздников представлял определенный возраст. Хор старцев, начиная, пел: «Когда-то были мы сильны и молоды!»

Его сменял хор мужей в расцвете лет: «А мы сильны и ныне. Хочешь, так проверь сам».

Третий хор мальчиков подхватывал: «А мы проявим доблесть даже большую!»

Грамоту спартанцы изучали только ради потребностей жизни. Все же остальные виды образования изгнали из страны – не только сами науки, но и людей, ими занимающихся. Воспитание было направлено к тому, чтобы юноши умели подчиняться и мужественно переносить страдания, а в битвах умирать или добиваться победы.

Если кто-нибудь провинился и был обличен, то должен был обойти кругом алтарь, находившийся в городе, и петь при этом песню, сочиненную себе в укор, то есть сам себя подвергнуть поруганию.

Некий Архилох, присужденный к этому, пропел следующее:

*«Носит теперь горделиво саицец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть».*

Власти были крайне возмущены и выслали Архилоха из Спарты.

Также они изгнали оратора Кефисофонта, который утверждал, что способен целый день говорить на любую тему; они считали, что у хорошего оратора размер речи должен быть сообразен с важностью дела.

Но этим двоим еще повезло: одного беднягу спартанцы казнили только за то, что, нося рубище, он украсил его цветной полосой.

Спартанцам не разрешалось покидать пределы родины, чтобы они не могли приобщаться к чужеземным нравам и образу жизни людей, не получивших спартанского воспитания. Если чужеземец был заподозрен в том, что он учит местных граждан чему-то плохому – ну например, смущает умы цитатами из Пифагора, то его немедленно изгоняли из страны. Но если чужеземец выдерживал образ жизни, установленный Ликургом, то ему

можно было даровать гражданские права.

Спартанцы не любили театр, считая, что в комедиях и трагедиях содержатся мысли, противоречащие их законам.

Торговля была запрещена. Если возникала нужда, можно было пользоваться слугами соседей как своими собственными, а также собаками и лошадьми, если только они не были нужны хозяевам. В поле тоже, если кто-либо испытывал в чем-нибудь недостаток, он открывал, если было нужно, чужой склад, брал необходимое, а потом, поставив назад печати, уходил.

Во время войн спартанцы носили одежды красного цвета: во-первых, они считали этот цвет более мужественным, а во-вторых, им казалось, что кроваво-красный цвет должен нагонять ужас на не имеющих боевого опыта противников. Кроме того, если кто из спартанцев будет ранен, врагам это будет незаметно, так как сходство цветов позволит скрыть кровь.

Если спартанцам удавалось победить врага хитростью, они жертвовали богу Аресу быка, а если победа одержана в открытом бою, – то петуха. Полководческое искусство они ценили.

Всех богов они изображали вооруженными, даже Афродиту.

Клавдий Элиан: *«У лакедемонян был закон, гласивший: никто не должен носить одежду не подобающего для мужа цвета и быть полнее, чем это согласуется с потребностями гимнасия. Последнее рассматривалось как свидетельство лени, а первое – как признак немужественных склонностей. Согласно этому же закону, эфебам полагалось каждые десять дней голыми показываться эфорам. Если они были крепки и сильны, словно высеченные из камня, благодаря телесным упражнениям, то удостаивались одобрения. Если же эфоры замечали в них следы дряблости и рыхлости, связанные с наросшим от недостатка трудов жиром, юноши подвергались телесному наказанию. Эфоры ежедневно осматривали их одежду, следя, чтобы все в ней соответствовало установленным предписаниям. В Лакедемоне держали поваров, приготовляющих только мясные блюда; тех же, чье искусство было более разносторонним, выгоняли из его пределов...»*

Мальчиков в Спарте пороли бичом на алтаре Артемиды Орфии в течение целого дня, и они нередко погибали под ударами. Мальчики гордо и весело соревновались, кто из них дольше и достойнее перенесет побои; победившего славил, и он становился знаменитым. Это соревнование называли «диамастигосис», и происходило оно каждый год. Отсутствие занятий не считалось у них предосудительным. Спартанцам было запрещено заниматься какими бы то ни было ремеслами, а нужды в деловой деятельности и в накопительстве денег у них не было. Ликург сделал владение богатством и незавидным, и бесславным. Илоты, обрабатывая за спартанцев их землю, вносили им оброк, установленный заранее; требовать большую плату за аренду было запрещено под страхом проклятия. Это было сделано для того, чтобы илоты, получая выгоду, работали с удовольствием, а спартанцы не стремились бы к накоплению.

Спартанцам было запрещено служить моряками и сражаться на море. Однако позднее они участвовали в морских сражениях, но, добившись господства на море, отказались от него, заметив, что нравы граждан изменяются от этого к худшему. Однако нравы продолжали портиться и в этом, и во всем другом. Раньше, если кто-либо из спартанцев скапливал у себя богатство, накопителя приговаривали к смерти. Ведь еще Алкамену и Феопомпу оракулом было предсказано: «Страсть к накоплению богатств когда-нибудь Спарту погубит». Несмотря на это предсказание, Лисандр, взяв Афины, привез домой много золота и серебра, а спартанцы приняли его и окружили почестями.

Клавдий Элиан: *«Спартанские юноши держатся с теми, кто в них влюблен, без гордости и заносчивости, наоборот, их обращение противоположно обычному в таких случаях поведению юных красавцев – они сами просят, чтобы влюбленные “вдохновили их”; в переводе это значит, что мальчиков надо полюбить. Однако эта любовь не содержит*

ничего постыдного. Если же мальчик посмеет допустить по отношению к себе нескромность или влюбленный на нее отважится, обоим небезопасно оставаться в Спарте: их приговорят к изгнанию, а в иных случаях даже к смерти».

Гомосексуальность в античном мире. «Священный отряд»

Пожалуй, стоит прояснить вопрос в отношении гомосексуализма в античном мире. Однополая любовь была нормой! Практически все греки и позднее римляне были бисексуальны. Только проявлялась эта бисексуальность по-разному. Вызывая осуждение и нарекания от сторонников иных обычаев.

В Спарте, например, каждому подростку просто полагалось иметь «наставника», который отвечал за его воспитание и штрафовался за его провинности. Юноши и девушки воспитывались раздельно, жениться до двадцати пяти или даже до тридцати лет было запрещено и само собой, что здоровая юношеская сексуальность находила выход во влечении к своему же полу.

Результатом такого воспитания даже стала демографическая проблема! Спартанцы вынуждены были принять закон, заставлявший граждан обязательно жениться и плодить детей. Несмотря на принятое в обществе почтение к старшим, юноша мог отказаться встать перед бездетным человеком, мотивируя это тем, что тот «не породил никого, кто бы встал перед ним».

Однако, несмотря на то, что мужественные спартанские воины поголовно были мужеложцами, эти отношения были скрыты. Приличия требовали от юношей соблюдать внешнюю скромность. Так один афинянин, засмотревшись на сидевших на песке спартанских юношей, заметил, что те стыдливо одергивали хитоны, дабы не показать стороннему наблюдателю лишнее, а поднявшись, заровняли отпечатки своих тел на песке.

Иными были нравы в Афинах. Там любовь к юношам была распространена не менее широко, нежели в Спарте, но лишь до периода их возмужания, «до того, как у юноши на ногах начнут расти волосы». Но в отличие от спартанцев, афиняне не прятали свои чувства. Напротив, они воспевали их в стихах, считая это чувство изысканным и достойным. До нас дошли многие стихи древних поэтов, обращенные к юношам.

Феогнид из Мегар:

*«Счастлив, кто страстью горя, из гимнасия возвращался
К дому; кто ложе и днем с юношей милым делил».*

Симонид Кеосский:

*«Стоит увидеть мне раз златокудрого Эхекратида,
Взор насыщая красой, за руку милую взяв,
Кожу цветущей его аромат вбирая глубоко,
Полнятся очи мои сладостной негой любви».*

Стратон:

*«Я наслаждался с двенадцатилетним мальчонкой. Тринадцать
Лет наступило ему – он вождедленнее стал.
Годом позднее пришел еще более сладостный возраст,
И привлекательней всех был он пятнадцати лет.
Шестнадцать лет – это возраст богов, а семнадцатилетний
Юноша не для меня: создан для Зевса лишь он.
Если тебе и постарше милей – то уже не забава:
Время настало, и долг твой – за него отвечать».*

Понятия педофилия, осуждения этого явления не существовало. В надписи с Крита, относящейся примерно к 700 году до н. э., даже зафиксировано личное имя Педофил. Напротив, запреты касались любви к уже взрослым юношам и мужчинам. Такие отношения не могли более рассматриваться как развлечение или легкомысленная интрижка, они

обязательно предполагали глубокое взаимное чувство. Подобные узы связывали мифических Геракла и Иолая, на могиле которого подобные пары часто приносили друг другу клятвы верности; Ахилла и Патрокла, героев «Иллиады» Гомера («О, бедер друга близость благодатная!» – восклицал Ахилл, оплакивая друга в трагедии Эсхила); и вполне реальных фиванских полководцев Пелопида и Эпаминонда, членов знаменитого «Священного отряда».

Плутарх: *«Большинство полагает, что их неразрывная дружба началась при Мантинее, где оба сражались в рядах вспомогательного войска, посланного фиванцами лакедемонянам, тогдашним их друзьям и союзникам. Стоя плечом к плечу в строю гоплитов, они бились с аркадянами, а когда соседнее с фиванцами крыло лакедемонян дрогнуло и большая их часть обратилась в бегство, они сомкнули щиты и продолжали защищаться. Пелопид, получив семь ран в грудь и лицо, рухнул на грудь трупов своих и вражеских воинов, а Эпаминонд, хоть и считал его раненым смертельно, шагнув вперед, закрыл неприятелю путь к телу и доспехам товарища, один сдерживая целую толпу и твердо решившись скорее умереть, чем оставить поверженного Пелопида. Уже и ему самому приходилось совсем плохо (он был ранен копьем в грудь и мечом в руку), когда с другого крыла подоспел на помощь спартанский царь Агесиполид и вопреки всем ожиданиям спас обоих».*

Плутарх: *«Священный отряд... впервые был создан Горгидом: в него входили триста отборных мужей, получавших от города все необходимое для их обучения и содержания и стоявших лагерем в Кадмее; по этой причине они носили имя “городского отряда”, так как в ту пору крепость обычно называли “городом”. Некоторые утверждают, что отряд был составлен из любовников и возлюбленных. Сохранилось шутовское изречение Паммена, который говорил, что гомеровский Нестор оказал себя неисконным полководцем, требуя, чтобы греки соединялись для боя по коленам и племенам: “Пусть помогает колену колено и племени племя”, – вместо того, чтобы поставить любовника рядом с возлюбленным. Ведь родичи и единоплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга. И это неудивительно, если вспомнить, что такие люди даже перед отсутствующим любимым страшатся опозориться в большей мере, нежели перед чужим человеком, находящимся рядом, – как, например, тот раненый воин, который, видя, что враг готов его добить, молил: “Рази в грудь, чтобы моему возлюбленному не пришлось краснеть, видя меня убитым ударом в спину”. Говорят, что Иолай, возлюбленный Геракла, помогал ему в трудах и битвах. Аристотель сообщает, что даже в его время влюбленные перед могилой Иолая приносили друг другу клятву в верности. Вполне возможно, что отряд получил наименование “священного” по той же причине, по какой Платон зовет любовника “бог вдохновенным другом”. Существует рассказ, что вплоть до битвы при Херонее он оставался непобедимым; когда же после битвы Филипп, осматривая трупы, оказался на том месте, где в полном вооружении, грудью встретив удары македонских копий, лежали все триста мужей, и на его вопрос ему ответили, что это отряд любовников и возлюбленных, он заплакал и промолвил: “Да погибнут злою смертью подозревающие их в том, что они были виновниками или соучастниками чего бы то ни было позорного”».*

Бойцов, священного отряда Горгид распределял по всему строю гоплитов, ставя их в первых рядах; таким образом доблесть этих людей не особенно бросалась в глаза, а их мощь не была направлена на исполнение определенного задания, поскольку они были разъединены и по большей части смешаны с воинами похуже и послабее. Лишь Пелопид, после того как они столь блистательно отличились при Тегирах, сражаясь у него на глазах, больше не разделял и не расчленил их, но использовал как единое целое, посылая вперед в самые опасные и решительные минуты боя. Подобно тому, как кони, запряженные в колесницу, бегут быстрее, нежели поодиночке, – не потому, что общими усилиями они легче рассекают воздух, но потому, что их разжигает соревнование и соперничество друг с другом, – так,

полагал он, храбрые люди, внушая друг другу рвение к славе и подвигам, оказываются особенно пригодны и полезны для совместных действий.

Посидипп:

*«Что мне изнеженно томный девический пыл? Да зажжется
Неугасимый огонь подлинной страсти мужской!»*

Считалось, что первым мужчиной, полюбившим мальчика, был легендарный Орфей. Лишившись своей Эвридики, он нашел утешение в объятиях некоего Калаида. Олимпийские боги тоже не чурались этого чувства. Так Зевс полюбил и похитил Ганимеда – сына троянского царя. Ганимеду было даровано бессмертие, и он стал виночерпием богов. В возмещение Тросу были подарены лучшие кони.

Большое число возлюбленных имел Аполлон. В их числе Гиацинт, Кипарис, Гименей, Орфей, Троиал... а также многие другие прорицатели и герои. Удачливость Аполлона в любовных делах с юношами намного превосходила успехи в отношениях с женщинами: над бессмертным богом тяготело проклятие, все его возлюбленные были одержимы богом антилюбви – Антэросом.

Пелопс был возлюбленным Посейдона, который подарил ему крылатую колесницу, на которой он одержал победу в состязании с Эномаем. Гермес тоже не просто так подарил Персею крылатые сандалии, шапку и шлем, с помощью которых герой совершил свои подвиги. Надо сказать, что Персей был далеко не единственным любовником этого бога.

Существует миф о том, как Дионис, стремясь вывести свою мать Семелу из царства мертвых, узнал о том, что некий Просимн знает вход туда. В качестве платы за услугу Просимн пожелал насладиться телом юного бога. Дионисий согласился. Однако, вернувшись, он обнаружил, что Просимн умер. Чтобы не стать клятвопреступником, Дионис поспешил к его могиле, срезал там ветвь смоковницы, придав ей форму мужского члена и, исполняя «священный» долг перед усопшим, мастурбировал, дабы его семя пролилось на могилу.

Среди любовников Диониса назывались также Гимней, Гермафродит, Ахилл и Адонис.

Поэт Антипатр Сидонский сравнивал скульптуры Афродиты и Эрота работы Праксителя:

«Видя на Книде скалистом вот эту Киприду, ты скажешь:

«Камень способна зажечь, хоть и из камня сама».

В Фестиях, видя Эрота, невольно промолвишь: «Не камень,

Но и холодную сталь этот способен зажечь».

Греки даже различали двух разных богинь любви, разных Афродит. Любви к женщине покровительствовала Афродита Пандемос – то есть «пошлая», а однополый любви – Афродита Урания – то есть «небесная». Ведь женщину мужчина любит ради детей, которых она родит ему. То есть чувство к женщине всегда корыстно. Однополая же любовь свободна от всякой корысти, она чиста и жертвенна. У Плутарха в диалоге «Об Эроте» речь в защиту любви к юношам произносит персонаж по имени Протоген: «...у истинного Эрота нет ничего общего с гинекеем, и я утверждаю, что отношение к женщинам или девушкам тех, кто к ним пристрастился, так же далеко от Эрота, то есть любви, как отношение мух к молоку или пчел к сотам или поваров к откармливаемым ими в темноте телятам и птицам, к которым они не испытывают никаких дружественных чувств».

Ксенофонт: *«А что ты, Каллий, влюблен в Автолика, весь город это знает, да и многие, думаю, из приезжих. Причина этого та, что оба вы – дети славных отцов и сами – люди видные. Я всегда был в восторге от тебя, а теперь еще гораздо больше, потому что вижу, что предмет твоей любви – не утопающий в неге, не расслабленный ничегонеделаньем, но всем показывающий силу, выносливость, мужество и самообладание. А страсть к таким людям служит показателем натуры влюбленного. Одна ли Афродита, или две, – небесная и всенародная, – не знаю: ведь и Зевс, по общему признанию один и тот же, имеет много прозваний; но что отдельно для той и другой воздвигнуты алтари и*

храмы и приносятся жертвы, – для всенародной менее чистые, для небесной более чистые, – это знаю. Можно предположить, что и любовь к телу насылает всенародная, а к душе, к дружбе, к благородным подвигам – небесная. Этой любовью, мне кажется, одержим и ты, Каллий. Так сужу я на основании высоких достоинств твоего любимца, а также по тому, что, как вижу, ты приглашаешь отца его на свои свидания с ним: конечно, у благородно любящего нет никаких таких тайн от отца».

Любовников-мальчиков имели Сократ, Платон, Демосфен, Аристотель... Имена можно перечислять очень долго. Это не считалось пороком или чем-то зазорным. Порицалась лишь проституция. По словам Эсхина, «бескорыстно делить с кем-нибудь его любовь – это прекрасно, а соглашаться за плату заниматься проституцией – это позор». Так некий Тимарх, живший сразу с несколькими мужчинами и находившийся у них на содержании, был лишен гражданских прав. И это несмотря на то, что защищал его сам Демосфен. Но не за факт мужеложства – а именно за то, что брал со своих возлюбленных деньги. После приговора суда униженный Тимарх повесился.

Ксенофонт «Пир»: *«А ты, сиракузянин, чем гордишься? Наверно, мальчиком?»*

– Клянусь Зевсом, – отвечал он, – вовсе нет; напротив, я страшно боюсь за него: я замечаю, что некоторые замышляют коварно погубить его.

Услышав это, Сократ сказал:

– О Геракл! Какую же такую обиду, думают они, нанес им твой мальчик, что они хотят убить его?

– Нет, – отвечал он, – конечно, не убить его они хотят, а уговорить спать с ними.

– А ты, по-видимому, думаешь, что если бы это случилось, то он бы погиб?

– Клянусь Зевсом, – отвечал он, – совершенно.

– И сам ты, значит, – спросил Сократ, – не спишь с ним?

– Клянусь Зевсом, все ночи напролет.

– Клянусь Герой, – заметил Сократ, – большое тебе счастье, что природа дала тебе такое тело, которое одно не губит тех, кто спит с тобою. Поэтому, если не чем другим, то таким телом тебе следует гордиться».

Зенон Китийский: *«Сходиться с мальчиками следует не больше и не меньше, чем с немальчиками, а с женщинами – так же, как с мужчинами».*

Известна весьма скабрзная, но остроумная шутка Аркесилая, возглавлявшего платоновскую Академию: Когда один из учеников отстаивал философский тезис об отсутствии различия между большим и меньшим, Аркесилай вместо логической аргументации спросил у него: «И нутром ты не чувствуешь разницы между штукой в десять пальцев и в шесть пальцев?»

Петроний Арбитр:

Эй! Эй! Соберем мальчиколюбцев изошренных!

Все мчитесь сюда быстрой ногой, пятою легкой,

Люд с наглой рукой, с ловким бедром, с вертлявой ляжкой!

Вас, дряблых, давно охолостил делийский мастер.

Но не только мужчины предавались однополю любви, не были чужды этой услады и женщины. Сохранились любовные стихи Сапфо, обращенных к ее подругам:

Девы поступь милая, блеском взоров

Озаренный лик мне дороже всяких

Колесниц лидийских и конеборцев,

В бронях блестящих.

Глава 3 Александр Македонский

Согласно преданию Александр Великий родился в тот самый день, когда в Эфесе занялся пламенем подожженный Геростратом храм Дианы Эфесской. Древние шутили, что

богиня потому и не сумела защитить свой храм, что была в это время занята, помогая Александру появиться на свет, а эфесские жрецы считали несчастье, приключившееся с храмом, предвестием новых бед для Азии. Отец Александра – Филипп Македонский, только что одержавший победу в бою, в тот же день получил сразу три известия: во-первых, что его полководец Парменион в большой битве победил иллирийцев, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и, наконец, третье – о рождении Александра. Вполне понятно, что Филипп был сильно обрадован, а предсказатели умножили его радость, объявив, что сын, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

Александр рос высоким, сильным и красивым мальчиком. Считается, что его внешность лучше всего передают статуи Лисиппа. Легкий наклон шеи влево, свойственный Александру, был следствием родовой травмы. По описанию, Александр был очень светлокочим и легко краснел.

Клавдий Элиан: *«...Александр, сын Филиппа, отличался природной красотой – волосы его вились и были белокуры, но в лице царя сквозило, судя по рассказам, что-то устрашающее».*

Мать Александра звали Олимпиадой. Увидев ее, еще совсем девочкой в храме во время мистерии, Филипп страстно влюбился и поспешил заключить с ней брак. Однако страсть вскоре прошла, и супруги совершенно охладели друг к другу. Филипп считал жену злой и ревнивой, а также не выносил ее пристрастия к ритуальным животным Богини – змеям.

Плутарх: *«Издревле все женичины той страны участвуют в орфических таинствах и в оргиях в честь Диониса; Олимпиада ревностнее других была привержена этим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвивали тирсы и венки женичин».*

Эти ручные змеи жили у нее на женской половине, грелись у нее на груди и даже спали вместе с ней. Филипп змей не любил, и его приводило в ужас то, что жена пускает их даже в свою постель. Вид змеи, вытянувшейся вдоль тела супруги, навсегда погасил его любовный пыл. Олимпиада тоже в свою очередь возненавидела мужа и даже в отместку ему сочинила сказку, что сына зачала она не от мужа, а от самого Зевса, явившего к ней в образе змея. Затем и сам Александр принялся повторять эту выдумку.

Честолюбие наследника престола проявилось очень рано. Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел и говорил: «Отец успеет захватить все, так что мне уже не удастся совершить ничего великого и блестящего».

А однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!»

Эти качества дополнял живой и не по-детски развитый ум. Когда в отсутствие Филиппа в Македонию прибыли послы персидского царя, Александр, не растерявшись, радушно их принял и буквально покориł послов своей приветливостью и тем, что не задал ни одного детского или малозначительного вопроса, а расспрашивал о протяженности дорог, о способах путешествия в глубь Персии, а также о том, каковы силы и могущество персов. Послам оставалось лишь только изумляться способностям мальчика и его стремлениям.

Несмотря на то что Олимпиада всячески настраивала сына против отца, Филипп его очень любил и старался дать сыну наилучшее воспитание. Видя, что Александр от природы упрям, царь старался больше убеждать его, чем приказывать. Разумным словом его легко можно было склонить к принятию правильного решения. Когда Александру было 13 лет, царь призвал для его обучения философа Аристотеля. Для занятий и бесед он отвел Аристотелю и Александру рощу, посвященную нимфам, где даже несколько веков спустя показывали каменные скамьи, на которых сидел Аристотель, и тенистые места, где он гулял

со своим учеником. Александр любил учителя, говоря, что своему отцу Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Александр не только усвоил учения о нравственности и государстве, но приобщился и к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли «скрытыми». Когда, находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнаруживал в книгах, он очень расстроился и обиделся. По его мнению, эти знания должны были быть достоянием лишь избранных – царей. «Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием?» – спрашивал он в письме своего учителя.

Аристотель оправдывается, утверждая, что эти учения хотя и обнаружены, но вместе с тем как бы и не обнаружены, так как все равно останутся непонятны невеждам.

Любимым литературным произведением Александра всю жизнь была «Илиада». Список «Илиады», исправленный Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки», он всегда имел при себе, храня его под подушкой вместе с кинжалом.

Плутарх: *«Однажды Александру принесли шкатулку, которая казалась разбравшим захваченное у Дария имущество самой ценной вещью из всего, что попало в руки победителей. Александр спросил своих друзей, какую ценность посоветуют они положить в эту шкатулку. Одни говорили одно, другие – другое, но царь сказал, что будет хранить в ней “Илиаду”».*

Конь Букефал

Имя этого знаменитого коня переводится как «Быкоголовый». Его привел Филиппу некий фессалиец, предлагая продать коня за тринадцать талантов. Это было очень дорого! Однако когда коня вывели на поле, он показался всем диким и необъезженным: никому не позволял сесть на себя верхом и всякий раз взвизгивал на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала. Тогда присутствовавший при этом Александр посетовал:

– Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его!

– Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конем? – возразил Филипп.

– С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой, – ответил Александр.

Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к Букефалу, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу: ведь он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Убедившись, что он успокоился, Александр сбросил с себя плащ и легким прыжком вскочил на коня. Сперва, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дергая за узду. Когда же Александр увидел, что норы коня не грозят больше никакой бедой и что Букефал рвется вперед, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразилось громкими криками. Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!»

Анекдот: Однажды во время жертвоприношений воспитатель Александра Леонид упрекнул мальчика в том, что он слишком щедро сыплет в огонь жертвенника дорогие благовония: «Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие. Пока же расходуй то, чем располагаешь, бережливо». Завоевав Персию, Александр послал Леониду пятьсот талантов ладана и сто талантов мирры, написав: «Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтобы ты впредь не скупился во время

жертвоприношений!»

Ссоры с Филиппом и его смерть

Многочисленные любовные похождения Филиппа и его повторные браки давали Олимпиаде отличный повод разжигать в сыне ревность и ненависть. Самая сильная ссора между отцом и сыном произошла на свадьбе Клеопатры, молодой девушки, ставшей очередной супругой стареющего царя. Аттала, дядя невесты и приближенный Филиппа, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Взбешенный этим Александр вскричал:

– Так что же, негодяй, я по-твоему незаконнорожденный, что ли?! – и швырнул в Аттала чашу.

Филипп бросился на сына, обнажив меч, но, по счастью для обоих, гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал:

– Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу.

После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии.

Клеопатра действительно вскоре забеременела. Но родила не сына, а дочь, которую Филипп назвал Европой. У него был еще один сын от наложницы – Арридей, страдавший эпилепсией и считавшийся слабоумным. Но несмотря на недуги, Арридей был завидным женихом: многие местные царьки и сатрапы, стремясь породниться с Филиппом, предлагали Арридею в жены своих дочерей. Это давало Олимпиаде возможность утверждать, что Филипп хочет лишить Александра наследства и обеспечить Арридею царскую власть.

Неизвестно, чем бы все могло кончиться, но Филиппа неожиданно настиг кинжал убийцы. История и подоплека этого преступления запутаны и не совсем приличны. Звали убийцу – Павсаний. Этого человека, якобы заподозренного в том, что он позволил себе нескромно взглянуть на Клеопатру, изнасиловал Аттала, а затем и приближенные царского тестя числом девять человек.

Павсаний обратился к Филиппу в поисках справедливости, но тот ничего не предпринял. И тогда Павсаний заколол его кинжалом и покончил с собой. Что в этой истории правда, а что нет, сказать трудно. Непонятно, почему кинжал Павсания обратился против Филиппа, а не против Аттала. Весьма возможно, что всего в деле была замешана Олимпиада, ненавидевшая мужа, однако никаких обвинений ей не предъявлялось: Александр очень сильно любил мать. Напротив, он сделал все, чтобы гнев судей обратился против тех родственников его отца, которые могли помешать ему удержать власть. Тело убийцы было распято на кресте. Затем последовали казни, уничтожившие почти всю мужскую родню Филиппа.

После смерти мужа Олимпиада, которой теперь ничто не мешало сводить старые счеты, приказала заколоть малышку Европу прямо на коленях у матери, а затем вынудила покончить с собой и саму Клеопатру.

Греческий поход

Двадцати лет от роду Александр получил царство, а вместе с ним и проблемы. Филипп, покоривший Грецию силой оружия, не успел принудить греков смириться, балканские племена, подчиненные Филиппом, также не желали быть рабами. Советники считали, что Александру вовсе не следует вмешиваться в дела Греции и прибегать там к насилию, а восставших балканцев надо привести к покорности, не обращаясь к жестоким мерам.

Александр же придерживался прямо противоположного мнения. Волнениям на

Балканах он быстро положил конец, пройдя с войском вплоть до реки Истра. Сложнее дело обстояло с Грецией: эллины не могли смириться с владычеством над ними македонцев, которых они считали невежественной деревенщиной. Верховодили освободительным движением Фивы, в союзе с ними находились Афины и другие города.

Очень быстро, прежде чем греки сумели собрать ополчение, Александр провел свои войска через Фермопилы и осадил Фивы. К этому времени уже не существовало «Священного отряда» – все его воины пали в битве при Херонее, сражаясь еще с Филиппом Македонским. Но, несмотря на это, как сообщают древние историки, «фиванцы бились с мужеством и доблестью, превышавшими их силы». Однако это их не спасло: город был взят, разграблен и буквально стерт с лица земли. Греков погибло более шести тысяч, пленных Александр продал в рабство, а их оказалось более тридцати тысяч.

Эта страшная расправа напугала и потрясла Грецию. Афины не отважились оказывать Александру какого-либо сопротивления, смирились и другие города. Убедившись в их покорности, Александр повел себя значительно более милостиво и даже не препятствовал тому, что афиняне помогали многочисленным беженцам из Фив. Он добился того, что греки провозгласили македонца своим вождем и собрали войско, постановив вместе идти войной на персов.

Желая спросить оракула о предстоящем походе, Александр прибыл в Дельфы, но случилось так, что его приезд совпал с одним из несчастливых дней, когда закон не позволяет давать предсказания, поэтому прорицательница, ссылаясь на закон, отказалась прийти в храм. Тогда Александр пошел за ней сам, чтобы притащить ее силой. Жрица, уступая настойчивости царя, воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!» Услышав это, Александр сказал, что он не нуждается больше в прорицании, так как уже получил нужный ему ответ.

Плутарх: «...многие государственные мужи и философы приходили к царю и выражали свою радость. Александр предполагал, что так же поступит и Диоген из Синопы, живший тогда возле Коринфа. Однако Диоген, нимало не заботясь об Александре, спокойно проводил время в Крании, и царь отправился к нему сам. Диоген лежал и грелся на солнце. Слегка приподнявшись при виде такого множества приближающихся к нему людей, философ пристально посмотрел на Александра. Поздоровавшись, царь спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы: “Отступи чуть в сторону, – ответил тот, – не заслоняй мне солнца”. Говорят, что слова Диогена произвели на Александра огромное впечатление, и он был поражен гордостью и величием души этого человека, отнесшегося к нему с таким пренебрежением. На обратном пути он сказал своим спутникам, шутившим и насмехавшимся над философом: “Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном”».

Персидский поход

Войско Александра насчитывало от тридцати до сорока тысяч пехотинцев и примерно пять тысяч всадников. Средств на его содержание не хватало. И тут царь впервые проявил свою знаменитую щедрость, граничащую с расточительностью: все свое состояние Александр либо обратил в жалованье для солдат, либо раздал в виде подарков своим полководцам. На вопрос одного из них, Пердикки:

– Что же, царь, оставляешь ты себе?

Александр ответил:

– Надежды!

– Тогда я и хотел бы иметь в них долю! – рассмеялся Пердикка.

Прибыв к развалинам Трои (Илиона), Александр принес жертвы Афине и совершил ритуальные возлияния героям. У надгробия Ахилла он, согласно обычаю, умастил тело и ногой состязался с друзьями в беге вокруг памятника; затем, возложив венок, он сказал, что

считает Ахилла счастливым, потому что при жизни он имел преданного друга, а после смерти – великого глашатая своей славы. Когда царь проходил по Илиону и осматривал достопримечательности, кто-то спросил его, не хочет ли он увидеть лиру Париса. Царь ответил, что она его нисколько не интересует, разыскивает же он лиру Ахилла, под звуки которой тот воспевал славу и подвиги доблестных мужей.

Клавдий Элиан: *«Когда Александр украсил венком могилу Ахилла, Гефестион также украсил Патроклову могилу, желая дать понять, что любим Александром, подобно тому, как Патрокл был любим Ахиллом».*

Ворота в Азию

Первая крупная победа Александра была одержана в Битве на реке Граник, называемой современниками «воротами в Азию». Многих пугала глубина реки, обрывистость и крутизна ее противоположного берега. Биографы пишут, что Александр бросился в реку и повел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой. Казалось, что им руководит не разум, а безрассудство и что он действует как безумец.

Ценой огромного напряжения сил Александр овладел противоположным берегом, мокрым и скользким, так как почва там была глинистая. Враги нападали с громкими криками, пытаясь пробиться Александру, которого легко было узнать по щиту и по белому султану на шлеме. На македонского царя напали сразу два персидских воина. Панцирь его был пробит, один из персов нанес удар копьем, другой мечом ударил Александра по голове. Тот успел отклониться, но меч срубил половину его шлема. Этот бой мог оборвать завоевание мира в самом начале, если бы не друг Александра Клит, по прозвищу Черный, который бросился на помощь, пронзив одного из персов насквозь копьем. Одновременно упал и другой перс, пораженный мечом Александра.

Сражение было выиграно и сразу изменило положение дел в пользу Александра. Он занял Сарды – главную твердыню приморских владений варваров. Многие города и области также подчинились ему, сопротивление оказали только Галикарнас и Милет.

Плутарх: *«Взяв город Гордий, о котором говорят, что он был родиной древнего царя Мидаса, Александр увидел знаменитую колесницу, дышло которой было скреплено с ярмом кизиловой корою, и услышал предание... будто тому, кто развяжет узел, закреплявший ярмо, суждено стать царем всего мира. Большинство писателей рассказывает, что узел был столь запутанным, а концы так искусно запряганы, что Александр не сумел его развязать и разрубил мечом; тогда в месте разруба обнаружились многочисленные концы креплений. Но по рассказу Аристобула, Александру легко удалось разрешить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк... которым закрепляется ярменный ремень».*

Впрочем, в Киликии Александру пришлось надолго задержаться из-за серьезной болезни. Никто из врачей не решался лечить Александра: в случае неудачи врачи боялись навлечь на себя обвинения и гнев македонян. Один только Филипп, акарнанец, поставил свой профессиональный долг превыше всего и счел преступным оставить больного без помощи, даже с риском для себя. Когда он уединился, чтобы приготовить для царя лекарство, полководец Парменион послал Александру письмо, советуя ему остерегаться Филиппа, так как Дарий будто бы посулил врачу большие подарки и руку своей дочери и тем склонил его к убийству Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из друзей, положил себе под подушку. В установленный час Филипп в сопровождении друзей царя вошел к нему, неся чашу с лекарством. Александр передал ему письмо, а сам без колебаний, доверчиво взял у него из рук лекарство. Это было удивительное, достойное созерцания зрелище. В то время как Филипп читал письмо, Александрпил лекарство, затем

оба одновременно взглянули друг на друга. На лице Александра отражалось благоволение и доверие к Филиппу, между тем как врач, возмущенный клеветой, то вздымал руки к небу и призывал богов в свидетели, то, бросаясь к ложу царя, умолял его мужаться и доверять ему. Лекарство подействовало: больной крепко уснул на несколько часов и почти не подавал признаков жизни, однако после пробуждения почувствовал себя намного лучше и быстро пошел на поправку.

После этого Александр продолжил наступление, одержал еще несколько блестящих побед и уничтожил более ста десяти тысяч врагов. Биографы рассказывают, что когда Александр, захватив обоз Дария, увидел всякого рода сосуды – кувшины, тазы, флаконы для притираний, – все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах благовоний, когда, наконец, он прошел в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов, – царь посмотрел на своих друзей и сказал: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать!» После одной из битв Александр пленил семью Дария: его жену и дочерей. Эти женщины больше всего боялись подвергнуться насилию, но Александр устроил их так, что никто из македонцев и греков не имел к ним доступа и «они вели такую жизнь, словно находились не во вражеском лагере, а в священном и чистом девичьем покое».

«Никто не сможет сказать, что я видел жену Дария, желал ее увидеть или хотя бы прислушивался к тем, кто рассказывал мне о ее красоте», – написал о себе Александр.

По свидетельству Плутарха, Александр был равнодушен к женщинам и даже говорил, что вид персиянок мучителен для его глаз. Он не обращал на них никакого внимания, как будто они были не живыми женщинами, а безжизненными статуями, говоря, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы.

Биограф утверждает, что до своей свадьбы Александр знал лишь одну женщину – Барсину, вдову персидского полководца Мемнона, захваченную в плен под Дамаском. Она получила греческое воспитание, была умна и отличалась веселым нравом. Как рассказывает Аристокбул, Александр последовал совету Пармениона, предложившему ему сблизиться с этой красивой и благородной женщиной. Она родила Александру сына.

Наверное, правы те, кто утверждает, что великий герой древности был гомосексуалом. Известны имена его фаворитов, да и отношения с друзьями выходили порой за рамки понятия «дружба». Известна его необычайная привязанность к Гефестиону, которого современники описывают как женоподобного красавца.

Однако развратником Александр, безусловно, не был, ласки, купленные за деньги, его не прельщали. Плутарх приводит письмо, в котором Александр бранит своих командиров, предлагающих ему мальчиков-рабов «замечательной красоты». Александр будто бы спрашивал у друзей, неужели написавший так плохо думает о нем, что предлагает ему эту мерзость? Не менее резко выбранил он и другого своего ретивого соратника, который написал, что собирается купить и привезти ему «знаменитого в Коринфе мальчика Кробила» – то есть юношу, скорее всего евнуха, профессионально занимавшегося проституцией.

Плутарх: *«Прибыв в столицу Гедрозии, Александр вновь предоставил войску отдых и устроил празднества. Рассказывают, что однажды, хмельной, он присутствовал на состязании хоров, один из которых возглавлял его любимец Багой. Одержав победу, Багой в полном наряде прошел через театр и сел рядом с царем. Увидев это, македоняне принялись рукоплескать и закричали, чтобы царь поцеловал Багоя; они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его».*

Александр был равнодушен к лакомствам и изысканным блюдам: часто, когда ему привозили с побережья редчайшие фрукты или рыбу, он все раздаривал друзьям, ничего не оставляя себе. Македоняне тогда впервые научились ценить золото, серебро, женщин, вкусили прелесть варварского образа жизни и, точно псы, почуявшие след, торопились разыскать и захватить все богатства персов. Обеды, которые устраивал Александр, всегда

были великолепны, и расходы на них росли вместе с его успехами, пока не достигли десяти тысяч драхм. Бедой Александра было пристрастие к вину. Он любил засиживаться за пиршественным столом, много и охотно разговаривал, сопровождая каждый кубок пространной речью. *«Он и сам безудержно хвастался и жадно прислушивался к словам льстецов, ставя тем самым в затруднительное положение наиболее порядочных из присутствовавших гостей»*. Причем напивался он порой так, что весь следующий день проводил в постели, а будучи пьяным, порой позволял себе поистине дикие выходки.

Так во время перехода через Вавилонию Александр был крайне заинтересован свойствами нефти. До этого македонцы нефти не видели и не знали, что это такое. Особенно его поразил вид пропасти, из которой, «словно из некоего источника, непрерывно вырывался огонь, и обильным потоком нефти, образовавшим озеро невдалеке от пропасти».

Желая показать Александру природную силу нефти, вавилоняне опрыскали этой жидкостью улицу, которая вела к дому, где остановился царь; затем, когда стемнело, они встали на одном конце этой улицы и поднесли факелы к местам, смоченным нефтью. «Нефть тотчас вспыхнула; пламя распространилось молниеносно, в мгновение ока оно достигло противоположного конца улицы, так что вся она казалась объятай огнем». Зрелище было удивительным, однако огонь не причинил никому вреда, так как строения были каменными, когда вся нефть выгорела, пламя погасло само собой. Гораздо хуже закончилась попытка испытать свойства нефти на человеке.

Плутарх: *«Среди тех, кто обычно омывал и умащал царя, забавляя его разными шутками и стремясь привести в веселое расположение духа, был некий афинянин Афинофан. Однажды, когда в купальне вместе с царем находился мальчик Стефан, обладавший прекрасным голосом, но очень некрасивый и смешной, Афинофан сказал: “Не хочешь ли, царь, чтобы мы испробовали это вещество на Стефане? Если даже к нему оно пристанет и не потухнет, то я без колебаний признаю, что сила этого вещества страшна и неодолима!” Стефан сам охотно соглашался на это испытание, но, как только мальчика обмазали нефтью и огонь коснулся его, яркое пламя охватило его с головы до пят, что привело Александра в крайнее смятение и страх. Не случись там, по счастью, нескольких прислужников, державших в руках сосуда с водой, предназначенной для омовения, остановить пламя не удалось бы вовсе, но даже и эти прислужники лишь с большим трудом потушили огонь на теле мальчика, который после этого находился очень в тяжелом состоянии»*.

Основание Александрии

Захватив Египет, Александр решил основать там большой город и дать ему свое имя. Считается, что место для города Александру подсказал приснившийся ему Гомер, продекламировавший следующие стихи: *На море шумно-широком находится остров, лежащий / Против Египта; его именуют там жители Фарос*.

Пробудившись, Александр отправился к Фаросу и увидел местность, очень выгодно расположенную. Тут же Александр приказал начертить план города. Под рукой не оказалось мела, и зодчие, взяв ячменной муки, наметили ею на черной земле большую кривую, равномерно стянутую с противоположных сторон прямыми линиями, так что образовалась фигура, напоминающая военный плащ. Царь был доволен планировкой, но вдруг, подобно туче, с озера и с реки налетело бесчисленное множество больших и маленьких птиц различных пород, и они склевали всю муку. Александр был встревожен этим знамением, но ободрился, когда предсказатели разъяснили, что оно значит: основанный им город, объявили они, будет процветать и кормить людей самых различных стран.

Конец Дария

Тем временем Дарий прислал своих друзей с письмом к македонскому царю, предлагая Александру десять тысяч талантов выкупа за пленных, все земли по эту сторону Евфрата, одну из дочерей в жены, а также свою дружбу и союз. Когда Александр сообщил об этом предложении приближенным, старый Парменион сказал: «Будь я Александром, я принял бы эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, – воскликнул Александр, – будь я Парменионом!»

Великая битва с Дарием произошла близ деревушки Гавгамелы, что означает «Верблюжий дом»: вроде бы здесь некогда содержался в почете старый любимый царский верблюд. В ночь перед битвой Александр спал очень крепко и не пробудился вовремя. Время не позволяло медлить долее, и Парменион, войдя в палатку и встав рядом с ложем Александра, два или три раза окликнул его. Когда Александр проснулся, Парменион спросил, почему он спит сном победителя, хотя впереди у него величайшее сражение. Александр, улыбнувшись, сказал: «А что? Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны более бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?»

Вот как описывает Плутарх боевое снаряжение Александра Македонского: *«...Александр надел шлем. Все остальные доспехи он надел еще в палатке: сицилийской работы гипендиму с поясом, а поверх нее двойной льняной панцирь, взятый из захваченной при Иссе добычи. Железный шлем работы Феофила блестел так, словно был из чистого серебра. К нему был прикреплен усыпанный драгоценными камнями железный щиток, защищавший шею. Александр носил меч, подарок царя китийцев, удивительно легкий и прекрасной закалки; в сражениях меч обычно был его главным оружием. Богаче всего был плащ, который царь носил поверх доспехов. Это одеяние работы Геликона Старшего Александру подарили в знак уважения жители города Родоса, и он, готовясь к бою, всегда надевал его. Устанавливая боевой порядок, отдавая приказы, одобряя воинов и проверяя их готовность, Александр объезжал строй не на Букефале, а на другом коне, ибо Букефал был уже немолод и его силы надо было щадить. Но перед самым боем к царю подводили Букефала, и, вскочив на него, Александр тотчас начинал наступление».*

Его армия хлынула на врага. Варвары отступили прежде, чем передние ряды успели завязать бой. Александр теснил персов к центру неприятельского расположения, где находился сам Дарий, тот стоял на высокой колеснице в середине царского отряда, рослый и красивый, окруженный множеством всадников в блестящем вооружении. Однако чем ближе был Александр, тем более приходили они в смятение. Персов становилось все меньше, и вот уже только самые смелые и благородные бились за своего царя до последнего вздоха, погибая у самых его ног. Ранен был и сам царь, но в тот раз ему удалось спастись: бросив оружие и колесницу, он вскочил на первую попавшуюся лошадь и бежал.

Преследование было тягостным и длительным: за одиннадцать дней Александр с воинами проехали верхом три тысячи триста стадиев. Многие были изнурены до предела, главным образом из-за отсутствия воды. Александру поднесли шлем, наполненный где-то чудом раздобытой водой. Он взял его, но заметив, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка со словами: «Если я буду пить один, они падут духом».

Наконец они настигли остатки войска персов. Лишь немногие остались верны Дарию. Один из его военачальников предал своего царя – когда македонцы ворвались во вражеский лагерь, они нашли лежащего на колеснице Дария, пронзенного множеством копий и уже умирающего. Ему и досталась та, не выпитая Александром чаша. Попросив врага позаботиться о его семье, персидский царь скончался. Опечаленный его гибелью Александр подошел к трупу и, сняв с себя роскошный плащ, покрыл им тело Дария.

Плутарх: *«В тех местах какие-то варвары похитили царского коня Букефала, неожиданно напав на конюхов. Александр пришел в ярость и объявил через вестника, что*

если ему не возвратят коня, он перебьет всех местных жителей с их детьми и женами. Но когда ему привели коня и города добровольно покорились ему, Александр обошелся со всеми милостиво и даже заплатил похитителям выкуп за Букефала».

Империя

Империя Александра была огромна! Царь захолустной Македонии завоевал полмира. Ему подчинились страны, намного более развитые во всех отношениях, чем его родина. Развитые образованные греки и персы постепенно оттесняли на второй план прежних соратников и друзей Александра, а он не только не противодействовал, но напротив, сам способствовал этому.

Клавдий Элиан: «Александр портил своих друзей, мирволя их жажде роскоши. Агнон носил обувь на золотых гвоздях, Клит принимал посетителей, расхаживая по пурпурным коврам, за Пердиккой и Кратером, большими любителями гимнастических упражнений, возили шатры из звериных шкур обхватом в стадию; в них, не стесненные недостатком места, они занимались гимнастикой; кроме того, в угоду им вьючных животных нагружали большими запасами необходимого для этой цели песка. В обозе страстных охотников Леонната и Менелая хранились тенета в сто стадий длиной. Палатка самого Александра вмещала сто лож, пятьдесят позолоченных столбов разделяли ее и поддерживали потолок, который тоже был вызолочен и украшен дорогими узорными тканями. Внутри в первом ряду было размещено пятьсот персов-мелофоров в пурпурных и оранжевых столах, подалее – тысяча лучников, одетых в цвет пламени и крови, а впереди них – пятьсот вооруженных серебряными щитами македонян. В середине палатки стояло золотое кресло, сидя на котором царь, со всех сторон окруженный стражами, принимал посетителей. Снаружи вдоль стен кольцом располагалась тысяча македонян и десять тысяч персов. Никто не осмеливался приблизиться к Александру – так велик был страх перед ним с тех пор, как высокомерие и удача сделали из него тирана».

Забыв о своем первоначальном пренебрежении персиянками, Александр женился на Роксане, а затем и на одной из дочерей Дария – Статире, устроив роскошнейшее пиршество, вошедшее в историю как «бракосочетание в Сузах». Александр не только женился сам, но и повелел всем своим еще неженатым соратникам жениться на персиянках. Наверное, он желал всем добра, биографы сообщают, что он отдал в жены своим друзьям «лучших персидских девушек», но только у самих этих друзей, ни тем более у девушек, ни даже у их родителей никто не спросил, желают ли они вступить в этот брак. Поэтому, несмотря на богатые подарки и другие царские милости, нашлись те, кто был вовсе не в восторге от неожиданной женитьбы.

Клавдий Элиан: «После победы над Дарием Александр отпраздновал свою свадьбу и свадьбы своих друзей. Всего было девятнадцать мужчин и столько же брачных покоев. В мужской пиршественной зале стояло сто лож, каждое из которых имело серебряные ножки, ложе же Александра – золотые. Все они были накрыты пурпурными узорчатыми покрывалами из дорогих иноземных тканей... Пиршество шло под звуки военной трубы: когда гостям надлежало явиться, трубили сбор, в конце праздника – отступление. Брачные торжества длились пять дней кряду. Не было недостатка в музыкантах и актерах как комических, так и трагических, прибыли также индийские фокусники; они весьма отличились и превзошли всех своих соперников из других стран».

Македонцы имели и более веские основания считать себя обиженными. Еще раньше Александр отобрал тридцать тысяч мальчиков, чтобы выучить их греческой грамоте и обращению с македонским оружием. Теперь, когда мальчики подросли и выучились, Александр приказал отправить домой в Македонию всех больных и увечных из своего войска. Причем отправляли их не с почестями, как победителей, а просто выкидывали, словно ненужный скарб. Воины сочли это обидой и оскорблением, они говорили, что царь

выжал из этих людей все, что они могли дать, а теперь, с позором выбрасывая их, возвращает их отечеству и родителям уже совсем не такими, какими взял. Но Александр вовсе не раскаялся в своих действиях. Ропот македонян он расценил как неповиновение и, прогнав свою прежнюю охрану, окружил себя персами и греками. Тут македоняне совсем пали духом, растерявшись от того, что их выступление привело к столь неожиданным результатам. Македонцы понимали, что даже если они устроят вооруженный мятеж, то их сил не хватит, чтобы перебить персидскую часть войска.

Плутарх: *«С криком и плачем они отдали себя на волю царя, умоляя его поступить с ними, как с неблагодарными негодяями. Александр, хотя и несколько смягчился, все же не допустил их к себе, но они не ушли, а два дня и две ночи терпеливо простояли перед палаткой, рыдая и призывая своего повелителя. На третий день Александр вышел к ним и, увидев их такими несчастными и жалкими, горько заплакал. Затем, мягко упрекнув их, он заговорил с ними милостиво и отпустил бесполезных воинов, щедро наградив их и написав Антипатру, чтобы на всех состязаниях и театральных зрелищах они сидели на почетных местах, украшенные венками, а осиротевшим детям погибших приказал выплачивать жалованье их отцов».*

Смерть Пармениона

Осадок от этой истории остался надолго. Александр больше не доверял своим друзьям, людям, завоевавшим вместе с ним половину мира.

Трагической стала смерть старого Пармениона, верой и правдой служившего еще Филиппу Македонскому. Два его сына погибли в военных походах Александра, а третий, Филот, был обвинен в заговоре и казнен. Серьезных улик против Филота не было, виной всему был его длинный язык. Филот захватил в Киликии пленницу по имени Антигона, женщину редкой красоты. Он полностью доверял ей и часто при ней бахвалился, принижая Александра и рассуждая о том, что если бы не доблесть македонцев, то их царь – мальчишка! – не одержал бы столько побед. Антигона же вовсе не испытывала к своему любовнику пылких чувств и стала шпионкой Александра. Он был разгневан, но пока еще держал себя в руках.

Но тут Филот допустил серьезный промах! Ему сообщили о заговоре против Александра – заговоре глупом и вряд ли опасном. Возможно, поэтому Филот и не обратил внимания на донос. Тогда доносчики обратились к другому человеку и были приняты царем. Рассказав о заговоре, они упомянули и о странном, на их взгляд, поведении Филота. Столь явное пренебрежение его безопасностью чрезвычайно ожесточило Александра и заставило его думать, что и сам Филот был в числе злоумышленников. Филот был схвачен, подвергнут пыткам и «во всем сознался» – вероятнее всего оговорил себя. Руководили допросом ближайшие друзья царя, в том числе Гефестион. Сам Александр слышал все, спрятавшись за занавесом. Рассказывают, что, когда Филот жалобно застонал и стал униженно молить Гефестиона о пощаде, Александр произнес: «Как же это ты, Филот, такой слабый и трусливый, решился на такое дело?»

После смерти Филота Александр сразу же послал в Мидию людей, чтобы без суда убить Пармениона. Убийца привез ему какое-то письмо, и когда старик склонился над ним, нанес удар в спину. Так погиб Парменион, тот самый полководец, одна из ранних побед которого совпала с рождением Александра.

Убийство Клита

В разгар одного из веселых пиршеств, когда гости уже перешли к неразбавленному вину, кто-то стал распевать песенки некоего грека, в которых высмеивались македонские

полководцы, недавно потерпевшие поражение в какой-то из битв. Старшие из присутствовавших сердились и бранили сочинителя и певца, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать. Клит, тот самый Клит, что некогда спас Александру жизнь, уже тоже сильно пьяный, пришел в негодование. Он заявил, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, все же много лучше тех, кто над ними смеется. Когда Александр заметил, что Клит, должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликнул: «Но эта самая трусость спасла тебя, рожденный богами, когда ты уже подставил свою спину персидскому мечу! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознесся, что, отрекшись от Филиппа, называешь себя сыном Амона!»

– Долго ли еще, негодяй, думаешь ты радоваться, понося нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению? – гневно вскричал Александр.

– Да мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая такие «сладкие» плоды наших трудов, – возразил Клит. – Мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю.

Люди постарше пытались уговорить спорящих, но они не унимались. Александр, сравнивая греков и македонцев, сказав, что эллины – словно полубоги среди дикий зверей. В ответ Клит посоветовал ему больше не приглашать на пиры людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жить среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону.

Выйдя из себя, Александр потянулся за кинжалом, но один из телохранителей успел вовремя спрятать это оружие. Тогда Александр велел трубачу подать сигнал тревоги и ударил его кулаком, заметив, что тот медлит. Впоследствии этот трубач пользовался большим уважением за то, что благодаря его самообладанию весь лагерь не был приведен в смятение. Клита вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошел через другие двери, читая ямбы из «Андромахи» Еврипида: «Какой плохой обычай есть у эллинов...»

Следующие строчки, упрекавшие царя в том, что он приписывает одному себе победы, одержанные сообща, Клит произнести уже не успел: Александр выхватил копье у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, пронзив дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев Александра сразу же угас. Он кинулся к умирающему другу, но спасти Клита было уже нельзя. В отчаянии Александр вытащил из трупа копье и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали – телохранители схватили его за руки и насильно унесли в спальню.

Проведя всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно и лишь тяжело стонал. Друзья, напуганные его молчанием, без разрешения вошли в спальню. Но речи их не тронули Александра. Тогда к нему привели Анаксарха из Абдер и философа Каллисфена – родственника Аристотеля. Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошел в философии особым путем и был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул: «И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир! Вот он лежит, рыдая, словно раб, страшись закона и порицания людей, хотя он сам должен быть для них и законом и мерою справедливости, если только он победил для того, чтобы править и повелевать, а не для того, чтобы быть прислужником пустой молвы. Разве ты не знаешь, – продолжал он, – что Зевс для того посадил с собой рядом Справедливость и Правосудие, дабы всё, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?» Такими речами Анаксарх несколько успокоил царя, но зато на будущее время внушил ему еще большую надменность и пренебрежение к законам.

Александр требует божественных почестей

Клит недаром упрекал Александра в том, что тот возомнил себя богом. Ведь еще египетские жрецы провозгласили македонца сыном Амона – и тот воспринял их лесть вполне серьезно, требуя для себя божественных почестей.

У персов был обычай, вызывавший у греков и македонцев лишь неприязнь и раздражение. Подданные должны были приветствовать своего повелителя земными поклонами, то есть кланяться ему, становясь на колени. После этого приветствовавший выпивал чашу вина за здоровье царя и посылал ему воздушный поцелуй. Наиболее близкие люди целовали царя лично. К тому времени Александр уже успел казнить или разогнать почти всех своих бывших друзей. Те, кто остался, привыкли льстить и унижаться ради корысти или из страха лишиться головы. Однако Александру было важно, чтобы этот обряд выглядел добровольным. Все подчинилось, скрывая отвращение, и поначалу обстановка была близка к торжественности. Все изменило поведение Каллисфена, ученика и родственника Аристотеля. Он отказался преклонить колени и выпил за царя стоя.

Александр был готов простить ему эту вольность, но кто-то обратил его внимание на нарушение ритуала. Тогда Александр отказал Каллисфену в поцелуе.

– Ну что же, – заметил тот, – одним поцелуем у меня будет меньше!

Фраза вызвала смех. Торжественность церемонии была непоправимо нарушена.

Каллисфен жестоко поплатился за свою выходку. Повод к этому возник довольно скоро. Круг его обязанностей включал и воспитание македонской молодежи. Среди его подопечных было много недовольных новыми порядками, и даже возник заговор, имевший своей прямой целью убить Александра. Заговор этот имел мало шансов на успех. Мальчишек схватили, пытали и казнили. Хотя они настаивали, что сообщников у них не было, и учитель не знал ни о чем, Каллисфена тоже бросили в тюрьму, где через семь месяцев он умер.

Клавдий Элиан: *«Анаксарх [5] по прозвищу Счастливый высмеивал Александра потому, что тот объявил себя богом. Однажды, когда царь захворал и врач велел приготовить ему похлебку, Анаксарх расхохотался и сказал: “Надежды нашего божества на дне чашки”».*

Анекдот: Когда в Спарту пришло предписание Александра впредь считать его богом, спартанцы не возразили, ответив: «Если Александру угодно быть богом – пусть будет».

Индийский поход

Это последнее военное предприятие Александра оказалось неудачным и завершено не было. Но именно при его подготовке и случился тот знаменитый эпизод, когда Александр приказал сжечь всю военную добычу, чтобы побудить воинов к захвату новой. По словам Плутарха, *«оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем совершить его. Лишь немногие были огорчены, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в каком-то порыве восторга с криком и шумом принялось сжигать и уничтожать все излишнее».*

Однако, несмотря на то что Александр действовал с такой же решительностью, как и прежде, удача изменила ему. Войско страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата: жаркого и влажного. Решительный отпор войску Александра дал индийский раджа Пор. Несмотря на то что он в конце концов потерпел поражение, его воины и боевые слоны сумели нанести македонцу огромный урон.

Плутарх: *«...благодаря своему росту в четыре локтя и пядь, а также могучему телосложению Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне, хотя слон под ним был самый большой. Этот слон проявил замечательную понятливость и трогательную заботу о царе. Пока царь еще сохранял силы, слон защищал его от нападавших врагов, но, почувствовав, что царь изнемогает от множества дротиков, вонзившихся в его тело, и боясь, как бы он не упал, слон медленно опустился на колени и начал осторожно вынимать хоботом из его тела один дротик за другим».*

Когда Пора взяли в плен и Александр спросил его, как следует с ним обращаться, Пор сказал: «По-царски». Больше он ничего добавлять не стал, сказав, что все заключено в этих словах. Александр отнесся к нему с уважением и даже назначил своим сатрапом. Битва с Пором стоила жизни Букефалу. Конь уже был очень стар: ему исполнилось тридцать лет, и получив несколько ранений дротиками, не сумел оправиться от ран. Александр был очень опечален смертью коня, он так тосковал, словно потерял близкого друга. В память о коне он основал город у Гидаспа и назвал его Букефалией.

Сражение с Пором охладило пыл македонян и отбило у них охоту проникнуть дальше в глубь Индии, так как они опасались в каждом из княжеств наткнуться на сильную армию, с конями и слонами. Они передавали друг другу слухи о необыкновенной ширине Ганга, через который предстояло переправиться, и о том, что эта река кишит хищными крокодилами и другими животными.

Поняв, что завоевать Индию ему не удастся, Александр был до крайности раздосадован.

Он долго не выходил из палатки, не радовался ранее совершенным подвигам и твердил, что возвращение назад было бы открытым признанием своего поражения. Не желая отступать и не в силах двигаться с боями дальше, он выбрал третий путь: построил большое число плотов и гребных кораблей и поплыл вместе с войском вниз по реке, желая достичь Океана.

Это было плохим решением: тяжелый климат и болезни причинили войску огромный урон, уничтожив три четверти его состава. К тому же воины Александра то и дело выходили на берег и грабили прибрежные земли. В таких стычках погибло очень много народу, в одной из них сильно ранен был и сам Александр: стрела пробила панцирь и глубоко вонзилась в кость около соска. К тому же он получил и удар дубиной по голове. Друзья не дали добить его, прикрыв своими телами, и он нашел еще в себе силы сам убить подбежавшего к нему индийского воина.

Уже потерявшего сознание, его отнесли в палатку. В лагере тотчас же распространился слух, что царь мертв. Извлечь толстое и широкое острие стрелы было трудно, Александр впал в глубокий обморок и действительно был на волосок от смерти. Потом еще долгое время он был слаб и нуждался в лечении и покое.

Плутарх передает рассказ о странном и пугающем самоубийстве одного из друзей Александра – Калана. Он долгое время страдал болезнью желудка и не видел от нее избавления. *«...Калан... попросил соорудить для себя костер. Подъехав к костру на коне, он помолился, окропил себя, словно жертвенное животное, и срезал со своей головы клоч волос в приношение богам. Затем, взойдя на костер, он попрощался с присутствовавшими македонянами, попросил их и царя провести этот день в веселой попойке и сказал, что царя он вскоре увидит в Вавилоне. Произнеся эти слова, он лег и укрылся с головой. Огонь подбирался все ближе, но он не двинулся с места, не шевельнул ни рукой, ни ногой. Так он принес себя в жертву богам по древнему обычаю мудрецов своей страны».*

Клавдий Элиан: *«Достопадна и в глазах многих достойна восхищения кончина индийца Калана. Она такова: Калан, индийский мудрец, замыслив освободиться от уз тела, торжественно простился с Александром и прочими македонцами, сказал прости своей жизни, после чего сложил костер в самом прекрасном из вавилонских предместий (костер был из сухих и благовонных веток кедра, туи, кипариса, мирта и лавра) и, окончив бег – свое привычное телесное упражнение, поднялся, увенчанный венком из тростника, на его середину. Солнце осветило Калана, и он молитвенно пал ниц – это было знаком, чтобы воины разожгли костер. После этого мудрец недвижимо продолжал стоять, уже объятый огнем, и не дрогнул, пока не испустил дух. Даже Александр, как передают, был поражен и сказал, что Калан сражался с более сильным противником, чем он, ибо Александру пришлось бороться с Пором, Таксиллом и Дарием, а Калану – с мучениями и смертью».*

После его самосожжения состоялся пир, на котором было проведено знаменитое

состязание в умении пить. Больше всех выпил некий македонец по имени Промах, который дошел до четырех хоев; в награду он получил венок ценою в талант, но через три дня скончался. Кроме него от отравления алкоголем умер еще сорок один человек.

Тогда мало кто обратил внимание на странные слова Калана насчет «свидания в Вавилоне», но они, увы, оказались пророческими. Эпидемия неизвестной болезни распространилась в войске. Современные врачи предполагают, что это была одна из самых тяжелых форм малярии, которая давала осложнения либо на легкие, либо на кровь. Поначалу она казалась обычной лихорадкой и не вызывала опасений, но затем могло последовать резкое ухудшение и смерть.

Одной из первых ее жертв стал лучший друг Александра – Гефестион. Первое время врачи не предполагали ничего опасного, и он продолжал бывать на празднествах и участвовать в пирах, невзирая на недомогание и жар. Но внезапно ему стало хуже. Гефестион попросил позвать к нему Александра – но когда тот явился, больной был уже мертв.

Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки.

Клавдий Элиан: «Когда Гефестион умер, Александр бросил в погребальный костер оружие, золото, серебро и драгоценную персидскую одежду. Он также на гомеровский лад отрезал прядь своих волос, подражая Ахиллу. Но царь горевал необузданнее и сильнее этого героя: он занес руку на экбатанский акрополь. Все, включая срезанные волосы, по моему мнению, было вполне в греческом духе. Покушение же на стены Экбатан положило начало варварским поступкам царя. Александр отказался от своей обычной одежды и весь отдался печали, любви и слезам.

Гефестион умер под Экбатанами. Некоторые считают, что всем, что было учреждено для похорон Гефестиона, воспользовались на похоронных торжествах в честь самого Александра, ибо смерть постигла царя, когда траурные обряды по Гефестиону еще не были исполнены».

Плутарх: «Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие. И это называли заупокойною жертвой в честь Гефестиона. На похороны, сооружение могильного кургана и на убранство, потребное для исполнения всех обрядов, Александр решил потратить десять тысяч талантов».

Начиная с этого момента, древним биографам Александра уже трудно убедить себя и читателей в том, что его разум сохранял ясность. Завоевав полмира, он занялся тем, что проводил огромные дорогостоящие праздники, возводил никому не нужные дворцы и мечтал о новом походе – в Аравию. Еще оставшиеся в живых друзья не могли доверять ему и боялись диких внезапных вспышек ярости царя.

Смерть

Вскоре после возвращения в Вавилон Александр ощутил первый приступ болезни, ставшей для него смертельной. Это случилось на пиру: в тот раз царь пил больше обычного, видимо страдая от постоянной жажды. К концу дня его стало лихорадить.

Второй приступ случился на следующий день в купальне: царь почувствовал сильнейший озноб, несмотря на то что вода была нагрета как обычно. Затем, казалось, что болезнь отступила, но ночью последовал еще один приступ. Несколько дней болезнь не проявлялась в острой форме, периоды почти нормального самочувствия чередовались с приступами лихорадки, отнимавшими у царя силы. Видимо, это была та же зараза, что погубила Гефестиона.

На четвертый день жар усилился, и всю ночь Александр чувствовал себя очень плохо, и весь следующий день его лихорадило, однако он еще продолжал заниматься делами.

Так прошло еще три дня, на четвертый у Александра случился новый сильный приступ лихорадки, после которого уже не смог сам подняться на ноги. А на следующий день он не мог и говорить.

Македоняне заподозрили, что царь уже мертв; с криком и угрозами они потребовали у царских товарищей, чтобы их пропустили во дворец. Двери дворца были открыты, и македоняне в одних хитонах по одному прошли мимо ложа царя. Посланные в храм бога Сераписа спросили, не следует ли перенести Александра в его храм. Так поступали многие больные, моля божество об исцелении. Но оракул ответил, что Александру лучше оставаться там, где он есть.

На двадцать восьмой день месяца деся к вечеру Александр скончался. Соотнеся календарь греков с современным, дату его смерти можно определить как 13 июня 323 года до н. э. Ему было тридцать три года, процарствовал он тринадцать лет.

Клавдий Элиан: *«Александр, сын Филиппа и Олимпиады, окончил жизнь в Вавилоне, хотя и мнил себя отпрыском Зевса. Так как его соратники спорили за власть, тело царя оставалось без погребения, чего не лишены даже последние нищие, ведь человеку свойственно удалять мертвеца с людских глаз. Тело же Александра лежало в течение тридцати дней...»*

Потом вдруг какой-то предсказатель объявил, что тот властитель, который похоронит Александра в своих владениях, будет править вечно. После этого среди сподвижников Александра началось соперничество: каждый стремился перенести останки царя в пределы своих владений как драгоценный залог непоколебимой прочности власти. Тело Александра было набальзамировано и помещено в золотой саркофаг. На долгое время оно стало предметом борьбы наследников великого завоевателя. Место его окончательного успокоения неизвестно, несмотря на то что многие археологи пытались найти гробницу. Искали в Месопотамии, в Македонии, в египетской Александрии, куда, по преданию, перевез его Птолемей.

Согласно последним версиям, наиболее вероятно обнаружить саркофаг Александра Великого в Египте, в оазисе Сиви, на границе с Ливией. К сожалению, мусульманское духовенство категорически отказывается дать разрешение на раскопки, так как в оазисе находятся руины древней мечети.

Сразу после смерти Александра огромная империя начала распадаться. Своих старых верных друзей великий завоеватель растерял, а те, что остались, теперь заботились только о личной выгоде. В результате ожесточенных споров решили избрать царем слабоумного Арридея, а сына Роксаны считать его соправителем, дожидаясь, пока он не достигнет совершеннолетия. Империю разделили на сатрапии и поделили между военачальниками. Это устройство продержалось два года, а затем стало стремительно рушиться. Немало способствовала этому и старая Олимпиада, вдруг поверившая слухам о том, что ее сына отравили. По этому обвинению многие были казнены.

Плутарх: *«Ядом, как передают, послужила ледяная вода, которая по каплям, как роса, стекает с какой-то скалы близ Нонакриды; ее собирают и сливают в ослиное копыто. Ни в чем другом хранить эту жидкость нельзя, так как, будучи очень холодной и едкой, она разрушает любой сосуд».*

В течение следующих пятнадцати лет погибли все члены царской семьи и почти все сподвижники великого царя. Одни нашли смерть в сражениях, другие были казнены или убиты без суда. Роксана, до крайности ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, при помощи подложного письма заманила дочерей Дария к себе, обеих убила, бросила трупы в колодезь и засыпала землей. Ей помогал один из друзей Александра.

Олимпиада велела бросить в тюрьму несчастного слабоумного Арридея, и там он был убит. Она поссорилась почти со всеми соратниками Александра и принялась им мстить.

Но многие мечтали отомстить и ей самой! Один из бывших друзей Александра, жестоко им оскорбленный, взял в плен Олимпиаду и приговорил ее к смерти. Погибла и Роксана с маленьким сыном. Не избежали злой участи и наложница Барсина с сыном.

Империя распалась на несколько частей, в которых обосновались наиболее удачливые из числа сподвижников Александра, теперь враждовавшие друг с другом. После смерти всех его прямых наследников они приняли титулы царей.

Глава 4 Императрица Феодора – какой она была?

После падения западной Римской империи центром мировой культуры стала Византия, Восточная Римская империя. Ее столица – Константинополь – слыл роскошнейшим городом мира. Расположенный на границе Востока и Запада, он вобрал в себя специфические черты той и другой культуры. Несметные богатства и ужасающая нищета, величественные мраморные дворцы и убогие хижины бедняков, веселые праздники, сопровождавшиеся цирковыми представлениями, и длительные строгие посты, крайняя религиозность и основанная на лицемерии общественная мораль, расцвет наук и искусств, самая изысканная роскошь, придворные интриги и жестокие казни – все это делало Константинополь пугающим и манящим одновременно.

Клавдий Элиан: *«Известно, что жители города Византия страшные пьяницы; поэтому они живут в харчевнях, а свои дома сдают в наем приезжающим в город чужеземцам. И не только одни дома, но и жен в придачу, так что повинны в двух пороках: пьянстве и сводничестве».*

Любовь к развлечениям была столь сильна среди ромеев – так византийцы сами называли себя, – что жители Константинополя делились на партии не по политическим пристрастиям, а по тому, за какую спортивную команду они болели. Самыми популярными были «голубые» (венеты) и «зеленые» (прасины), названные по цвету, в который были выкрашены их гоночные колесницы, соревновавшиеся на Ипподроме – огромной площади, предназначенной для спортивных состязаний и различных мероприятий. Они имели влияние в военных, политических и богословских вопросах, а порой их сравнивают с преступными синдикатами. Именно на Ипподроме часто решались государственные дела, там началось и одно из мощнейших восстаний – восстание Ника. Названо оно не по имени предводителя, а по лозунгу восставших «Побеждай», по-гречески – «Ника!». Две враждующие партии «синих» и «зеленых» устроили потасовку во время проведения гонки колесниц. Венеты в правление Юстиниана в основном представляли класс вельмож, патрициев и землевладельцев, а прасины в основном представляли городские низы, ремесленников; хотя среди и тех и других были сенаторы, Юстиниан благоволил прасинам.

Притесняемые венеты потребовали отречения от престола императора Юстиниана, находившегося тут же – в ложе. Он приказал схватить зачинщиков и казнить их, но это не помогло: «зеленые» и «синие» объединились, и начался бунт.

Восставшие громили частные дома и лавки, избивали сборщиков налогов, жгли их списки, выпустили из тюрьмы заключенных. Город был основательно разрушен, погибли многие знаменитые здания: Октагон, Бани Зевскиппа, собор Святой Софии с государственным хранилищем Актов Империи, церковь Святой Ирины... Счет убитых шел на тысячи.

Они выдвинули нового императора – племянника императора Анастасия, правившего еще до отца Юстиниана. Покойный Анастасий имел трех племянников – Помпея, Пробуса и Ипатия; в свое время их обошли на выборах, предпочтя Юстина, а теперь вспомнили об их «правах». Пробус, не желая в этом участвовать, бежал из города, Помпей спрятался во дворце, а Ипатия, запершегося в своем доме, толпа вытащила на улицу и торжественно короновала. Перепуганный и растерянный поначалу, на второй день он уже вполне освоился со своей ролью и стал отдавать распоряжения. Бунтовщики собирались штурмовать

императорский дворец, где заперся Юстиниан.

Во дворце началась паника, Юстиниан уже рассматривал план побега. Удержала его царица – Феодора, произнеся знаменитые слова о том, что царский пурпур – лучший саван.

Прокопий Кесарийский: *«Василевс Юстиниан и бывшие с ним приближенные совещались между тем, как лучше поступить, остаться ли здесь или обратиться в бегство на кораблях. Немало было сказано речей в пользу и того, и другого мнения. И вот василиса Феодора сказала следующее: «Теперь, я думаю, не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагой. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, не остается ничего другого, как только устроить их лучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение, и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тому, кто появился на свет, нельзя не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, василевс, это нетрудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы тебе, спасшемуся, не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть – прекрасный саван». Так сказала василиса Феодора. Слова ее воодушевили всех, и вновь обретя утраченное мужество, они начали обсуждать, как им следует защищаться, если кто-либо пошел бы на них войной».*

Агенты Юстиниана отправились к тем аристократам, что примкнули к восставшим, объяснив им, что они не понесут никакого наказания, если раскаются в своем заблуждении. Многим из них были даже предложены за это деньги, и немалые. Этот ход принес немало выгоды: напуганные размахом грабежей и насилия аристократы с радостью заверили василевса в своей полной благонадежности. Сохранившие верность Юстиниану войска напали на собравшихся на Ипподроме бунтовщиков и устроили резню. Погибло более тридцати пяти тысяч человек. Те сенаторы, что оставались с восставшими, были казнены. Ипатий был захвачен в плен. Юстиниан колебался, стоит ли лишать его жизни: ведь толпа вытащила беднягу из дома силком, и он сам не рвался в правители, но Феодора была тверда и настояла на казни. Эта женщина умела принимать решения и настаивать на своем. «Она была грешницей, но затем раскаялась», – говорится в ее официальной биографии. Историк Иоанн Эфесский более откровенен: «она пришла из борделя», ну а благодаря Прокопию Кесарийскому, секретарю близкого к императору полководца Велизария, мы знаем все подробности ее карьеры.

В клане зеленых был некто Акакий, надсмотрщик зверей цирка. Этот человек умер от болезни, оставив трех дочерей: Комито, Феодору и Анастасию, старшей из которых не было еще семи лет. Наследницей его должности считалась жена, но глава «зеленых», подкупленный кем-то, отстранил вдовицу от работы и назначил на нее того, кто дал ему взятку. Женщина была в отчаянии: ведь ей грозила голодная смерть. Рассчитывая на миловидность своих юных дочерей, она в день большого соревнования украсила их венками из цветов и поставила у входа в цирк на колени молить о милости. «Зеленые» не обратили на девочек никакого внимания, а вот «синие» проявили снисхождение: оказывается, у них тоже недавно освободилось место надсмотрщика за зверями, и они определили бедную вдову и ее нового мужа на эту должность. При Ипподроме был и театр, где исполнялись вульгарные фарсы и комедии со скабрёзными сюжетами, а актеры появлялись на сцене почти обнаженные – их тела прикрывала лишь обязательная по закону тонкая набедренная повязка. Ни петь, ни танцевать актеры почти не умели, сценические выступления служили лишь прикрытием, на самом деле их основной профессией была проституция. В это заведение и поступили подрастающие Комито, Феодора и Анастасия – все они были очень хорошенькими. Поначалу Феодора сопровождала свою старшую сестру – Комито, наподобие служаночки-рабыни, а затем и сама стала участвовать в представлениях. Прямо на сцене она раздевалась до набедренной повязки, затем некоторое время танцевала и делала

гимнастические упражнения, выгибаясь назад и делая «мостик», затем ложилась на спину. Служители, на которых была возложена эта работа, бросали зерна ячменя ей на живот, грудь и на «срамные места», а гуси, специально для того приготовленные, вытаскивали их клювами и съедали.

Прокопий Кесарийский: *«Феодора, будучи пока незрелой, не могла еще сходитья с мужчинами и иметь с ними сношение как женщина, но она предавалась любострастию на мужской лад с негодями, одержимыми дьявольскими страстями, хотя бы и с рабами, которые, сопровождая своих господ в театр, улучив минутку, между делом предавались этому гнусному занятию. В таком блуде она жила довольно долго, отдавая тело противоестественному пороку. Но как только она подросла и созрела, она пристроилась при сцене и тотчас стала гетерой из тех, что в древности называли “пехотой” [6]. Ибо она не была ни флейтисткой, ни арфисткой, она даже не научилась пляске, но лишь продавала свою юную красоту, служа своему ремеслу всеми частями своего тела».*

После спектаклей артисток часто приглашали в богатые дома для развлечения гостей. Такое застолье обычно заканчивалось оргией и могло обернуться для неопытной гетеры большими неприятностями. Но Феодора умела выходить невредимой из любой ситуации.

Прокопий Кесарийский: *«Была она необыкновенно изящна и остроумна. Из-за этого все приходили от нее в восторг. У этой женщины не было ни капли стыда, и никто никогда не видел ее смущенной, без малейшего колебания приступала она к постыдной службе. Она была в состоянии, громко хохоча, отпускать остроумные шутки и тогда, когда ее колотили по голове... Отдаваясь своим любовникам, она подзадоривала их развратными шутками и, забавляя их все новыми и новыми способами половых сношений, умела навсегда притянуть к себе распутные души».*

...Она часто приходила на обед, вскладчину сооруженный десятью, а то и более молодцами, отличающимися громадной телесной силой и опытными в распутстве, и в течение ночи отдавалась всем сотрапезникам; затем, когда все они, изнеможенные, оказывались не в состоянии продолжать это занятие, она отправлялась к их слугам, а их бывало порой до тридцати, спаривалась с каждым из них, но и тогда не испытывала пресыщения от этой похоти».

Она часто бывала беременной и с помощью различных настоек вызывала у себя выкидыши. Ее здоровье от этого сильно пострадало, и, выйдя замуж, Феодора уже не могла родить, а затем женские болезни стали причиной ее ранней смерти. Репутация ее в то время была ужасна, и «когда кому-либо из более благопристойных людей случалось встретить ее на рынке, они отворачивались и поспешно удалялись от нее, чтобы не коснуться одежд этой женщины и таким образом не замарать себя этой нечистью. Для тех, кто видел ее, особенно утром, это считалось дурным предзнаменованием».

Кроме сестер, она ни с кем не поддерживала дружеских отношений, относясь к выступавшим вместе с ней актрисам «как лютейший скорпион». Она безжалостно высмеивала конкуренток, стремясь их всячески унижить.

Врагов у нее было много, и многие желали ей зла. Нанятая для услаждения архонта города Тира, она чем-то ему не угодила и была изгнана из его дома, а после и из театра. Из-за этого она попала в нужду, испытывая недостаток в самом необходимом, и была вынуждена торговать своим телом прямо на улице. Она оставила Константинополь и отправилась в Александрию – город, знаменитый своими гетерами, до тонкостей изучившими искусство любви. Там Феодора научилась многому, и главное – разнообразным косметическим ухищрениям, позволившим ей надолго сохранить красоту.

Прокопий Кесарийский: *«За телом своим она ухаживала больше, чем требовалось, но меньше, чем она желала. Ранее раннего она отправлялась в бани и очень поздно удалялась оттуда. Завершив омовение, она направлялась завтракать, позавтракав, отдыхала. За завтраком и обедом она отведывала всякой еды и питья, сон же у нее всегда был очень продолжительным, днем до сумерек, ночью – до восхода солнца».*

Искусство косметики в то время было весьма развито. Женщины использовали всевозможные помады, румяна, подводили глаза, чернили ресницы. Именно в Александрии происходит действие знаменитого романа Пьера Луиса «Афродита». Созданный в 1896 году, этот прихотливый и несколько вычурный роман подробно до мелочей описывал жизнь александрийских жриц любви. Сцена туалета гетеры по имени Кризи, за которое ухаживает ее рабыня Джала, позволяет представить роскошь, в которой жили богатые представительницы этой профессии:

Пьер Луис: *«Краски для лица и тела самых разнообразнейших оттенков лежали в небольшом ларчике розового дерева, который привезли с острова Диоскорид. Рабыня окунула кисточку из верблюжьей шерсти в черную краску и подчеркнула изгиб ока, чтобы оттенить синеву глаз. На веки она положила голубые тени; два ярко-красных треугольника легли на скулы. Для того чтобы краска не размазывалась от поцелуев или слез, нужно было натереть лицо и грудь нежной мазью из воска и масла; затем Джала взяла мягкое перышко, обмакнула его в свинцовые белила и провела белые линии вдоль рук и на шее Кризи; обвела контуры губ и подкрасила кончики грудей; пальцы рабыни, которые только что нанесли на щеки румяна, обозначили на боках по три глубокие складки, а на ягодицах – две игривые ямочки. Затем окрашенным кожаным тампоном она провела по локтям Кризи и подновила цвет ногтей. Туалет был окончен».*

Юстиниан

Незадолго до этого в Византии сменилась династия: восьмидесятилетний император Анастасий умер в 518 году, не оставив прямого наследника. Начались выборы нового властителя: во дворце собрались высшие чиновники и патриарх, а на Ипподроме – деды, то есть народ.

Сначала императором называли одного из офицеров, некоего Иоанна, впоследствии ставшего епископом Гераклеи, и подняли его на щит. Однако венеты не поддержали это, и началось столкновение между фракциями, в котором несколько человек погибло. Затем схоларии провозгласили императором одного из своих офицеров, что вызвало новые столкновения. Также была сделана попытка избрать Юстиниана, но тот отказался. Наконец сенаторы согласились на кандидатуру Юстина. Но были и несогласные: новоизбранному императору даже разбили губу в драке. Однако решение сената было поддержано армией, и демам пришлось согласиться с ним. Юстин вышел на Ипподром, «синие» и «зеленые» приветствовали его. Затем Юстину были вручены знаки царской власти: пурпурные одежды и золотая цепь. Патриарх возложил на его голову корону.

Прокопий Кесарийский пишет, что Юстин не сделал стране ничего хорошего и ничего плохого, оставаясь и на троне крестьянским мужиком. Он до конца жизни был неграмотным и для подписи указов прибегал к хитрости: обводил буквы по специальному трафарету. Фактически Юстин совершенно не занимался управлением страной, предоставив власть квестору Проклу.

Имена родителей Юстина I до нас не дошли, но совершенно точно, что они не принадлежали к знати. Жену Юстина звали Луппикина, он купил ее в молодости как рабыню. Юстин дал ей вольную и даже женился на ней. Имя Луппикина казалось современникам смешным и неблагозвучным (Лупа – по латыни – проститутка), и, став императрицей женщина стала называться Евфимией. Детей у них не было, и в апреле 527 года Юстин назначил соправителем своего племянника, сына своей сестры Бигленицы, Юстиниана, который несколько месяцев спустя унаследовал трон. Отцом Юстиниана считался некий Савватий, человек ничем не примечательный, но Бигленица, по примеру многих своих предшественниц, постаралась преподнести миру иную версию: *«... мать Юстиниана говаривала кому-то из близких, что он родился не от мужа ее Савватия и не от какого-либо человека. Перед тем как она забеременела им, ее навестил демон, невидимый,*

однако оставивший у нее впечатление, что он был с ней и имел сношение с ней, как мужчина с женщиной, а затем исчез, как во сне», – сообщает Прокопий Кесарийский, добавляя, что «...в Юстиниане не было ничего от царского достоинства, да он и не считал нужным блюсти его, но и языком, и внешним видом, и образом мыслей он был подобен варвару».

Именно Юстинианом был подписан декрет о закрытии Платоновой (точнее, неоплатонической) Академии в Афинах в 529 году – эта дата традиционно считается событием, завершающим период Античности и знаменующим начало Средневековья.

Иоанн Малала: *«После василевса Юстина 1 апреля пятого индикта, по антиохийскому исчислению 575 года, в консульство Мавортия воцарился божественный Юстиниан. Он процарствовал 38 лет, 7 месяцев и 13 дней. Был он невысокого роста, широкогрудый, с красивым носом, белым цветом лица, вьющимися волосами. Был он круглолиц, красив, несмотря на то, что у него не было волос на лбу, цветущий на вид, (хотя) борода и голова его поседел, великодушный, христианин. Любил партию венетов. Он был фракийцем, родом из Бедерианы».*

Роман императора

Не прижившись в Александрии и побывав во многих городах Востока, Феодора вновь вернулась в Константинополь. Ей исполнилось уже около двадцати пяти лет, что при ее образе жизни было немало. Феодора была красива лицом и к тому же исполнена грации, но невысока ростом, бледнолица, однако не совсем белая, но скорее желтовато-бледная; взгляд ее огромных черных глаз из-под темных четко очерченных бровей был выразителен, а после обретения власти – грозен.

Неизвестно, на каком празднике или оргии император впервые увидел свою будущую супругу, однако влюбился он в нее сразу и до безумия. Он осыпал ее подарками, выделил ей богатое содержание и даже, желая возвысить свою любовницу, возвел ее в сан патрикии.

Мечтая жениться на любимой, Юстиниан даже уговорил дядю отменить старый закон, запрещающий человеку, достигшему звания выше сенаторского, жениться на блуднице. Василевс – глубокий старик – уже не внушал подданным никакого почтения и плохо понимал, что происходит вокруг. Перед Юстинианом же все в страхе пресмыкались.

Однако старая василиса, императрица Луппикина-Евфимия решительно воспротивилась этому браку. Плохо образованная, простая женщина, чуждая всякой испорченности, была крестьянкой и варваркой по происхождению. Она ничего не смыслила в государственных делах, но зато придерживалась традиционной морали и ни за что не допустила бы брак пасынка с бывшей гетерой. Вплоть до ее смерти в 524 году Феодора считалась лишь сожительницей, но не женой Юстиниана, а спустя несколько месяцев после кончины старой василисы они торжественно обвенчались в соборе Святой Софии. В апреле 527 года Феодора была коронована вместе с супругом. Старый Юстин умер спустя пять месяцев после их коронации.

Прокопий Кесарийский: *«...у женившегося на ней и мысли не возникало о позоре своего положения, у него, располагавшего возможностью свершить свой выбор в пределах всей Римской державы и сделать супругой женщину, которая среди всех остальных была бы наиболее благородной, воспитанной вдали от чужих глаз, исполненной чувства глубокой стыдливости и скромности, отличающейся благоразумием и обладающей не только необыкновенной красотой, но и невинностью, из тех, кого называют прямогрудными. А он не счел недостойным назвать своей всеобщую скверну, не стыдясь ничего, что было известно о ней, сойтись с женщиной, замаранной, помимо других грехов еще и многими детоубийствами, ибо она по собственному почину совершала выкидыши».*

Если и были недовольные этим браком, то они молчали. Никто из сенаторов, священнослужителей, воинов или простого народа ничем не выразил, что считает недостойным повиноваться бывшей гетере. Те же, что некогда покупали ее за горсть

медяков, теперь предпочли забыть об этом и молили бога, чтобы и сама императрица не вспомнила. Ходили страшные слухи о подземной тюрьме, похожей на лабиринт, вход в которую был прямо из гинекея – женских комнат дворца. *«У Феодоры были тайные помещения, скрытые, темные и не имеющие никакого сообщения с миром, где не было различия между днем и ночью».* Своих врагов императрица могла пригласить словно для беседы, и, попав к ней, эти люди навсегда исчезали из мира живых. Даже если спустя много лет, кому-то и удавалось обрести свободу, то на него смотрели как на воскресшего из мертвых.

Прокопий Кесарийский: *«Одного... сенатора она, конфисковав все его имущество, заключила в совершенно темное подземелье, привязав его петлей, накинутой на шею, к стойлу; веревка эта была столь короткой, что он не мог ни выпрямиться, ни распустить петли. Находясь все время в таком положении привязанным к стойлу, этот несчастный должен был и есть, и спать, и выполнять все другие физические потребности, и, чтобы во всем быть похожим на осла, ему оставалось только (научиться) реветь. В таком состоянии этот человек провел здесь больше четырех месяцев, пока он не стал страдать болезнью, так называемой меланхолией, и окончательно не сошел с ума; тогда он был выпущен из этого узилища и вскоре после этого умер».*

Феодора отличалась злым и мстительным характером, став василисой, она не упускала случая отомстить тем, кто когда-то унижал ее саму.

Прокопий Кесарийский: *«...ее разум непрестанно и прочно коснел в бесчеловечности. Она никогда и ничего не совершала по чуждому внушению или побуждению, но с непреклонной настойчивостью всеми силами осуществляла свои решения, и никто не отваживался испросить у нее милости для того, кто стал жертвой ее недовольства. Ни давность времени, ни удовлетворенность от наложенного наказания, ни всякого рода мольбы, ни страх перед смертью, которая, вероятно, будет ниспослана с небес на весь род человеческий, не могли склонить ее к тому, чтобы унять свой гнев. Одним словом, никто никогда не видел, чтобы Феодора примирилась с тем, кто досадил ей, даже после его смерти, но и сын умершего, словно нечто другое, принадлежавшее отцу, заполучив в наследство вражду василисы, передавал ее до третьего колена. Ибо ее пыл, крайне расположенный возбуждаться для того, чтобы губить людей, был совершенно не способен к умиротворению...»*

Феодора ценила преданных ей людей и многое им прощала, охотно покрывая разные мелкие грешки своих друзей. Так, например, ее подруге Антонине сходили с рук многочисленные любовные похождения. Ее супруг – полководец Велизарий – как-то попытался возмутиться и был немедленно обвинен в государственной измене. Но Антонина вовсе не собиралась вдоветь! Две женщины разыграли целый спектакль: в дом Велизария прибыл посланец императрицы, больше похожий на наемного убийцу. Но вместо кинжала или яда он показал полководцу письмо, в котором василиса даровала ему прощение исключительно ради его супруги. Обманутый и униженный патрикий был вынужден целовать ноги своей неверной жены, а василисе отправить богатые подарки. Впоследствии даже возникла легенда о его ослеплении и крайней нищете – но это всего лишь выдумка: императрица не стала калечить мужа своей подруги. Феодора вообще крайне терпимо относилась к женской неверности и даже назначила штрафы, которые должны были платить мужья, клеветнически обвинившие своих жен в измене. А однажды василиса приказала для острастки, чтобы не говорил ерунды, выпороть новобрачного, утверждавшего, что он «нашел сосуд уже просверленным»: невестой была дочь ее давней подруги – гетеры.

Сословие патрикиев она презирала и ненавидела, находя удовольствие в том, чтобы унижать и высмеивать тех, кто некогда мог подобным образом относиться к ней самой.

Прокопий Кесарийский: *«...если о ком-либо из тех, кто досадил Феодоре, сообщали, что он совершил какой-либо проступок, хотя бы незначительный и не стоящий слов, она немедленно придумывала обвинения, вовсе не применимые к данному человеку, раздувая это*

дело как великое злодеяние. Выслушивалась масса жалоб, назначался суд по обвинению в низвержении существующего порядка, сходились судьи, собранные ею и готовые сражаться друг с другом из-за того, кто более других окажется способен угодить василисе бесчеловечностью приговора. Имущество пострадавшего она немедленно отписывала в казну, а его самого, подвергнув мукам, даже если он был древнего рода, она, не колеблясь, наказывала изгнанием или смертью. Но если кто-либо из тех, к кому она благоволила, оказывался уличенным в незаконных убийствах или каком-либо ином тяжком преступлении, она, понося обвинителей и насмехаясь над их рвением, вынуждала их против воли хранить молчание о происшедшем».

Бывшая актриса, она любила придавать и дворцовой жизни подобие спектакля, в котором сама всегда играла главную роль.

Прокопий Кесарийский: «Когда ей было угодно, она оказывалась способна и самые серьезные из дел превратить в шутовство, словно речь шла о сценическом представлении. Как-то некий патрикий, старый человек, долгое время находившийся на службе (имя которого, хотя мне оно хорошо известно, я ни в коем случае не упомяну, чтобы не увековечить нанесенное ему оскорбление), когда кто-то из ее приближенных одолжил у него крупную сумму денег, не имея возможности взыскать ее, явился к ней, чтобы изобличить перед ней заключившего сделку и просить ее помочь ему обрести справедливость. Заранее узнав об этом, Феодора приказала евнухам, чтобы, когда он предстанет перед ней, все они окружили его и слушали, что она будет изрекать, наставив их в том, что им следует повторять ей в ответ. Когда патрикий явился в гинекей, он, как полагалось, пал перед ней ниц и со слезами на лице сказал: “О владычица, тяжело мужу-патрикию испытывать нужду в деньгах. То, что к другим вызывает сочувствие и жалость, оборачивается оскорблением для человека этого сана. У любого другого, попавшего в крайнюю нужду, есть возможность сказать об этом своим заимодавцам и таким образом тотчас избавиться от хлопот, но муж-патрикий, не имеющий возможности уплатить своим заимодавцам долг, по большей части постыдится сказать об этом, а если скажет, то ему никогда не поверят, поскольку бедность не сочетается с этим сословием. А если ему и удастся убедить, ему придется претерпеть самые постыдные и мучительные страдания. Итак, о владычица, и у меня есть денежные дела с людьми, одни из которых ссудили мне из своих средств, другие же взяли в долг у меня. Заимодавцев, которые непрерывно преследуют меня, я не могу прогнать из-за стыда перед своим саном; должники же, которым случай не выпал оказаться патрикиями, прибегают к бесчеловечным отговоркам. Припадаю к тебе, молю и прошу помочь мне обрести справедливость и избавить меня от моих теперешних бед”. Так он сказал. Женщина же нараспев ответила: “О патрикий такой-то!” А хор евнухов подхватил ей в ответ: “Ну и большая же у тебя грызжа”. И вновь этот человек стал умолять и произнес речь, подобную той, что сказал раньше, и вновь женщина ответила так же, а хор откликнулся на ее слова, пока этот несчастный, отчаявшись, не пал перед ней ниц, как полагается, и, удалившись, не отправился восвояси».

Впрочем, так круга Феодора была лишь с патрикиями, с теми, кто никогда не ведал настоящей нужды.

Иоанн Малала: «В то же самое время благочестивая Феодора после других своих добрых дел сделала следующее. Так называемые содержатели притонов инырjali вокруг, высматривая повсюду бедняков, имеющих дочерей, и, дав им обещания и немного номисм, они забирали тех девиц якобы на воспитание. Сами же выставляли их публично, пользуясь их несчастьем и получая низкую выгоду от продажи их тел. И вынуждали их выставлять себя. Таких содержателей притонов василиса повелела разыскать со всей тщательностью. И когда они были приведены вместе с девицами, она приказала каждому рассказать о клятве, данной их родителям. Те сказали, что дали по пять номисм за каждую девицу. После того как сказанное было подтверждено клятвой, благочестивая василиса, дав деньги, освободила девиц от ярма горького рабства, повелев, чтобы не было содержателей

притонов, а девиц, одарив одеждой и дав по номисме, отпустила».

Известно, что она основала монастырь для публичных женщин, решивших оставить свое ремесло. Впрочем, не всегда они попадали в это заведение добровольно, есть сведения, что устав там был настолько суров, что некоторые грешницы бросались со скалы в море, не желая себе такой «добродетельной» жизни. Нетерпима Феодора была и к гомосексуалистам и сурово их преследовала. Наказанием за мужеложство служило публичное оскотление.

Прокопий Кесарийский: *«Прогневалась она на некоего Васиана, принадлежавшего к прасинам молодого человека знатного рода, по той причине, что он ее ругательски ругал. Поэтому Васиан (ибо до него дошел слух о ее гневе) бежал в храм Архангела. Она тотчас направила к нему стоящего над народом архонта, повелев предъявлять ему обвинение не в том, что он бранил ее, но приписать ему мужеложество. Архонт извлек его из храма и подверг невыразимо мучительному наказанию. И весь народ, видя, какие несчастья выпали на долю человека благородного и искони воспитанного в неге, тотчас преисполнился сострадания к нему и с плачем принялся кричать до небес, прося пощадить юношу. Та же подвергла его еще более тяжкому наказанию, отсекала ему срамные места и погубила его, не имея против него никаких улик, а имущество отписала в казну. Таким образом, когда эту бабу охватывал гнев, безопасности не давал ни храм, ни запрет со стороны закона; мольбы целого города оказывались бесполезны, чтобы спасти попавшего в несчастье, и ничто другое не могло оказаться препятствием на ее пути».*

Но даже самые злоязычные биографы Феодоры не решались усомниться в ее любви к мужу и его ответном чувстве к ней. Юстиниан был «слишком добродушен», Феодора – «сурова и крайне высокомерна», но были у них общими корыстолюбие, кровожадность, отсутствие всякой искренности и умение виртуозно лгать. Когда однажды ее заподозрили в чрезмерном пристрастии к молодому и очень красивому рабу, она, без всякой его вины, а лишь для того, чтобы развеять все подозрения, приказала жестоко высечь его плетьюми и отправить вон из дворца.

Феодора была весьма религиозна и покровительствовала священникам-монофизитам: способствовала избранию патриархом Анфима, а после его низложения в 536 году укрывала его двенадцать лет в тайной келье своего дворца, где было устроено подобие монастыря. Ее биограф, епископ Иоанн Эфесский сообщает, что Феодора, втайне от Юстиниана, отправила миссионеров-монофизитов к племени нобадов в Нубию: *«Царица горела ревностью Божией, она приняла (его) с радостью и обещала, что будет сделано все, чтобы отвратить этот народ от заблуждения почитания идолов».*

Прокопий Кесарийский: *«...они в своей совместной жизни ничего не совершали друг без друга. Долгое время всем казалось, что они всегда совершенно противоположны друг другу и образом мыслей, и способом действий, но затем стало понятно, что они намеренно создавали такое представление о себе, чтобы подданные, составив о них единое мнение, не выступили против них, но чтобы представление о них у всех подданных разделилось».*

«У Юстиниана всякое дело шло легко не столько потому, что он был остер умом, сколько потому, что он, как было сказано, по большей части обходился без сна и являлся самым доступным человеком на свете. У людей, хотя бы и незнатных и совершенно безвестных, была полная возможность не только явиться к тиранну, но и иметь с ним тайную беседу. Попасть же к василисе было невозможно даже кому-либо из архонтов, разве что он потратит на это массу времени и труда, но все они с рабским усердием постоянно пребывали в ожидании, все время находясь в узком и душном помещении. Ибо отсутствовать здесь для любого из них означало подвергнуть себя смертельной опасности. Все это время они стояли на цыпочках и каждый из всех сил старался держать голову выше, чем соседствующие, чтобы евнухи, выходя, могли его заметить. Приглашались же лишь некоторые из них, и то с трудом и по прошествии множества дней, а войдя к ней, они в великом страхе как можно скорее удалялись, лишь нав перед ней ниц и коснувшись краешком губ ступней обеих ее ног. Говорить с ней или просить ее, если она сама не

повелевала этого, было недопустимо. Государство погрязло в рабологии, получив в ее лице надсмотрщика рабов».

И если василевс возлагал на кого-нибудь какое-либо поручение помимо ее воли, дела у этого человека принимали такой оборот, что вскоре он с великим срамом отрешался от должности и погибал самой позорной смертью.

«...Сенат сидел, словно изображение на картине, не являясь господином своих решений и не обладая влиянием для доброго дела, но собирался лишь для вида, ради соблюдения древнего закона, поскольку никому из собравшихся здесь вообще не позволялось подавать голос, василевс же и его супруга обычно делали вид, будто они разошлись во мнениях, хотя все у них между собой было уже решено. Если кому-нибудь казалось небезопасным то, что он выиграл тяжбу незаконным образом, он, дав этому василевсу еще сколько-то золота, немедленно добивался того, что издавался закон, идущий вразрез со всем тем, что было установлено ранее. Но если кто-нибудь другой просил восстановить этот упраздненный закон, то автократор отнюдь не считал недостойным вернуться к нему и восстановить его. Никакого постоянства власти не существовало, но весы правосудия колебались из стороны в сторону, склоняясь туда, куда влекла их большая тяжесть золота».

Внебрачные дети

Детей у Феодоры и Юстиниана не было, но есть сведения о двух внебрачных детях Феодоры, рожденных ею еще в бытность гетерой. Мальчик по имени Иоанн был воспитан в Аравии отцом. Когда взрослеющий Иоанн появился в Константинополе, чтобы вернуться к матери, та, испугавшись гнева Юстиниана, сделала так, что больше его никто не видел.

Прокопий Кесарийский: *«...совершив все полагающиеся обряды по умершему отцу, он какое-то время спустя явился в Византию и сообщил об этом деле тем, кто постоянно ведал доступом к его матери. И те, подумав, что она будет рассуждать так, как подобает человеческому существу, объявили матери, что прибыл ее сын Иоанн. Женица, испугавшись, как бы эти слова не дошли до ее мужа, повелела привести мальчика к ней. Когда он явился и она увидела его, она вверила его одному из своих прислужников, которому обычно поручала подобные дела. И каким образом этот несчастный исчез из числа людей, я не могу сказать; до сих пор его никому не удалось увидеть, даже и после того, как василиса умерла».*

Насколько правдив этот ужасный рассказ, судить трудно. Зато точно известно, что дочь Феодоры – также внебрачная – жила при дворе в Константинополе, не подвергаясь никаким опасностям. И даже Прокопий Кесарийский, ненавидевший Феодору, подтверждает этот факт: своего внука Феодора женила на дочери Антонины – своей заклятой подруги. Впрочем, почти сразу после смерти императрицы та развела молодых супругов и выдала дочь замуж за другого.

Надо признать, что главный биограф Феодоры – Прокопий Кесарийский – чрезвычайно ее ненавидел. Он приписывал этой незаурядной женщине всевозможные злодеяния и даже обвинял ее в гибели дочери вестготского короля Теодориха – Амаласунты.

Амаласунта была дочерью остготского короля Теодориха Великого и Аудофледы, сестры знаменитого Хлодвига I, короля франков. Судьба этой женщины – умной, красивой, образованной, талантливой – сложилась крайне несчастливо. Она покровительствовала наукам, пыталась возродить римскую славу, возвратила детям казненного ее отцом философа Боэция конфискованные имения. В числе ее первых советников был Марк Аврелий Кассиодор – выдающийся римский писатель, ученый и государственный деятель. Но несмотря на все ее таланты, готская знать неохотно сносила власть женщины. Осуждались ее союзнические отношения с императором Юстинианом. Единственный сын и наследник Амаласунты, которому она старалась дать классическое образование, по настоянию готской знати был окружен молодыми готами – «золотой молодежью» того времени. Попав под их

влияние, он спился и умер всего лишь восемнадцати лет отроду.

Лишившись наследника, Амаласунта предложила стать королем своему двоюродному брату, Теодахаду из Тусции. Едва лишь он был коронован, как немедленно приказал арестовать свою благодетельницу и заточить ее на уединенном острове озера Больсена. Оттуда свергнутая королева написала императору Юстиниану, прося его об убежище. Василевс дал свое согласие. Но Прокопий Кесарийский утверждает, что Феодора была против этого: мол, василиса встревожилась, узнав, что красивая и очень умная женщина просит приюта в Константинополе. Ревнуя мужа, она дала строгий наказ послам всячески препятствовать отъезду Амаласунты. В результате этого промедления дочь короля была убита своей сестрой: ее заперли в горячей бане и умили горячим паром и угарным газом.

Смерть Феодоры

Иоанн Малала:

«В июле месяце того же индикта был такой страшный гром и молнии, что от них пострадали люди, которые в это время спали. Откололась тогда и часть колонны в Ксиролофе.

28-го числа того же месяца десятого индикта скончалась августейшая Феодора».

Феодора умерла в 548 году после продолжительной болезни, как полагают, от рака. Она была похоронена со всеми императорскими почестями в церкви Двенадцати апостолов в Константинополе. Юстиниан после смерти жены более не женился. Давая торжественные обещания, он клялся ее именем, которое он увековечил в названиях многих городов Византии. Сразу после смерти василиса была объявлена святой – блаженной и донныне почитается в православной церкви. Однако надо признать, что нет никаких точных данных, что она действительно была православной: блаженная василиса, скорее, принадлежала к монофизитам.

До нас дошли аутентичные прижизненные изображения Феодоры и Юстиниана, выполненные талантливыми мастерами. Они очень точно передают облик этой четы. Наиболее знаменита мозаика в баптистерии Сан-Витале в Равенне. Императрица с супругом изображена на двух панно, в тот момент, когда они подносят дары храму. Оба – в парадных уборах, окружены царедворцами. Их головы окружают нимбы.

Глава 5 Италия, Возрождение

Треченто. Чума

Чума пришла с Востока. Никто не знает точно, что послужило началом страшнейшей пандемии смертельной болезни: то ли пятый крестовый поход, то ли война генуэзцев с золотоордынским ханом Джанибеком, то ли пристрастие галантных дам и кавалеров к восточным шелкам, поставлявшимся из зачумленных районов Китая. Так или иначе, на Европу обрушилась страшная беда. *«Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума...»* – именно так начинается «Декамерон» Джованни Боккаччо: *«... в начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или под мышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока или яйца, одни более, другие менее; ...в короткое время эта смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела безразлично и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась вначале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковым были пятна, у кого они*

выступали. Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства... только немногие выздоравливали и почти все умирали на третий день после появления указанных признаков...

...не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотрагивавшемуся».

Свиристествовала болезнь несколько лет (1346–1351), буквально опустошая целые области. Люди жили, зная, что каждый день может стать для них последним. Одни полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств помогут им в борьбе со злом. Они старались уединиться или собирались небольшими кружками, предаваясь постам и молитвам. Другие – напротив – ловили каждый миг ускользающей жизни. Те, кому позволяли средства, употребляли изысканную пищу и лучшие вина, проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе доставить. Не вынося уединения, они утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять, по возможности, всякое желание, смеяться и издеваться над всем, что приключается – вот вернейшее лекарство против недуга. Они кочевали из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, порой устраивая пирушки даже в выморочных или брошенных домах. Таких домов было очень много: люди бежали из городов, бросая имущество «точно им больше не жить». Большая часть домов стала общим достоянием, и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался бы хозяин. «Всякому позволено было делать все, что заблагорассудится», – грустно заключает Боккаччо.

Именно тогда, в середине треченто, окончательно сформировалось мировоззрение Итальянского Ренессанса: безудержный гедонизм, стремление наслаждаться сегодняшним днем, не беспокоясь о дне завтрашнем, который мог и не наступить. Здесь и далее будут употребляться термины «треченто», «кватроченто», «чинквеченто» – принятые в истории итальянские наименования четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого веков. Да, именно так: треченто – это четырнадцатый век, а не тринадцатый, так как название переводится с итальянского как «трехсотые годы»; соответственно кватроченто – это «четырёхсотые годы», а «чинквеченто» – пятисотые, т. е. шестнадцатый век.

Разгул страстей не минул ни светских лиц, ни духовных. Тысячи монахов и монахинь жили вне монастырских стен. Священнослужители занимались прибыльным бизнесом, содержа мясные лавки, хоть им была положена постная пища. Порой было и того хуже: они выступали сутенерами или содержали кабаки и игорные дома. Неоднократно издавались указы, запрещающие священникам «ради денег делаться сводниками проституток», но все напрасно: уж больно велик был доход, получаемый от домов терпимости.

Историк Корнелий Агриппа сообщает, что ежегодный доход от лупанариев (публичных домов) приносил папе двадцать тысяч дукатов. «Прелаты апостольской курии, – говорит он, – также имели некоторые права на часть доходов в этих домах. Дело это считалось настолько обыденным, что мне часто приходилось слышать, как епископы, подсчитывая доходы, говорили: «Два бенефиция дают мне три тысячи дукатов в год, один приход приносит пятсот, монастырь – триста, а пять шлюх в лупанариях папы мне приносят двести пятьдесят».

Порой и женские монастыри превращались в публичные дома, писатели того времени открыто говорят об этом. Монахини принимали клиентов и предавались оргиям, а потом в сточных канавах находили младенческие скелеты.

Когда вместе с войском французского короля Карла VIII в конце кватроченто – XV века так называемая французская болезнь, раньше вспыхивавшая в Италии эпизодически, начала распространяться в ужасающей степени, жертвами ее пали не только многие светские, но и высокопоставленные духовные лица. По католическому обычаю, больные посвящали святым гипсовые или восковые слепки недужных органов. Эпидемия распространилась столь широко, что статуи Девы Марии были буквально окружены и

обвешаны слепками половых членов.

Таллеман де Рео: «...лекарь 2-на де Креки прибыл в составе его посольства в Рим. Кто-то в Ватикане спросил этого лекаря, где папская кухня, на что он ответил со смехом: “В Чистилище”. Его чуть было не привлекли к суду инквизиции, но, узнав, у кого он служит, не посмели».

Искусство и литература начинающегося Возрождения, забыв про средневековую скромность и романтизм, обратилась к теме наслаждений плоти. Разнообразные игривые новеллы, подчас граничащие с самой настоящей порнографией, были очень популярны. Особенно прославился **Антонио Беккаделли** (1394–1471), по прозвищу Панормита, что означает уроженец Палермо. Он состоял на службе неаполитанского короля Альфонса Арагонского Великодушного, занятого борьбой со своей мачехой, злой королевой Джоанной. Его перу принадлежат и серьезные труды: «О речениях и деяниях короля Альфонса Арагонского», собрание «Дружеских писем», но своей огромной известностью он обязан в первую очередь скандальному сборнику эпиграмм, названному «Гермафродит». Он был написан автором еще в юности в Сиене. Панормита подражал римлянину Марциалу, но превзошел его по части эротики. Критики единодушно сходятся в том, что «Гермафродит» произведение малопрстойное. Сборник был с восторгом принят гуманистами и встретил ожесточенные нападки со стороны проповедников, сжигавших по всей Италии изображения его автора. Книга эта была посвящена Козимо Медичи и сразу стала очень популярной по всей Италии. Когда в Вероне какой-то самозванец выдал себя за автора «Гермафродита», в его честь городские власти даже устроили праздник.

Инквизиция

Католическая церковь утратила авторитет, в Европе плодились ереси, которые угрожали могуществу Римского престола. В XII – начале XIII веков на юге Франции и на севере Италии распространилась ересь катаров, которые сразу поставили себя в оппозицию Риму утверждением, что Церковь должна жить в бедности, а не в роскоши. На этом основании они часто грабили монастыри и аббатства, что, без сомнения, не могло не вызвать негодования католических епископов. Для борьбы с еретиками в 1215 году был создан особый церковный суд под названием «Инквизиция». Его главой был назначен испанец Доминик де Гусман, в будущем объявленный святым. В 1222 году папа Григорий IX отправил в Южную Францию первые отряды инквизиторов, которым предоставлялась власть самостоятельно расследовать деятельность тамошних еретиков, конфисковывать их имущество, а их самих сжигать.

Постепенно перечень задач Инквизиции расширялся: с конца XV века в ее компетенцию начинают входить суды над ведьмами. Процессы над колдунами имели место еще во времена Меровингов: Григорий Турский, рассказывая о событиях конца VI века, описывает сожжение сначала одной колдуньи, якобы вызвавшей смерть двух королевских сыновей, а через три года, когда умер и третий сын короля, на костер было отправлено сразу несколько женщин. Но этим дело и ограничилось.

В IX веке разразился еще один громкий процесс: старшие сыновья короля Людовика Благочестивого обвинили в колдовстве его вторую жену – красавицу Юдифь. Ее подруга и доверенное лицо Герберга была обвинена в малефиции и венефиции, т. е. в учинении ущерба и яда, и была брошена в реку Саону. Саму красавицу-королеву несколько лет продержали в заключении в монастыре, но в конце концов она сумела оправдаться и добиться королевских привилегий и земельных наделов для своих детей.

В X и XI веках тоже периодически случались процессы над колдунами и ведьмами. Священники, возделевшие красивых женщин, обвиняли тех в колдовстве и бедняжек сбрасывали с городских стен, вешали, жгли или топили, часто даже не по официальному приговору, а по самосуду толпы. Так в 1090 году во Фрейзинге, из-за конфликта с

епископом, суд некоторое время совершенно бездействовал, и заподозренные в колдовстве три женщины были подвергнуты толпой испытанию водой. Испытание не дало положительных результатов и женщин подвергли испытанию плетьюми. Под пыткой все трое отрицали свою вину, но слухи о коварстве преступниц взбудоражили жителей не только Фрейзинга, но его окрестностей, женщины вторично подверглись наказанию плетьюми, и в конце концов их живьем сожгли на берегу реки Изара.

Все это были отдельные эпизоды, и число казнимых не превышало нескольких человек, массовый характер процессы над ведьмами приобрели не во времена «мрачного Средневековья», а в период Ренессанса, в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Этому способствовали буллы римских пап Иоанна XXII и Иннокентия VIII. Последний был известен своими гомосексуальными наклонностями, что не мешало ему иметь шестнадцать незаконнорожденных детей. Тяжело заболев и желая продлить свое земное существование, он согласился на «переливание крови». Об этом рассказывает Стефано Инфессура (1435–1500) – итальянский гуманист, историк и юрист, знаменитый своими «Римскими дневниками», в которых он приводит неофициальную историю Рима и папства. Будто бы, по рекомендации какого-то еврейского врача, папа выпил кровь трех мальчиков, едва достигших десяти лет. Каждому из них пообещали по дукату, но все трое умерли от кровопотери. Папу их кровь также не спасла.

Этот папа издал в 1484 году знаменитую буллу против ведьм, в которой прямо запретил светским и местным церковным властям чинить какие-либо препятствия инквизиторам, грозя за это отлучением и другими карами. И видимо, это было более чем актуально: местные власти приходили в ужас от свирепства папских следователей, буквально опустошавших их земли, и пытались умерить их рвение. Некий епископ сокрушался, что во вверенных ему деревнях выжило всего две женщины.

Булла Иннокентия VII: *«...Не без мучительной боли недавно мы узнали, что в некоторых частях Германии...очень многие лица обоего пола, пренебрегли собственным спасением и, отворотившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания, что они нещадно мучают как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин и домашних животных, что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачинать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг, что, сверх того, они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при святом крещении, и что они, по наущению врага рода человеческого, дерзают совершать и еще бесчисленное множество всякого рода несказанных злодейств и преступлений, к гибели своих душ, к оскорблению божеского величия и к соблазну для многого множества людей.*

...мы нашей апостольской властью постановляем: да не чинится никакой помехи... инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления...

...тех же, кои будут чинить препятствия, какого бы положения эти лица ни были, епископ должен без всякого прекословия карать отлучением, запрещением в священнослужении, лишением таинств и другими еще более ужасными наказаниями, а если потребуется, то и привлекать к содействию против них руку светской власти...»

Три года спустя, в 1487 году, увидело свет страшное руководство для инквизиторов, оставленное членами ордена доминиканцев, профессорами богословия Яковом Шпренгером и Генрихом Инститориусом – «Молот ведьм» (1487 г.). На взгляд современного читателя, это собрание самых диких суеверий, откровенной чуши и всевозможных непристойностей,

которое выглядело бы смехотворным, если бы не третья часть, в которой описывается ход дознания.

Цитата из «Молота ведьм»: *«В городе Равенсбурге один юноша был привязан к девушке, но когда захотел бросить ее, то чародейственным образом потерял мужской член, так что не мог видеть его и чувствовал лишь гладкое тело. Он опечалился. Однажды он пошел в погребок купить вина; пока он там сидел, пришла туда одна женщина, которой он подробно рассказал причину своего горя и показал ей, что стало с его телом. Эта хитрая женщина спросила, не подозревает ли он кого-либо. Он назвал и рассказал всю историю. Тогда женщина сказала: “Необходимо, чтобы ты силою, так как любезность не поможет, принудил ее вернуть тебе здоровье”. Юноша темной ночью стал выжидать ведьму на дороге, по которой та обычно проходила; когда он увидел ее, то стал просить вернуть ему здоровье; та ответила, что она не повинна и ничего не знает; тогда он набросился на нее и стал душить полотенцем, крича: “Если ты не вернешь мне здоровья, то умрешь от моей руки”. Так как лицо ее уже распухло и посинело, то она сказала: “Хорошо, отпусти меня и я тебя вылечу”. Когда юноша ослабил узел петли, ведьма коснулась рукой до его бедер у лобка и проговорила: “Теперь имеешь, чего хотел”. Юноша, как он рассказывал потом, прежде чем убедиться глазами и осязанием, явственно почувствовал, что одним прикосновением ведьмы член его был восстановлен. Подобное же рассказывал один уважаемый священник, честной жизни и известный в ордена своими познаниями, из Шпейерского монастыря. “Однажды, – говорил он, – когда я принимал исповедь, пришел юноша и во время исповеди горько жаловался, что он потерял половой член. Удивившись, я не хотел верить его словам; “Тот легок сердцем, кто легко верит”, – говорит премудрый. Но я убедился своими глазами, когда юноша, сняв платье, показал то место, и я ничего не увидел. Будучи совершенно в здравом уме, я спросил: не подозревает ли он кого-нибудь, кто его так околдовал; юноша ответил, что подозревает, но что ее здесь нет, – она живет в Вормсе; “Тогда я тебе советую: немедленно иди к ней и постарайся, насколько возможно, обещаниями и ласковыми словами умилоствовать ее”. Он так и сделал. Через несколько дней он вернулся и благодарил меня, рассказав, что он здоров и все получил обратно; я поверил его словам, но снова так же проверил и своими глазами”».*

Подсчитано, что за 150 лет (до 1598 г.) в Испании, Италии и Германии было сожжено 30 тысяч ведьм. Инквизиция заговорила о слетающихся из разных концов Европы стаях ведьм, устраивающих шабаши, и для уловления этих преступников наладила целую сеть инквизиционных трибуналов. В изобилии выходили книги о колдовстве и магии, ученые мужи рассуждали о том, может ли дьявол оплодотворить женщину, теряет ли при этом девушка девственность, может ли колдун лишить мужчину полового члена и о прочих «важных» вопросах. Во множестве трудов разбирались и то, что же происходит на шабашах. Считалось, что шабаши устраивались обычно на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или заброшенного монастыря. Чтобы попасть на шабаш, ведьмы пользуются специальной мазью, приготовленной из печени некрещеных младенцев. Ведьма мажет тело этой мазью, садится верхом на помело, произносит заклинание и тут же взлетает в воздух. Ей не страшны ни буря, ни дождь, ни замки на дверях.

Дьявол представлялся хвостатым, с козлиными ногами и крыльями как у летучей мыши. Ему отвешивали поклоны, повернувшись спиной отрекались от Бога, Богородицы, святых и посвящали себя дьяволу. Ведьмы и колдуны, имея в руках факелы, бешено танцевали, в полночь начиналось пиршество, на котором пожирались жабы, пауки и внутренности детей, умерших некрещеными. Пиршество сопровождалось оргией, за которой следовала черная обедня. Облаченный в черную ризу дьявол злобно издевался над христианской службой и предлагал для поклонения огромную красную морковь. Первые лучи света разгоняли ведьм, и они разлетались, точно стая ворон. По пути они выбрасывали свои мази и яды на жатву и тем самым ее губили. Дьявол вручал ведьмам магический порошок, изготовленный из толченых костей мертвецов с пеной жаб.

С его помощью ведьмы губили поля, отравляли пищу и убивали людей. Кроме того, у ведьмы имелась магическая палочка, которой она если ударяла по луже, то вызывала проливные дожди и грозный град, переносила плодородие с поля одного крестьянина на поле его соседа и т. д. Не вредить людям ведьма не могла: дьявол не разрешал. Если она пыталась послушаться, он бил и терзал ее, вселялся в нее и делал ее одержимой.

Богослов Варфоломей де Спино писал: *«Бесчисленное множество инквизиционных процессов и наказаний ведьм доказывает, что ведовство и колдовство действительно существуют: в противном случае инквизиторы, приговаривавшие ведьм к смерти, были бы несправедливыми судьями. Так как церковь не только знает и принимает к сведению эти приговоры, но также санкционирует и одобряет их – следовательно, эти вещи действительно и истинны. Ведь каждому ясно, что почти весь земной шар полон дьявольских преступлений. Многочисленные процессы доказали, что происходят полеты по воздуху, ежедневный опыт учит, что дьяволы принимают образы разных животных. Сожительство дьявола с человеком уже доказано и не требует дальнейших доводов. На сходках ведьм жарятся и пожираются быки и другие животные, никто этого отрицать уже не может. Ни один здравомыслящий человек не может отрицать того, что ведьмы убивают малых детей, родители должны поэтому зорко следить, чтобы подозрительные субъекты не целовали их детей... И как можно сомневаться в реальности всего этого, когда в одном лишь округе инквизитора Бернарда Комо ежегодно берется в плен свыше 1000 ведьм, из коих свыше сотни сжигается?!»*

Римский папа – один или трое?

Увы, в те годы даже страх перед кострами не мог препятствовать падению нравов. Католическую церковь поразил очередной раскол – по-древнегречески «схизма». [7]

Церковные расколы случались и раньше. В 325 году на 1-м Никейском вселенском соборе осуждено было арианство – еретическое учение александрийского священника Ария, в 451 году Халкидонским собором – учение монофизитов.

В V веке тридцать пять лет длилась Акакианская схизма – церковный раскол между Востоком и Западом, названный по имени константинопольского патриарха Акакия. К IX веку относится так называемая «Фотианская схизма», когда от церкви был отлучен патриарх Фотий. В 1054 году римский легат Гумберта и патриарх константинопольский Кируларий взаимно предали друг друга анафеме, положив начало разделению Христианской церкви на Католическую и Православную. 1378 год – началась Великая схизма Запада, когда на папский престол были выбраны двое пап.

Предшествовало расколу так называемое «Авиньонское пленение пап», когда в течение почти семидесяти лет французский король насильно удерживал понтификов в своих владениях, объявив Авиньон официальной папской резиденцией. Петрарка назвал образ жизни авиньонского двора «вавилонским пленом», подразумевая невиданную роскошь и утрату Святым престолом духовных традиций.

Лишь в 1377 Григорий XI вернулся в Рим; на этом закончилось «пленение пап», но не история папства в Авиньоне. После смерти Григория XI в 1378 году сначала два, а позднее – три претендента объявили себя папами. Каждый из них называл «истинным папой» себя, а конкурентов клеймил как еретиков и антихристов.

Причиной раскола стал отвратительный характер новоизбранного папы Урбана VI: он был столь гневлив, неуживчив и капризен, что значительная часть кардиналов объявила его сумасшедшим и низложенным с папского престола. Они избрали альтернативного папу – Климента VII (в миру – Роберт, граф Женевский). Урбан остался в Риме, Климент стал править из Авиньона, который выкупил за ничтожную сумму у неаполитанской королевы Джоанны. Фактической ценой было признание этой недоброй и немудрой королевы невиновной в убийстве мужа – Андрея Венгерского.

Королева Неаполя Джованна Первая (правила в 1343–1382 гг.)

Эта правительница была наследницей двух древних династий – Анжуйской и Дураццо. Столь неблагозвучное для русского слуха название происходит от римского города Дуррес, который известен также под греческим названием Диррахий и итальянским Дураццо, расположенного на территории современной Албании примерно в тридцати километрах западнее Тираны.

Дед Джованны, король Неаполитанский Роберт, прозванный Мудрым, умер в середине треченто. Это был достойный монарх, покровительствовавший Джотто, Боккаччо и Петрарке. Однако была у него слабость: остров Сицилия, который он долго и безуспешно пытался завоевать.

Роберт пережил своего единственного сына, не оставившего наследника мужского пола. Король был стар, немощен и во многом утратил реальную власть. Вдовы его братьев Екатерина де Куртене и Агнесса де Перигор со своими фаворитами разоряли страну бесконечными увеселениями, требовавшими немало денег. К тому же от их безудержного темперамента страдала и репутация Неаполитанского двора, напоминавшего публичный дом.

Старый Роберт принял решение выдать свою внучку Джованну замуж, выбрав ей в мужа младшего сына венгерского короля – Андрея. На тот момент и жениху, и невесте было по семь лет. Их торжественно обручили в 1333 году, а обвенчали – в 1343-м. Роберт предполагал, что Джованна с супругом будут совместно коронованы и станут вместе править, но Джованна была иного мнения!

Андрей ей совсем не понравился, она посчитала мужа диким и невежественным и вовсе не хотела делить с ним власть. В августе 1344 года с согласия авиньонского папы Климента VI, номинального сюзерена Неаполя, Джованна I была коронована одна, без супруга.

Вскоре она совершила свое первое убийство, отравив Агнессу де Перигор. Вместе с Екатериной де Куртене они поставили хворавшей тетушке клизму с ядом. Агнесса скончалась в страшных мучениях; все время пока она корчилась и звала на помощь, Джованна и Екатерина насильно удерживали ее в постели, не выпуская из комнаты.

Напуганный Андрей написал своей матери, вдовствующей венгерской королеве Елизавете, сообщив о своем намерении бежать из Неаполя. Елизавета, не желая терять Неаполитанскую корону, отправилась к папе Клименту и уговорила его короновать ее сына. Потом она навестила Неаполь, сделав там богатые подарки дворянам, а сыну вручила кольцо, обладатель которого, как считалось, не может погибнуть от холодного оружия или яда. Недовольная всем этим Джованна решила устранить будущего супруга. Но как? Она была суеверна и верила в мощь амулета, поэтому кинжал или отравка исключались.

В заговоре участвовал ее любовник, сын уже покойной Екатерины де Куртене Людовик Тарентский (1308–1362) и Карл Дураццо (1323–1348), муж младшей сестры королевы. Сентябрьской ночью 1348 года они подкараулили Андрея у дверей его супружеской спальни; подкупленный слуга быстро запер дверь, чтобы принц не мог скрыться в комнате. Джованна в это время лежала в постели и не сделала ни малейшей попытки помочь мужу, который пытался защищаться и звал на помощь. После довольно долгой борьбы убийцы повалили его на пол и задушили шелковым шнурком, так как тоже верили в силу «охранного» кольца. Потом тело выбросили из окна, во дворе его увидели стражники и слуги, и весть быстро разнеслась по городу. Толпы жителей Неаполя окружили дворец с криками: «Смерть изменникам и королеве-блуднице». Джованна спаслась, выдав второстепенных участников убийства. Уже после смерти Андрея Джованна родила от него сына, увезенного родственниками в Венгрию и там умершего в раннем детстве.

Николо Макиавелли: *«...скончался Роберт, король Неаполитанский, оставив в качестве наследниц только двух внучек, дочерей своего сына Карла, умершего уже задолго до того. Перед смертью он распорядился, что престол унаследует старшая внучка,*

Джованна, с тем чтобы она вышла замуж за его племянника, венгерского короля Андрея. С этим своим супругом Джованна прожила недолго ибо вскоре умертвила его и вышла за другого своего родича, князя Тарантского Людовика. Однако король Венгрии Людовик, брат Андрея, стремясь отомстить за смерть Андрея, поспешил с войском в Италию и изгнал из королевства Джованну и ее мужа».

Джованна вскоре вышла замуж за Людовика Тарентского, одного из убийц ее первого мужа. Людовик был коронован и стал королем Неаполя. Венгерский король Лайош I, брат Андрея, вторгся в Неаполь, желая отомстить за смерть брата. Он захватил в плен Карла Дураццо, предал его суду, признал виновным в убийстве Андрея и казнил его. Джованна также была объявлена соучастницей, но заочно, так как она вместе с мужем бежала в Прованс. Дальнейшим планам Лайоша помешала начавшаяся именно в этом году – 1348-м – страшная эпидемия чумы.

Оба монарха согласились на беспристрастное расследование под контролем папы Климента. Джованна I могла сохранить свой трон только при условии невиновности в смерти мужа, в противном случае Неаполь должен был перейти под власть Лайоша I. Вердикт папы был неожиданным: Джованну признали участницей убийства, но не виновной, поскольку она действовала по наущению дьявола. Убийцей Андрея был назван уже казненный Лайошем I Карл Дураццо. Лайош вернулся во Францию, признав Джованну королевой Неаполя. Вскоре стала ясна причина столь мягкого приговора: Климент выкупил у Джованны за 30 тысяч флоринов Авиньон, место своей постоянной резиденции. А Лайош Венгерский получил от неаполитанской королевы 300 тысяч флоринов в качестве откупа. Чтобы уплатить ему эти деньги, Джованна даже была вынуждена заложить свою королевскую корону.

Авторитет королевы был совершенно подорван, в разоренной стране одно за другим следовали восстания; бароны отказывались подчиняться верховной власти, а во дворце на берегу Неаполитанского залива по-прежнему царили разврат, разгул, постоянно звучала музыка, и лилось рекой вино, «нередко густо подмешанное кровью».

В 1362 году умер второй муж королевы, а уже в следующем году она вышла за молодого и замечательно красивого, но совершенно нищего Джакомо Арагонского, который уже через несколько дней после брака сбежал прочь из Неаполя. За ним выслали погоню, он был пойман, возвращен, снова бежал и вел бродячую жизнь, пока не умер в 1375 году в нищете и безвестности. Брантом передает сплетню, согласно которой бедняга был убит своей брошенной супругой.

В 1376 году уже стареющая Джованна в четвертый раз вышла замуж за рослого и здорового немецкого феодала Оттона Брауншвейгского. Так как старость была уже не за горами, а выживших детей у Джованны не было, она усыновила своего родственника – Людовика Анжуйского.

И снова разгорелась междоусобная война! Карл Малый, герцог Дураццо, внук отравленной Агнессы де Перигор, в 1382 году штурмом взял Неаполь, а после долгой осады и королевский замок. Джованна вынуждена была сдать его. В ноябре 1381 года Карл III Малый был коронован как король Неаполя, а 22 мая 1382 года Джованна I была по его приказу задушена. Это убийство было объявлено отмщением за смерть Андрея Венгерского. Но мир в Неаполе так и не наступил: еще долгие годы Карл Дураццо был вынужден воевать с Людовиком Анжуйским.

Балтазар Косса

Среди пап и антипап встречались личности совершенно жуткие и одиозные. Один из них – папа Иоанн XXIII, второй папа, избранный в Пизе. Его мирское имя – Балтазар Косса. Он родился на острове Искья в Неаполитанском заливе, в семье, традиционно промышлявшей пиратством. Современный Балтазару историк Ватикана Дитрих фон Нихайм,

служивший в папской канцелярии, называет пиратом и самого Коссу, однако других подтверждений этому нет. Зато известно совершенно точно, что оба его старших брата были судимы за пиратство.

Примерно лет в девятнадцать Балтазар, по настоянию матери, поступил на богословский факультет университета в Болонье, а по окончании обучения оказался в числе приближенных папы Урбана. К тому времени параноя наместника св. Петра переросла уже в настоящее сумасшествие: боясь за свою власть, он обрушил на Италию волну репрессий, по подозрению в измене им были арестованы, преданы пыткам и казнены пятеро кардиналов! Известно, что Балтазар был участником этого процесса, некоторые историки приписывают ему самую мрачную роль – палача.

После смерти Урбана Балтазар стал пользоваться доверием нового папы – Бонифация IX, который возвел бывшего пирата сначала в архидиаконы собора Святого Евстафия в Ватикане, а затем, в феврале 1402 года, в кардиналы.

Биографы приписывают Балтазару Коссе самые невероятные грехи.

Дитрих фон Нихайм: *«Неслыханные, ни с чем не сравнимые “дела” творил Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых обращен был когда-то гнев Божий... Только в Болонье Коссе удалось совратить более 200 женщин. Он поехал туда по поручению папы для решения различных вопросов, касающихся церкви и политики, но не забыл при этом и своих любовных дел. Любовницами его были замужние женщины, вдовы, девушки и монашки, жившие в монастырях. Некоторые из них любили его и добровольно становились его любовницами, но некоторые были грубо изнасилованы прямо в монастырях».*

Позднее, в обвинительном заключении, составленном Констанцским собором, присутствовали следующие пункты: изнасилование трехсот монахинь; сексуальная связь с женой своего брата и монахами; растление целой семьи, состоявшей из матери, сына и трех сестер, причем самой старшей из них было всего двенадцать лет. Конечно, если бы все эти обвинения соответствовали истине, то оставалось бы только удивляться, как у Балтазара Коссы оставались время и силы на какие-то другие дела. А дел этих было много! Следующий папа Бонифаций IX решил использовать пиратские навыки Балтазара, поручив ему привести к покорности области, отпавшие от Ватикана. С задачей бывший пират справился блестяще, хотя и крайне жестоко: хронисты упоминают о пытках и казнях тысяч невинных людей. Болонья, Перуджа и Ассизи, формально вернувшиеся под управление Ватикана, фактически оказались в безраздельной власти папского легата кардинала Коссы. Это позволило ему сколотить огромное состояние, он не брезговал для этого ничем: позднейшие обвинения говорят о торговле епископскими кафедрами, индульгенциями и даже отлучениями.

С богатым и властным кардиналом вынужден был считаться и новый римский папа Иннокентий VII, сменивший умершего Бонифация IX. А вот пришедший за ним Григорий XII, хоть и был избран при деятельном участии Балтазара, решил поубавить прыть зарвавшегося пирата-кардинала; он лишил Коссу сана и прав легата, а затем и вовсе предал анафеме.

В ответ Косса предпринял контрмеры: он объявил себя правителем областей, где был легатом, и созвал дружественных ему кардиналов в Пизу, на церковный собор, целью которого было низложение обоих уже действующих пап – авиньонского и римского, и избрание вместо них нового. Не зная, чем кончится затея, он отвел свою кандидатуру и настоял на избрании кардинала Петра Филарга, славившегося праведной жизнью, под именем Александра V. Так в католическом мире стало сразу три папы, причем формально все трое были избраны законно, и естественно, что все они не преминули предать друг друга анафеме.

Александр V правил всего несколько месяцев, а затем внезапно умер. Само собой, преемником его стал Балтазар Косса, принявший имя Иоанн XXIII.

Леонардо Бруни из Ареццо, писатель, историк и секретарь Иоанна XXIII: *«Монсеньор*

Косса – человек, прекрасно разбирающийся в сиюминутных земных проблемах, но совершенно глухой к делам духовным».

Четыре года он правил подвластной ему частью католического мира, но, конечно, когда-нибудь все это не могло не кончиться. В мае 1415 года совет кардиналов сверг папу Иоанна XXIII и заключил его в крепость Хаузен неподалеку от Мангейма. Косса попытался бежать, но был схвачен и отправлен в Гейдельберг. Констанцкий собор предъявил бывшему папе обвинение из 74 пунктов, некоторые из которых даже не разглашались, настолько они были ужасны. В их числе было и отравление его предшественника – пизанского папы Александра V. Свергнутому антипапе грозила смертная казнь. Но одно лишь смущало его судей: Балтазар Косса не только был несметно богат, но и сумел припрятать денежки так, чтобы никто их не нашел. Схизма прекратилась в 1418 году, когда XVI Вселенский собор в Констанце официально низложил всех трех пап и избрал четвертого – Мартина V, который вернулся в Рим и стал наводить там относительный порядок. Конечно, не все его конкуренты с этим смирились: двор в Авиньоне существовал еще десяток лет, не признаваемый никем.

В январе 1418 новый легитимный папа Мартин V пожелал увидиться со злодеем Балтасаром Коссой. Посредником выступил именитый банкир – Джованни де Бичи, родоначальник династии Медичи, из бумаг которого следует, что за свободу Коссы было уплачено 35 тысяч гульденов. В июне 1419-го Косса прибыл во Флоренцию и склонился к ногам Мартина V, он принес покаяние и заверил нового наместника св. Петра, что добровольно отрекается от сана и просит о снисхождении. Мартин V милостиво вернул ему не только свободу, но и сан кардинала. Косса прожил еще несколько месяцев, умер во Флоренции и удостоился торжественных похорон. Над могилой возвели величественный саркофаг работы Донателло.

Стефано Инфессура: *«В лето господне 1420, 28 сентября, в субботу в Рим прибыл папа Мартин. Он прошел через Порта Пополо и всю ночь пробыл у Санта Мариа дель Пополо; в воскресенье утром он направился во дворец св. Петра под балдахином через квартал Колонна. От всех кварталов города выступили римские граждане; папе была оказана величайшая честь. Префекты, другие власти и много римских граждан в течение нескольких вечеров ходили по городу с зажженными факелами в руках и восклицали: «Да здравствует папа Мартин! Да здравствует папа Мартин!»*

По прибытии в город папа Мартин решил установить строгий порядок, так как Рим совершенно одичал и полон был разбойников. Главным образом он выступил против тех, кто грабил за стенами Рима, и против разбойников, грабивших бедных паломников, приходивших в Рим за отпущением грехов. Папа узнал, что разбои и грабежи происходили на Монте делла Гвардиа и в некоторых других местах. Его святейшество тотчас же принял меры».

Увы, Мартину лишь частично удалось восстановить авторитет папства. Преемники Мартина, последующие папы слишком часто вели себя так, что вызывали у христиан не уважение, а ненависть и презрение. За деньги они даровали прощение убийцам и ворам, руководствуясь правилом: «Господь не хочет смерти грешника, но хочет, дабы он жил и платил».

ТАКСЫ СВЯЩЕННОЙ АПОСТОЛИЧЕСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРИИ (выдержка)

Отпущение для священника, который сочетал браком родственников в недозволенной степени родства и отправлял богослужение в их присутствии: 7

Отпущение для того, кто тайно занимался ростовщичеством: 7

Отпущение для того, кто написал ложные свидетельские грамоты: 7

Отпущение для тех, которые были свидетелями в таких подложных грамотах: 7

Отпущение для того, кто в церкви познал (плотски) женщину и совершил другое

непотребство: 6

Отпущение для священника, который сочетал браком каких-либо лиц, не имевших разрешения своего приходского священника: 7

Отпущение для священника, который тайно сочетал браком каких-либо лиц и участвовал в тайных бракосочетаниях: 7

Отпущение для духовного лица, сожителем с женщиной незаконно: 7

Отпущение для мирянина по поводу того же: 7

Отпущение для мирянина, взявшего священные предметы из святого места: 7

Отпущение для того, кто плотски познал мать, сестру или другую кровную родственницу, или свойственницу, или крестную мать: 5

Суммы штрафов указаны в гроссах. Гросс – очень распространенная с XIII века в Европе серебряная монета среднего достоинства. В начале XIV века гросс равен был 1/10 золотого гульдена или дуката.

Пренебрегая обетом безбрачия, одни плодили незаконнорожденных отпрысков, другие предпочитали хорошеньких мальчиков. Имели незаконных детей папа Пий II, и папа Иннокентий VIII, и папа Юлий II, и папа Павел II. Папа Климент VII сам был незаконным сыном Джулиано Медичи.

Кардиналы открыто поддерживали отношения с куртизанками, соблазняли замужних женщин. Так, кардинал Алидозо, пользовавшийся особым благоволением папы Юлия II, похитил жену почтенного и родовитого флорентийца и увез ее в Болонью, где был тогда папским легатом. Кардинал Библиена, друг папы-гуманиста Льва X, имел постоянную любовницу. По распространенной версии, некоторые из куртизанок даже удостоивались чести быть изображенными на стенных росписях Ватикана. Так, Рафаэль, живописуя Парнас, оставил там портрет знаменитой гетеры по прозвищу Империя.

При Юлии II в Ватикане часто происходил бой быков. Папа Лев X был страстным охотником и очень любил маскарады, игры и придворных шутов. Бой быков и борьба обнаженных борцов нередко устраивались им во дворе Ватикана. Считалось вполне обычным, что папы, кардиналы и высшее духовенство принимали участие в этих увеселениях.

Кардинал Бернардо Довизи (1470–1520), более известный как **кардинал Библиена** (по названию города, в котором он родился), был автором не только многочисленных проповедей и духовных сочинений, но и написал весьма популярную комедию «Каландро». Он входил в число приближенных папы Льва X, в миру – Джованни Медичи, поддерживал его в 1494 году, когда Джованни был изгнан, затем добивался для него папского престола. В 1518 году он отправился послом во Францию и безмерно полюбил эту страну. Его чрезмерные восторги даже стали причиной охлаждения отношений между ним и папой Львом, патриотом Италии. В 1520 году, за год до папы, Библиена умер, скорее всего, от яда.

Библиена всегда покровительствовал художникам, особенно Рафаэлю, с которым был знаком с юношеских лет. Великий живописец создал для кардинала множество картин и эротические фрески его ванной комнаты в Ватикане: кардинал не был поборником целомудрия.

Премьера «Каландро» состоялась в 1507 году. Декорации к постановке писались Рафаэлем. Лев X стоял в дверях зала и благословлял зрителей, в числе которых были очень знатные особы.

Сюжет пьесы был достаточно фриволен: крестьянин Каландро (его образ заимствован у Боккаччо) пытается выследить свою неверную жену Фульвию и сам влюбляется в ее любовника Лидио, переодетого в женское платье.

Комедия сразу стала очень популярной, ей подражали такие признанные мастера, как Ариосто и Макиавелли, а спустя 200 лет Стефано Бенедетто Палавичини даже использовал ее в качестве либретто для своей оперы.

Но если Лев X был в целом любим народом и его развлечения носили хоть и фривольный, но безобидный характер, то были среди римских пап и те, которых ненавидели. Например, Сикст IV. После его смерти народ устроил настоящую расправу, сжег дворцы его племянников, не пощадив даже деревьев в великолепных садах. Толпа спалила замок, который первосвященник воздвиг для себя на деньги паломников, и разграбила склады с провиантом. В своей «Повести о горьком времени» Баттиста Мантовано пишет, что «продажность при нем превосходила всякое обыкновение, и предметом торговли стало все, начиная с кардинальского звания и кончая мельчайшими дозволениями».

Из дневников секретаря Сената Стефано Инфессуры – о папе Сиксте IV: *«Этот папа был врагом всех образованных и честных людей; по душе ему были только дурные. По этому поводу (то есть на смерть папы. – М.Б.) было составлено, неизвестно только кем, много стихотворений, вроде следующих: «Прелюбодеи, сводники, блудницы и доносчики, / Стекайтесь в Рим скорей, здесь вы будете богаты!» или: «Губитель города, небес позор, насильник / мальчиков, прелюбодей и вор!» или: «Радуйся, покойный Нерон, в злодействе / превзошел тебя Сикст, все преступления / и пороки заключал он в себе одном!».*

Были и другие стишки: *«Сикст, бесчестие, голод, разруху, расцвет лихоимства, кражи, грабежи – все, что только есть подлейшего на свете, Рим перенес под твоим правлением. Смерть, как признателен тебе должен быть Рим, хотя ты слишком поздно пришла. Наконец ты зарываешь все преступления в кровавую могилу Сикста».*

«Сикст, наконец ты труп, ты, презиравший благочестие и справедливость. Смертельный враг мира, тебя успокоила смерть. / Сикст, наконец ты труп, и Рим, страдавший при тебе от голода «всех бедствии, скорбен и войны, может ликовать. / Сикст, наконец ты труп, ты, воплощенный раздор нашего века. / Ты напал на самого бога, – иди теперь мутить ад. / Сикст, наконец ты труп, ты – мастер мошенничества, могущество которого выросло на вероломстве. / Сикст, наконец ты труп. Пусть все распутники, развратники, сводники, притоны и кабаки оденутся в траур. / Сикст, наконец ты труп и не сможешь больше марать своими злодеяниями папство. / Сикст, ты наконец труп. Римляне, раздерите его проклятое тело и бросьте его части ястребам».

«К чему эти торжественные похороны? Ведь дело идет о Сиксте, надо молиться преисподней. / Всю свою жизнь он смеялся над небом и, умирая, порочил и отрицал божество. / Ты умер, Сикст, да будет проклята твоя память богом и людьми. / Тебя надо было задушить еще во чреве матери».

Эти язвительные стишки назывались паскино, или паскинами (отсюда слово – пасквиль). Их наклеивали на мраморный цоколь античной статуи без рук и без ног, найденной у мастерской портного Паскино. Обломок был приставлен к стене мастерской, а после смерти этого портного перенесен к углу дворца Орсини. К тому времени статую тоже стали называть Паскино. Вскоре на мраморном постаменте стали появляться листки с политическими эпиграммами, главным образом против пап, получившие название «паскинад». Их авторы, за редким исключением, предпочитали оставаться анонимными. Впрочем, находились и те, что не скрывали свои имена, например – Пьетро Аретино.

Пьетро Аретино

Этот талантливый человек писал в самых разных жанрах: сочинял пьесы, драмы и даже философские труды, но тем не менее слава его была скандальной, а репутация ужасной. Причиной были его язвительные сонеты, в которых он не щадил даже самых знатных, даже римских пап. Своим злым языком он делал себе карьеру.

Аретино – это не фамилия, это прозвище по месту рождения, городку Ареццо. Пьетро был сыном сапожника и, судя по всему, внебрачным. Затем он учился в Перуджи, понабравшись там кое-каких знаний, но не избавившись от дурных манер и простонародного выговора.

Из Перуджи он перебрался в 1516 году в Рим, пристроившись в дом самого богатого из римских банкиров, Агостино Киджи. Аретино нельзя было отнести к интеллектуалам: образование он получил более чем среднее, латынь знал весьма приблизительно, греческого не знал совсем. Поначалу приближенные Киджи смотрели на нового пришельца свысока, но Аретино не любил оставаться в тени. Чрезвычайно наглый, находчивый и остроумный, он протискивался вперед настойчиво и энергично, сумев внушить страх даже лицам, обладавшим значительной властью. Если его пробовали осадить, он отвечал насмешкой, эпиграммой, вынося на свет нечто такое, о чем все говорили втихомолку, но о чем не решались сказать громко.

Внимание папы Льва X (Джованни Медичи) привлекла сатира «Завещание слона», написанная на смерть его любимого белого слона, содержавшегося в зверинце Ватикана. Аретино высмеял кардиналов и епископов, но сумел вызвать не гнев, а напротив – милость понтифика. В это же время он заручился покровительством еще одного члена семейства Медичи – кардинала Джулио.

Аретино часто в своих островах переходил дозволенные границы. Но перед угрозой силы он смирялся. В 1529 году он отозвался не очень почтительно о Федерико Гонзага в присутствии мантуанского посла. Посол велел ему сказать, что если так будет продолжаться, то Аретино не спасется от него и в раю. Аретино извинился. Извинился он и в другом случае, когда по поводу его нападок на придворных Федерико тот просил передать ему, что он велит дать ему несколько ударов кинжалом в самом центре Риальто. Английский посланник не стал дожидаться извинений и велел подстеречь Аретино и избить палками. Эрколе д'Эсте тоже подсылал к нему убийц, но те не дождались главной жертвы и ушли, ранив одного из многочисленных любовников Аретино, которых он называл «ганимедами» в честь мифического виночерпия и наложника древнегреческого бога Зевса. После того как Лев X умер, новый папа Адриан VI решил расправиться со злоязычным сатириком, и тот вынужден был бежать – но ненадолго: не прошло и года, как Адриан умер, а его преемником стал друг и покровитель Аретино кардинал Джулио Медичи, взошедший на святейший престол под именем Климента VII.

Поэт снова вернулся в Рим, но практически сразу же оказался замешанным в страшном скандале, связанном с публикацией сборника порнографических гравюр.

Эти гравюры изображали разнообразные способы соития мужчины и женщин. Скандальный сборник вошел в историю под разными названиями: «Позы Аретино», «Шестнадцать поз», «Любовные позы», «Похотливые сонеты», «Развратные сонеты», «Сладострастные сонеты».

Изначальным автором этих «поз» называют Джулио Романо – талантливого и знаменитого ученика Рафаэля. По одной версии, Романо нарисовал непристойные фрески по заказу герцога мантуанского Фредерико II для дворца Палаццо дель Те в Мантуе, по другой, более шокирующей, он поссорился с папой Климентом VII, так как тот недоплатил ему гонорар за какую-то работу, и в отместку расписал зал Константина в Ватикане вместо заказанных фресок на божественные сюжеты – порнографическими сценами. Случился скандал, росписи были уничтожены, но их успел перекопировать гравер Маркантонио Раймонди, другой ученик Рафаэля, и создал по этим сюжетам серию гравюр. Пьетро Аретино, увидев то ли фрески Романо, то ли гравюры, сочинил к каждой из них по непристойному сонету.

Образец сонета:

*М: Интересно все-таки знать, куда Вы
Собираетесь крепкую вставить пробку?*

*Ж: Неужели? А если, положим, в попку –
Разве ты откажешься от такой забавы?*

*М: О, Мадонна! Здесь все-таки Вы не правы,
Я скорей бы выбрал иную тропку,*

*Хоть на ней и чувствую себя робко, –
Но монахов слишком презренны нравы.
Впрочем, раз Вы склонны таким макаром
Нас принять – как гранды, то как хотите
Поступайте, главное – с должным жаром.
Ухватите свечку и поместите
В Ваш чуланчик. Капающим нагаром
Обжигаясь, тьму его осветите.
Поглядите, милая, я уж ярим
Полыхаю пламенем от одной раскачки –
Не сгорю ли я в настоящей скачке? [8]*

Издание Маркантонио получило большую известность, но вызвало гнев Ватикана. В 1524 году гравер был арестован, а все копии его книги – сожжены. Автора оригиналов – Джулио Романо, имевшего богатых покровителей, папский гнев минул.

Джорджо Вазари: *«После этого Джулио Романо поручил Маркантонио вырезать по его рисункам на двадцати листах все возможные способы, положения и позы, в каких развратные мужчины спят с женщинами, и, что хуже всего, мессер Пьетро Аретино написал для каждого способа неприличный сонет, так что я уж и не знаю, что было противнее: вид ли рисунков Джулио для глаза или слова Аретино для слуха. Произведение это было строго осуждено папой Климентом, и, если бы, когда оно было опубликовано, Джулио уже не уехал в Мантую, он заслужил бы суровое наказание от разгневанного папы. (...) А так как некоторые из этих рисунков были найдены в местах, где это меньше всего можно было ожидать, они не только были запрещены, но и сам Маркантонио был схвачен и заключен в тюрьму, и плохо бы ему пришлось, если бы кардинал Медичи и Баччо Бандинелли, находившиеся в Риме на службе у папы, его не выручили. (...) да и в самом деле не следовало бы, как это, однако, часто делается, злоупотреблять божьим даром на позор всему миру в делах омерзительных во всех отношениях».*

В 1527 году было осуществлено второе издание гравюр, теперь уже вкуче с сонетами Пьетро Аретино. По приказу папы и этот тираж был снова уничтожен. Раймонди избежал нового заключения чудом. От этих двух первых изданий сохранились лишь отдельные листы. В 1550 году в Венеции было выпущено третье издание – очень плохо сделанное с грубо исполненными гравюрами, от него дошло 15 из 16 поз. Четвертое издание «Поз» было осуществлено в конце века Агостино Карраччи, дошедшее до нас полностью, хотя и редкое. Этот издатель дал звучные имена каждой паре любовников: Марс и Венера, Антоний и Клеопатра, – и снабдил их соответствующими атрибутами, в то время как в первоначальном варианте любовники были простыми людьми, занимающимися сексом в обычных интерьерах того времени. Описавший гравюры Аретино упомянул имена двух женщин – Анжелы Грека и Беатриче де Бонис; обе они были его современницами, известными куртизанками.

Ныне наиболее распространен тираж 1798 года, отпечатанный в Париже.

Брантом: *«Знавал я принца, поступившего еще остроумнее: он приобрел у ювелира великолепный кубок позолоченного серебра тончайшей работы, истинный шедевр ювелирного искусства, доселе невиданный: в нижней части этого кубка весьма изящно и прихотливо были вырезаны фигурки мужчин и женщин в позах Аретино, а наверху столь же мастерски изображались различные способы соития зверей; там-то и увидел я впервые (впоследствии мне частенько доводилось любоваться сим кубком и даже, не без смеха, пить из него) случку льва со львицею, вовсе не похожую на спаривание всех прочих животных; кто сие видел, тот знает, а кто не видел, тому и описывать не берусь. Кубок этот стоял у принца в столовой на почетном месте, ибо, как я уже говорил, отличался необыкновенной красотой и роскошью отделки что внутри, что снаружи и радовал глаз.*

Когда принц устраивал пир для придворных дам и девиц, а такое случалось часто, то

по его приказу виночерпши никогда не забывали поднести им вина в этом кубке; и те, что еще не видали его, приходили в великое изумление и, взяв кубок в руки или уже после того, прямо-таки теряли дар речи; другие краснели, не зная, куда деваться от смущения, третьи шептали соседкам: “Что же тут такое изображено? По моему разумению, это мерзость из мерзостей. Да лучше умереть от жажды, нежели пить из эдакой посуды!” Однако же им приходилось либо пить из описанного кубка, либо томиться жаждою, вот почему некоторые дамы пили из него с закрытыми глазами, ну а другие и этим себя не утруждали. Те дамы или девицы, кто знал толк в сем ремесле, посмеивались втихомолку, прочие же сгорали со стыда.

На вопрос, что они видели и отчего смеются, дамы отвечали, что видели резьбу на кубке и теперь ни за какие сокровища в мире не согласятся пить из него. Другие же говорили: “По моему разумению, здесь нет ничего худого, любоваться произведением искусства не грешно”; третьи заключали: “Доброе вино и в таком кубке доброе”. Такие уверяли, будто им все равно, из чего пить, лишь бы утолить жажду. Некоторых дам упрекали в том, что они не закрывают глаза, когда пьют из него; Ответ был таков: им, мол, хотелось воочию убедиться, что подали именно вино, а не яд или какое-нибудь снадобье. У таких выспрашивали, от чего они получают большее удовольствие – от того, что пьют, или от того, что видят; дамы отвечали: “От всего”. Одни восклицали: “Вот чудища!” Другие: “Ну и шутки!” Третьи: “Ах, какие прелестные фигурки!” Четвертые: “Ох и точные же зеркала!” Пятые: “Уж верно, ювелир позабавился вволю, выделявая эдаких уродцев!” На что шестые добавляли: “А вы, монсеньёр, забавляетесь еще более, купив сей прекрасный сосуд!” Иногда спрашивали у дам, не зудит ли у них внутри, когда они пьют из кубка; те отвечали, что не такой безделице разбудить в них любовный зуд; у других допытывались, не разогрело ли их сверх меры вино из такого кубка, заставив позабыть о зимней стуже; на это следовал ответ, что, напротив, вино их освежило. Осведомлялись также, какие из этих изображений дамы желали бы иметь у себя в постели; те возражали, что невозможно перенести их с кубка в другое место. Короче сказать, кубок этот вызывал великое множество шуток, прибауток и остроумия, коими перебрасывались за столом кавалеры и дамы, забавляя себя и других, в том числе и меня, бывшего сей потехе свидетелем; но самое забавное, на мой взгляд, зрелище представляли невинные девицы либо притворявшиеся таковыми и впервые попавшие сюда дамы, которые сидели с постной миною и кислой усмешкою, строя из себя святош, как свойственно некоторым женщинам. Заметьте себе, что, даже умирая от жажды, слуги не осмелились бы подать им вина в другом кубке или бокале. И пусть какие-то из них клялись и божились, что ноги их больше не будет на таких пирах, однако все равно они являлись вновь и вновь, ибо принц был веселым и щедрым хозяином. Были такие дамы, которые в ответ на приглашение отвечали: “Я приду, но с условием, что меня не принудят пить из того кубка”, однако за столом не выпускали его из рук. И наконец, все дамы привыкли и стали пить из него без малейшего стеснения; надо думать, они перепробовали и пустили в дело все, на нем увиденное, в свое время и в своем месте».

Сопроводительные сонеты принесли неприятности и Аретино. Поэт вынужден был покинуть Рим, где слишком многие были готовы свести с ним счеты. И если раньше недоброжелатели вынуждены были смиряться, помня о его дружбе с папой Климентом, то теперь, воспользовавшись его опалой, к нему даже подослали наемных убийц, тяжело ранивших сатирика. Аретино спасся, бежав в земли знаменитого кондотьера **Джованни делле Банде Нере Медичи**. Больше в Рим он не вернулся, проведя последние годы жизни в Венеции, где писал пасквили на ее врагов. Он подружился с Тицианом, заводил себе любовниц и любовников и устраивал в своем саду оргии. По легенде, смерть Аретино стала следствием услышанной им на пиру непристойной остроты – разразившись хохотом, Аретино якобы упал и разможил себе череп.

На оргиях в саду Аретино собирались знаменитые венецианские куртизанки. Этот

промысел был чрезвычайно распространен в Италии эпохи Возрождения. В Риме в конце кватроченто насчитывалось 6800 проституток, в Венеции в начале чинквеченто – одиннадцать тысяч. Бывали времена, когда институт куртизанок приходилось специально поощрять, поскольку уж слишком распространялся «гнусный грех», то есть содомия. В связи с этим проституткам запрещалось одеваться в мужскую одежду и делать себе мужские прически. Сохранились целые трактаты, посвященные искусству продажной любви, в которых говорится, чем славились венецианки, в чем заключалась неодолимая сила генуэзок и каковы были достоинства испанок. До нас дошли мемуары некоторых известных куртизанок, из которых можно узнать, что публичные женщины часто были весьма образованными и умными особами. Своим ремеслом они начинали заниматься лет в двенадцать, а заканчивали, будучи уже за сорок. Постаревшие проститутки занимались также физиогномикой, хиромантией, врачеванием и изготовлением лечебных и любовных средств.

Частенько их привозили из Германии, так как итальянцы ценили светлые волосы немок. Те итальянки, которых природа обделила этим богатством, специально окрашивали и высветляли свои локоны, способом довольно простым, хоть и длительным по времени: волосы смачивали раствором крепкой щелочи (например, водой, настоянной на золе, лучше всего из березовых дров), а затем равномерно распределив по полям большой шляпы без тульи, сушили на ярком солнце.

Многие из куртизанок были прекрасными музыкантшами и поэтессами.

Вероника Франко

Самой знаменитой из них на сегодняшний день является Вероника Франко, жившая во второй половине XVI века – чинквеченто.

Вероника сама была дочерью куртизанки и считалась *cortigiana onesta*, «достойной куртизанкой», принадлежащей к самой высшей категории представительниц этой профессии. Она была включена в «*Il Catalogo di tutte le principale et più honorate cortigiane di Venezia*» – перечень всех основных и наиболее уважаемых куртизанок Венеции и согласно этому перечню жила на Кампо-Санта-Мария-Формоса вместе с матерью. Готовя дочь в жрицы любви, мать постаралась дать ей хорошее образование, не хуже чем у трех ее братьев.

В юности Вероника вышла замуж за какого-то доктора, но семейная жизнь не привлекла молодую женщину, и она вскоре развелась с мужем, вернув себе приданое. Разводу не помешала даже ее беременность. Всего от разных отцов у нее родилось шестеро детей, трое из которых умерли в младенчестве.

Пока Вероника была молода, жизнь ее складывалась счастливо: богатые любовники, в числе которых был даже французский король, достаток, роскошь, интересное, интеллектуальное окружение: она была участницей литературного салона сенатора Доменико Веньера. Вероника славилась красотой и умом, она писала стихи и вызывала всеобщее восхищение.

Но в 1575 году в Венеции разразилась эпидемия чумы. Испуганная Вероника покинула город, а когда вернулась, то нашла свой дом разграбленным. К тому же на ее плечи легла забота об осиротевших племянниках.

Ну а тут свалилась новая беда: Веронику обвинили в ведьмовстве. Клеветником стал Ридольфо Ваннителли, учитель ее сына, долго и безнадежно добивавшийся взаимности знаменитой куртизанки. Сохранились документы суда, из которых видно, что Вероника сумела защитить себя в суде и сделала это блестяще. Клеветнику она отомстила, обвинив его в воровстве.

Но репутация ее была повреждена, молодость миновала и с этого момента ее карьера пошла на спад. Вероника была вынуждена переселиться в менее престижный квартал и, по некоторым сведениям, стала очень религиозной. Свою литературную деятельность она

прекратила. Умерла она в возрасте 45 лет от тяжелой болезни.

ПОСЛАНИЕ V.

*От Вероники Франко к неизвестному мужчине
«Так явна доблесть в Вас, и ярка добродетель,
А красноречье столь неистово сильно,
Что сердце Вы спасли из чуждой сети,
И только Вами лишь оно теперь полно,
И биться хочет только рядом с Вашей грудью
И жить лишь так, как Вами решено.
Боготворила то, что ныне чту беспутьем...
Но больше не ищу я брэнной красоты,
Казнюсь, что наслаждалась ее сутью.
Позор мне, полюбившей полного тцеты,
Когда наоборот, любить Вас надо было,
Ведь добродетельны, мудры Вы и чисты.
Песчинок меньше волнами намыло,
Чем слез об этом излила за раз:
О добродетелях, любя тцету – забыла...
В ошибке этой я, вздыхая, созналась,
Сейчас же клятвой непреложной обещаю,
Что ожидает красоту теперь отказ.
От Ваших совершенств томлюсь, изнемогая,
Стучится сердце, больше не в сети,
Меня не держит Купидона воля злая –
Отныне – разум, ты один меня веди!» [9]*

Туллия д'Арагона

Туллия д'Арагона, старшая современница Вероники Франко, также была дочерью куртизанки. В отличие от матери, которая считалась знаменитой красавицей, Туллия красивой вовсе не была. Тогда ценились женщины дородные, с пышными формами и мягкими чертами лица. Туллия же была высокой, худощавой, с большими тонкими губами и крючкообразным носом. Зато она была очень умной (сейчас ее бы назвали вундеркиндом), остроумной, обладала прекрасным голосом и отлично играла на лютне. Покровительствовал девочке кардинал Луиджи д'Арагона, архиепископ Палермо, который, возможно, был ее отцом.

Туллия жила то в Венеции, то в Сиене, то в Болонье, то в Риме, то в Ферраре – она вообще любила путешествовать. Туллия занялась древнейшей профессией лет в восемнадцать и довольно быстро, благодаря своему уму, оказалась в элите.

В двадцать один год она пленила Филиппо Строцци, флорентийского банкира. Этот довольно грубый человек был «славен» тем, что унижал, оскорблял и довел до ранней смерти влюбившуюся в него красавицу-куртизанку, поэтессу Камиллу Пизана. Тем не менее он влюбился в Туллию настолько, что стал делиться с ней государственными секретами, что вызвало скандал и банкира срочно отозвали домой во Флоренцию, где Козимо Медичи приказал его убить.

Любовниками Туллии были люди весьма выдающиеся. Эмилио Орсини основал даже «Общество Туллии», состоявшее из шести кавалеров, поклявшихся защищать ее доброе имя.

Венецианский поэт Бернардо Тассо, феррарские поэты Джироламо Муцио и Эрколе Бентиволио посвящали ей стихи. Во Флоренции она пользовалась расположением Козимо Медичи и его жены – Элеоноры Толедской. Благодаря их ходатайству, Туллия получила право не соблюдать запрет куртизанкам носить драгоценности и шелковые платья, получив статус «поэтессы». В эти годы она написала неоплатонические «Диалоги о бесконечности

любви» (1547) и еще много стихов и поэм.

Казалось бы, все складывалось отлично, но свойственная Туллии тяга к перемене мест взяла свое: в тридцать восемь лет она перебралась в Рим, где прожила еще восемь лет. Об этом последнем периоде ее жизни известно мало. Последняя ее поэма о странствиях юноши Джиаррино, обращенного в рабство и совершившего путешествие по Европе, Азии, Африке, Чистилищу и Аду, была опубликована посмертно.

Туллия скончалась в 1556 году, похоронена в церкви Сант-Агостино, рядом с матерью и дочерью.

*К Пьетро Манелли, молодому флорентийцу и поэту
«Вас и меня природа (иль Создатель) сотворили
По мерке сходной, очень старой; и материя одна.
Так в чем причина, что мне гордость с честью не дана,
И мыслить дар – коль Вас, Манелли, ими наделили?
Духовно я весьма проста, Вы как-то говорили,
На людях не осмелюсь петь, настолько смущена,
Вы знаете – отвага во мне страхом сожжена,
Ведь никогда мне с Вашим не сравняться стилем?
Нет, Пьетро, точно знаю, не сумеете поверить:
Я в точности как Вы тружусь, чтоб к небесам взлететь
Душой; а именем – внизу добиться славы вечной.
И коль судьба не будет злой – мечтаний не развеет,
То прежде чем наступит час покинуть тела клеть,
Увижу утоление своей жажды вековечной». [10]*

Гаспара Stampa

По некоторым предположениям, куртизанкой была и Гаспара Stampa – самая известная итальянская поэтесса того времени, прожившая всего лишь чуть больше тридцати лет. Но скорее всего, она не принадлежала к когорте «жрицей любви», а занималась пением и музицированием. Современники восхищались ее игрой на лютне и нежным сильным голосом.

Родилась она в Падуе в семье ювелира. Отец ее умер, когда Гаспаре исполнилось всего лишь восемь лет, и ее мать с тремя детьми – двумя девочками и сыном – вернулась в свой родной город – Венецию и постаралась дать детям хорошее образование. Девочки учились пению и музыке и вскоре стали пользоваться успехом, их приглашали на частные концерты. Гаспара исполняла стихи Петрарки, а также песенки собственного сочинения.

Самые большие надежды семья возлагала на брата Гаспары, который учился в университете Падуи и писал стихи, получившие одобрение знаменитых литераторов. Его безвременная смерть стала для семьи тяжелым ударом, Гаспара даже подумывала уйти в монастырь. Прожив за его стенами несколько месяцев, она вернулась к мирской жизни, снова занявшись музыкой. Замуж она не выходила, но часто заводила романы, более или менее длительные. Страстная влюбленность в графа Коллатино ди Коллальто, длившаяся несколько лет, до самой ее смерти, стала для Гаспары мукой и одновременно источником вдохновения. Их отношения были разорваны в 1551 году: граф охладел к прекрасной лютнистке и женился на другой. Однако сама Гаспара продолжала любить его!

Стараясь забыть своего возлюбленного, Гаспара создала целый цикл стихов, впоследствии сделавших ее знаменитой. Она так и не сумела вернуть душевный покой и умерла, возможно покончила с собой, в возрасте тридцати одного года. Ее сестра Касандра, восхищавшаяся талантами сестры, посмертно издала сборник ее сонетов и мадригалов, который двести лет спустя был переиздан одним из потомков жестокого графа Коллальто.

«Нередко господина моего

*Я сравниваю с небом дня и ночи,
Где солнце – лик его, а звезды – очи,
Где в высоте вещает божество
Делийское, где страшен гнев его,
Страшней, чем гром, и град, и снег, и прочий
Укор небес, о нет, мой страх жесточе,
Но небо после бури не мертво!
Весну торопит зелень луговая
В моей душе, когда, лучом дразня,
Росткам велит пробиться он наружу,
Но вновь зима вселяет в сердце стужу,
Когда грозит покинуть он меня,
Листву надежд последних обрывая» . [11]*

Кондотьеры

Как можно легко догадаться, в условиях, когда в стране и в мире не было никакого единства, между итальянскими городами не прекращались междоусобные войны. Партия гвельфов выступала за ограничение власти императора Священной Римской империи в Италии и усиление влияния папы римского. Гибеллины, напротив, были приверженцами императора.

Города заключали договора («кондотты» – по-итальянски) с военачальниками, набравшими отряды солдат (это слово произошло от «сольдо» – названия мелкой монеты, которыми выплачивалось жалованье). Такие «полевые командиры» назывались кондотьерами. Им было все равно за кого воевать, лишь бы платили. Часто они переходили от одной воюющей партии к другой и сражались со своими вчерашними нанимателями. Случалось, что кондотьеры захватывали власть в городах и основывали династии: Сфорца, Малатеста, дела Скала... Но чаще они погибали во цвете лет, становясь героями легенд. Их наемные шайки носили звучные наименования: «Белый отряд», «Великая компания», «Отряд святого Георгия»... Они внушали современникам ужас и восхищение: с одной стороны, наемники отличались поистине звериной жестокостью, с другой – они являлись олицетворением силы и некоторой стабильности, так как пользовались реальной властью. Сейчас описания «подвигов» кондотьеров внушают ужас, но люди чинквеченто воспринимали все это иначе. Кондотьеры для них были героями, ими восхищались, о них слагали песни и анекдоты, совершенно как об отечественном «Василии Ивановиче».

Жизнь Рожера де Флор, жившего в XIII веке, послужила основой для рыцарского романа «Тирант Белый», упоминаемого в «Дон Кихоте». Эта книга оказалась в числе немногих, спасенных от «аутодафе» при разборке библиотеки безумного Ламанчского рыцаря.

Гибеллин Каструччо Кастракане, погибший от сильной простуды в возрасте 44 лет, успел стать правителем родного города Лукки и героем многих анекдотов. К сожалению, его род не продлился: все его потомство погибло при завоевании Лукки гвельфами.

Живший чуть позже доблестный правитель Вероны Кангранде дела Скала одержал много побед и заслужил прозвище «Большого пса» из-за своего шлема с головой собаки. Он умер в возрасте 38 лет, и на его надгробии была воздвигнута замечательная статуя, изображающая покойника улыбающимся. Современники считали причиной его смерти тяжелую кишечную инфекцию, но современные исследования трупа показали, что Кангранде был отравлен.

В середине XIV века громкой и кровавой славой пользовалась банда немецкого кондотьера Вернера фон Урслингена. Ничуть не стесняясь, он написал на своем знамени: «Враг бога, правосудия и милосердия» и оказался вполне достоин этого девиза. Ему

покорились и платили дань крупные города Перуджа, Болонья, Сиена.

Его коллега и современник англичанин Джон Хоквуд (или, как называли его итальянцы – Джованни Акуто от слова *l'acuto*, «крутой») был сыном кожевника, однако на службе у короля Эдуарда III получил рыцарский титул. В 1360-м он возглавил знаменитый «Белый отряд»: его члены не принадлежали к знатым родам, поэтому носили простые «белые» плащи, без гербов. Неоднократно меняя покровителей, Хоквуд и его отряд завоевали репутацию храбрецов и безжалостных головорезов. Страшную резню его отряд учинил в феврале 1377 года в Чезене, в Романье, где, возможно, простились с жизнью примерно 5000 человек. По приказу кардинала Роберта Женевского – авиньонского антипапы Климента VII – «Белый отряд» ворвался в город, закрыл ворота и перебил практически всех жителей, включая детей. Одна из хроник гласит: «Они сожгли и вырезали весь город. Река окрасилась от крови». Эта резня принесла «антипапе Клименту» прозвища «мясник» и «чезенский палач».

А вот репутация Хоквуда ничуть не пострадала. Напротив: итальянские города стали наперебой предлагать ему деньги. Он выбрал Флоренцию, предложившую ему 250 000 флоринов в год. Этому городу он остался верен до самой смерти.

На деньги, полученные за военную службу, Хоквуд приобрел несколько замков, в том числе в Тоскане, и женился на незаконнорожденной дочери миланского герцога Бернарбо Висконти, которая родила ему четверых детей. Хоквуд умер своей смертью и был похоронен с почестями. Флорентийцы считали кондотьера героем и во время его последней болезни пообещали ему роскошное надгробие, но клятву не сдержали, ограничившись лишь фреской с изображением этого памятника. Впрочем, автором фрески стал великий живописец Паолло Уччелло. Через тридцать два года после смерти военачальника его останки по настоянию Ричарда II были увезены на родину, в Англию.

Знаменитый кондотьер Браччио Монтоне забавлялся тем, что сбрасывал людей с высоких башен, разбил на наковальне одного монастыря головы девятнадцати монахам, в Ассизи сбросил трех человек с вала, в Сполетто столкнул с моста вестника, доставившего ему плохие известия. Думаете, его возненавидели за все эти зверства? Вовсе нет! «Он был прекрасен, как бог, когда гарцевал по улицам Флоренции», – говорил один современник. Карьера Браччио Монтоне имела свои взлеты и падения, одно время он даже правил Римом. При нем город пришел в совершеннейший упадок, вокруг расплодились бандиты и воры. Будучи изгнанным из города, Браччио в отместку устроил наводнение, разрушив дамбы на Тибре.

Стефано Инфессура: *«В лето господне 1422, 30 ноября, в праздник св. Андрея, в Риме было столь сильное наводнение, что большая часть города была залита водой. Это причинило столь большие повреждения, что невозможно их исчислить. Вина лежала на Браччио да Монтоне, так как он, полный гнева и желая отомстить римлянам за то, что потерял господство над римским государством, по своем отъезде из Рима разрушил мраморные дамбы у Педелупо; память об этом наводнении осталась до сих пор на камне фасада церкви Минервы».*

Погиб де Монтоне в возрасте 55 лет в бою: раненым его намерено оставили задыхаться под упавшей на него лошадью. По настоянию ненавидевшего его папы он был похоронен в неосвященной земле. Лишь восемь лет спустя его племянник – кондотьер Николло Фортебраччио – перенес тело в храм Святого Франциска в Перудже.

Стефано Инфессура: *«В лето 1424, 2 июня, недалеко от Аквилы был убит полководец Браччио да Монтоне; по случаю убийства врага папы в Риме было большое торжество с увеселительными огнями и танцами. Римляне, с факелами на лошадях, явились сопровождать синьора Джордано Колонна, брата папы. И после того как со всеми врагами было покончено, папа Мартин пользовался в дальнейшем полностью власти без всяких помех. В его время царили мир и благоденствие, и цена зерна опустилась до сорока сольди за руббио».*

Анекдоты о кондотьере Каструччо Кастракане, собранные Николо Макиавелли: Однажды он велел купить куропатку за дукат, и один из друзей стал его за это упрекать. Каструччо спросил: «Ты бы не дал за нее больше сольдо?» Тот отвечал, что он не ошибается. «Так для меня дукат – гораздо меньше сольдо», – сказал Каструччо.

Около него вертелся один льстец, и он, чтобы показать ему свое презрение, плюнул на него. Льстец сказал: «Рыбаки, чтобы поймать маленькую рыбку, дают морю омыть себя с ног до головы. Я охотно позволю омыть себя плевком, чтобы поймать кита». Каструччо не только выслушал эти слова без раздражения, но еще и наградил говорившего.

Кто-то упрекал его за то, что он живет слишком роскошно. Каструччо сказал: «Если бы в этом было что-нибудь дурное, не устраивались бы такие роскошные пиры в праздники наших святых».

Один из друзей предложил ему развязать узел, хитро запутанный. «Глупый, – сказал Каструччо, – неужели ты думаешь, что я стану распутывать вещь, которая и в запутанном виде так выводит меня из себя».

Говорил Каструччо некоему гражданину, который занимался философией: «Вы – как собаки: бежите за тем, кто вас лучше кормит». Тот ответил: «Скорее мы – как врачи: ходим к тем, кто в нас больше нуждается».

У него спросили однажды, как он добился такого уважения к себе. Он ответил: «Когда ты идешь на пир, сделай так, чтобы на дереве не сидело другое дерево».

Кто-то хвалился, что много читал. Каструччо сказал: «Лучше бы ты хвалился, что много запомнил».

Другой хвастал, что он может пить сколько угодно, не пьянея. Каструччо заметил: «И бык способен на это».

Каструччо был близок с одной девушкой. Один из друзей упрекал его за то, что он позволил женщине овладеть собою. «Не она мною овладела, а я ею», – сказал Каструччо.

Другому не нравилось, что ему подают чересчур изысканные кушанья. Каструччо спросил его: «Так ты не стал бы тратить на еду столько, сколько я?» Тот ответил, что, конечно, нет. «Значит, – сказал Каструччо, – ты более скуп, чем я обжорлив».

Однажды ночью, когда он, будучи у одного из своих дворян на пирушке, где присутствовало много женщин, танцевал и дурачился больше, чем подобало его положению, кто-то из друзей стал его упрекать за это. «Кого днем считают мудрым, не будут считать глупым ночью», – сказал Каструччо.

Кто-то пришел просить его о милости, и так как Каструччо сделал вид, что не слышит его, тот опустился на колени. Каструччо начал выговаривать ему за это. «Твоя вина, – ответил тот, – у тебя уши на ногах». За это Каструччо сделал ему вдвое против того, что он просил.

Он часто говорил, что путь в ад легкий, так как нужно идти вниз и с закрытыми глазами.

Про кого-то, кто был красивым мальчиком, а потом стал красивым мужчиной, он говорил, что это очень вредный человек, ибо сначала отнимал мужей у жен, а потом стал отнимать жен у мужей.

Одного завистника, который смеялся, Каструччо спросил: «Почему ты смеешься: потому ли, что тебе хорошо, или потому, что другому плохо?»

Он послал однажды на смерть некоего лукканского гражданина, который когда-то помог ему возвыситься. Ему стали говорить, что он поступает дурно, убивая одного из старых друзей. Он ответил, что они ошибаются и что убит не старый друг, а новый враг.

Он очень хвалил людей, которые собираются жениться и не женятся, а также тех, которые собираются пуститься в море и никогда не садятся на корабль.

Он говорил, что дивится людям, которые, покупая сосуд, глиняный или стеклянный, пробуют его на звук, чтобы узнать, хорош ли он, а выбирая жену, довольствуются тем, что только смотрят на нее.

Когда он был близок к смерти, кто-то спросил, как он хочет быть погребенным. «Лицом вниз, – сказал Каструччо, – ибо я знаю, что, когда я умру, все в этом государстве пойдет вверх дном».

Его спросили, когда лучше всего есть, чтобы быть здоровым. Он ответил: «Богатому – когда хочет, бедному – когда может».

Он увидел однажды, что кто-то из его дворян заставил своего слугу зашнуровывать себя. «Дай Бог, – сказал Каструччо, – чтобы тебе пришлось заставить кого-нибудь класть себе куски в рот».

Ему как-то бросилась в глаза латинская надпись на доме некоего гражданина: «Да избавит бог этот дом от дурных людей». Каструччо сказал: «В таком случае он не должен ходить туда сам».

Проходя по улице, он увидел маленький дом с огромной дверью. «Дом убежит через эту дверь», – сказал он.

Ему сказали, что один чужестранец соблазнил мальчика. «Должно быть, это перуджинец», – сказал Каструччо.

Каструччо спорил однажды с послом неаполитанского короля по вопросам, касавшимся имущества изгнанников, и стал говорить очень возбужденно. Тогда посол спросил, неужели он не боится короля. «А ваш король хороший или дурной?» – спросил Каструччо. Когда тот ответил, что хороший, Каструччо спросил снова: «Почему же ты хочешь, чтобы я боялся хороших людей?»

История нескольких знатных родов

Малатеста

Знатный род Малатеста, правивший в Римини с конца дученто до конца кватроченто, дал Италии немало кондотьеров. «Малатеста» в переводе означает «дурная голова», по преданию, это прозвище основателю рода дал император Рудольф. В последующие века представители этого рода вполне оправдали свое имя, совершив немало убийств и злых дел. Именно с родом Малатеста связана история трагической любви Франчески да Римини, изменившей своему супругу Джованни Малатеста с его младшим братом и убитой вместе с любовником в 1285 году.

С тех пор правители из рода Малатеста часто убивали своих жен. Живший на сто пятьдесят лет позже Сиджизмондо Малатеста, правитель Римини, прозванный «волком Романьи», убил двух своих жен: Джиневру д'Эсте и Поликсену Сфорца. Возможно, что вторую жену унесла на тот свет болезнь, но отношения с родом Сфорца были испорчены, тем более что Поликсена за несколько лет до смерти бросила мужа и жила в монастыре, не в силах видеть его постоянных измен: он открыто содержал в своем замке любовницу – Изотту дельи Атти, на которой немедленно женился после смерти Поликсены.

Даже в то время, когда яд и кинжал были обычными способами урегулирования семейных конфликтов, Сиджизмондо считался очень жестоким человеком. Признавая его таланты как правителя, историки обвиняют его в многочисленных преступлениях, убийствах, изнасилованиях, кровосмешении, ограблении церкви, предательстве, измене присяге и т. д. Сиджизмондо приписывают ужаснейшие поступки: покушение на изнасилование собственного сына Роберта, защищавшегося кинжалом; изнасилование своей же дочери, забеременевшей от него.

Папа Пий II, в миру – Эней Сильвио Пикколомини, о Сиджизмондо: *«Сигизмунд Малатеста был в такой степени не воздержан в разврате, что насилует своих дочерей и своего зятя... В его глазах, брак никогда не был священным. Он осквернял монахинь, насилует евреек, что же касается мальчиков и молодых девушек, которые не хотели согласиться добровольно на его предложения, он или предавал их смерти, или мучил жестоким образом. Он сходил с некоторыми замужними женщинами, детей которых он*

раньше крестил, а мужей их он убивал.

В жестокости он превзошел всех варваров. Своими окровавленными руками он совершал ужасные пытки над неповинными и виновниками. Он теснил бедных, отнимал у богатых их имущество, не щадил ни сирот, ни вдов, словом, никто во время его правления не был уверен в своей безопасности... Из двух жен, на которых он был женат до сближения с Изоттой, одну он заколол кинжалом, другую отравил. До этих двух жен у него еще была жена, с которой он развелся раньше, чем познал ее, завладев, впрочем, ее приданым».

Сиджизмондо пять раз отлучали от церкви и все пять раз снимали отлучения. Однажды в Риме на площади даже устроили символическое аутодафе, на котором сожгли соломенное пугало с его именем. Но Малатеста придавал этому очень мало значения: он издевался над церковью и духовенством, совсем не верил в будущую жизнь и получал удовольствие, мучая священников. Он соорудил в Римини в языческом вкусе храм, якобы посвященный святому Франциску, но назвал его «Святилище божественной Изотты» в честь своей любовницы и украсил мифологическими изображениями. При всем том Малатеста был большим любителем и знатоком наук и искусств. В его замке собирались ученые и вели свои диспуты. Драгоценнейшей добычей своего похода в Морею Малатеста считал останки одного греческого философа-платоника, которые он перевез в Римини и захоронил в своем храме, снабдив надписью, выражавшей глубокое обожание. Висконти

В Италии существовало два рода Висконти, никак между собой не связанных. Одни правили сначала в Пизе, затем – на Сардинии. Другие – в конце XIII века захватили власть в Милане. Эти Висконти прославились убийствами и всякого рода жестокостями. Тесть Хоквуда, Бернарбо Висконти, вел войны с соседями и с самим папой, за что несколько раз бывал отлучен от церкви. После очередного отлучения он объявил себя в своих владениях папой, что было не так уж трудно в условиях Великой Схизмы. Присвоив себе власть «папы», он конфисковал земли духовных лиц и отдал их в приданое своим семи дочерям, как законным, так и внебрачным. Каждой досталось по 100 тысяч гульденов.

Кроме того, Бернарбо очень любил собак и выстроил особый дворец, в котором в роскоши жило 500 громадных псов, и, кроме того, несколько сот псов было роздано на содержание жителям Милана, обязанным регулярно представлять отчет в особое собачье ведомство. В случае смерти собаки гражданин, на содержании которого она находилась, отправлялся на эшафот. Нужно добавить, что Бернарбо вовсе не был неотесанным мужланом, он был хорошо образован и покровительствовал поэту Петрарке.

Наконец, Бернарбо был свергнут своим племянником Джан Галеаццо и заточен в тюрьму. Коварный Джан Галеаццо известил дядю, что он с небольшой свитой направляется на очередное богомолье и что, проезжая мимо Милана, хотел бы приветствовать его. Ничего не подозревающий Бернарбо не вооруженный и без свиты, а лишь со своими двумя старшими сыновьями выехал за ворота, чтобы приветствовать дорогого племянника, но тут же был схвачен и заключен в крепость. Население города, ненавидевшее Бернарбо, восторженно приветствовало своего нового господина Джана Галеаццо, и на следующий день Городской Совет передал ему всю полноту власти.

Джан Галеаццо устроил судебный процесс над Бернарбо, на которого были возведены самые чудовищные обвинения, в значительной степени обоснованные. Бернарбо был переведен в крепость Треццо, где вскоре умер, скорее всего, от яда. Два его сына бродили по Италии, тщетно пытаясь спасти сначала своего отца, а затем хотя бы какую-нибудь часть его владений.

3 сентября 1402 года Джан Галеаццо Висконти умер от чумы. Его сыновья – Джан-Мария (Джованни) и Филиппо, правившие в начале XV века, также отличались бешеной жестокостью. Так, Джан-Мария заточил в замок и затем отравил собственную мать, чтобы избавиться от ее назойливой опеки.

К счастью, их родная сестра Валентина не унаследовала семейный характер. Она вышла замуж за Луи Орлеанского и стала прекрасной женой, матерью талантливого поэта

Карла Орлеанского.

Как покойный дядя, Джан-Мария тоже очень любил собак, которых он тренировал для охоты на людей. Когда в мае 1409 года во время военных действий народ в Милане встретил герцога Джан-Мария криками: «Мира! Мира!», герцог выпустил на людей наемников и этих псов. Город был усеян трупами. После этого он запретил произносить слова «война» и «мир», и даже священнослужители были вынуждены даже изменить слова молитвы, чтобы избежать запретных терминов. Против герцога был составлен заговор, и Джан-Мария Висконти был убит прямо на ступенях церкви, после мессы. Защитить его было некому: его друг и фактический соправитель кондотьер **Фачино (Бонифачио) Кане** в это время лежал при смерти. Умирая, он заставил своих офицеров присягнуть, что они поддержат в качестве преемника младшего брата Джан-Мария – Филиппо, который пообещал жениться на вдове Фачино Беатриче, очень богатой женщине.

Наверное, Кане желал супруге добра, но увя: когда Беатриче начала слишком сильно интересоваться государственными делами – Филиппо обвинил ее в супружеской измене и обезглавил. Он был очень подозрителен и не верил в хорошее отношение к нему даже близких людей, возможно из-за врожденного уродства: Филиппо был горбат. На нем и закончился род Миланских герцогов, носящих фамилию Висконти: потомства мужского пола Филиппо не оставил, и его преемником стал кондотьер Франческо Сфорца, женатый на его внебрачной дочери Бьянке.

Сфорца

Основателем рода считается кондотьер Муцио Аттендоло (1369–1424), получивший прозвище «Сильный», по-итальянски – Сфорца: он действительно был исполином, мог согнуть подкову и вскочить в седло в полном вооружении. На войну он ушел в пятнадцать лет, присоединившись к проходящим мимо наемникам. По преданию, Муцио метнул топор и загадал: если он застрянет в дереве, то юноша пойдет с солдатами, если упадет на землю, то останется. Топор застрял.

Лет через пятнадцать Муцио уже набрал свой отряд и поступил на службу сначала к Висконти, а потом, заподозренный им в измене, перешел на сторону Неаполитанского короля Владислава, который желая заручиться преданностью кондотьера, взял «на воспитание» его сына – юного Франческо. Мальчик играл роль заложника, но несмотря на это, Владислав искренне привязался к ребенку, окружил его заботой и воспитывал вместе со своими сыновьями. Дела пошли хуже после внезапной смерти Владислава: Муцио был вынужден бежать из Неаполя и вскоре утонул во время одной из битв с Браччио де Монтоне при переправе через реку.

Стефано Инфессура: *«В лето 1413, в июне месяце, из Неаполя прибыл в Рим король Владислав, пробил стену у Санта-Кроче и вошел со всем своим войском в Латеран к св. Иоанну, где пробыл несколько дней. Вследствие такого вторжения короля папа Иоанн удался из Рима и переехал во Флоренцию: он выехал в июле месяце со многими римлянами, причем во время бегства многие из них умерли от истощения. Король взял замок Ангела и вошел в Рим, где ему были оказаны большие почести... Затем король направился во Флоренцию, но по дороге был отравлен. Он хотел поспать у одной девицы, которой флорентийцы сказали: “Сделай так, и мы обогатим тебя: введи этот яд в твою срамную часть, и он умрет, а ты останешься жива”. И оба умерли».*

Это был уже закат королевства Неаполь, вскоре оно потеряло самостоятельность. Последний его суверенный монарх – король Ферранте (или Фердинанд I) оставил о себе мрачную память. Большая часть его преступлений была вполне обычна для того времени: он предательски убивал нередко прямо за своим столом доверившихся ему людей и насильно овладевал женщинами. То, что он отравлял в венецианских церквях чаши со святой водой, чтобы отомстить венецианской сеньории, вызывало больше осуждение. Но самой эксцентричной его причудой было другое:

Лосев А.Ф.: *«Он сажал своих врагов в клетки, издевался над ними, откармливал их, а*

затем отрубал им головы и приказывал засаливать их тела. Он одевал мумии в самые дорогие наряды, рассаживал их вдоль стен погребов, устраивая у себя во дворце целую галерею, которую и посещал в добрые минуты. При одном воспоминании о своих жертвах он заливался смехом».

Бежав из Неаполя, двадцатитрехлетний Франческо Сфорца вернулся на службу к Миланскому герцогу, который обручил его со своей внебрачной дочерью. Десять лет спустя они поженились: невеста едва достигла шестнадцати лет, жениху исполнилось сорок. Однако, несмотря на столь большую разницу в возрасте, между супругами установилось взаимопонимание, и брак этот стал счастливым. Бьянка постоянно ездила вместе с мужем по местам боевых действий, брала на себя дипломатические миссии, участвовала в управлении. После смерти супруга она сделала все, чтобы власть перешла к ее сыну Галеаццо, в то время находившемуся в отлучке. Увы, конец жизни Бьянки был печален: с сыном возникли трения. Не желая ссориться, Бьянка оставила Милан и поселилась в Кремоне, которая входила в ее приданое. Спустя два года, вопреки советам своих приближенных, она приняла участие в свадьбе Галеаццо, а вскоре после этого почувствовала себя больной. Это было весной, все лето Бьянка провела в постели, а в середине осени умерла.

Этот Галеаццо вообще был крайне неприятным типом: он приказывал закапывать живыми свои жертвы, выставлял на публичный позор соблазненных им женщин, однажды заставил крестьянина, укравшего зайца, съесть этого зайца живьем, с шерстью и шкурой, а за столом любил услаждать себя сценами содомии. В возрасте тридцати двух лет он был убит заговорщиками в церкви Сан-Стефано. Его сын – Джованни Галеаццо – почти не правил самостоятельно, отравленный в двадцатипятилетнем возрасте своим дядей и регентом Лодовико Моро. Дочь Бона, рожденная спустя три месяца после смерти отца, более известна: она вышла замуж за короля Польши, и ее наследственное пристрастие к ядам сыграло не последнюю роль в гибели династии Ягеллонов.

Николо Макиавелли: *«Джованни Галеаццо, герцог Миланский, находился в том возрасте, когда мог бы уже взять в руки бразды правления, а так как он женился на дочери герцога Калабрийского, то и последний хотел, чтобы государством правил не Сфорца, а его зять. Лодовико же, зная об этом, решил сделать все, чтобы помешать герцогу осуществить это желание».*

Лодовико Моро (это прозвище можно перевести как «смуглый» или «мавр») многие считают выдающимся правителем, но в основном этот человек знаменит своими интригами, своими женщинами и тем, что при его дворе работал Леонардо да Винчи. Моро пригласил этого гения к себе не как художника, а как инженера и конструктора военных машин. Леонардо предложил правителю Милана свои проекты «очень легких и прочных мостов», «пушек, мортир и легкого вооружения новой удобной формы, сильно отличающегося от всего известного; вооруженных повозок, неуязвимых и неприступных». Моро проявил себя как очень активный политик, он вмешивался во все интриги и заговоры своего времени, подсылая убийц к своим врагам, пока наконец французы не захватили Милан, и Лодовико не умер во французском плену, где его держали в железной клетке.

Несомненно то, что Моро имел особый дар окружать себя красивейшими женщинами. Женат он был на красавице и умнице Беатриче д'Эсте, к несчастью умершей в двадцать два года при третьих родах.

Известны имена двух любовниц Лодовико: Лукреции Кривелли и Чечилии Галлерани, родивших ему по бастарду. Обе они были умны и образованны, писали стихи и интересовались науками. Женщины удостоились быть запечатленными на портретах самим Леонардо: Лукрецию многие искусствоведы видят в облике «Прекрасной Ферроньер», давшей название модному некогда налобному украшению, а Чечилия знаменита благодаря картине «Дама с горностаем». На самом деле в руках у прелестной Чечилии не агрессивный кусачий горностаем, а ласковый ручной хорек.

Злодей Галеаццо Сфорца оставил побочную дочь – **Катерину Сфорца** (1463–1509),

ставшую графиней Форли и прозванную «Тигрицей Романьи». Порой именно ее предлагают как одну из настоящих моделей Моны Лизы. Трижды она была замужем. Первый муж Катерины, Джироламо Риарио, «племянник», а на самом деле бастард папы Сикста IV выжил во время мятежа, разразившегося вслед за смертью понтифика, но затем во Флоренции примкнул к заговору Пацци против Медичи и был убит во время последовавшего за этим восстания жителей города. Бунтовщики выбросили его обнаженное мертвое тело из окна замка.

Катерина вторично вышла замуж за Джакомо да Фео, с которым обвенчалась тайно, так как он принадлежал к недостаточно знатному роду. Но и тут не замедлило случиться несчастье: заговорщики, возглавляемые неким Франческо Орсо, зарезали Джакомо на глазах у жены.

Николо Макиавелли: *«Тогда же приключилась весьма тяжкая смута и в Романье... Стоял май месяц, когда большая часть итальянцев имеет обыкновение ужинать еще засветло. Заговорщики сочли, что удобнее всего будет покончить с графом сейчас же после того, как он поужинает: вся его челядь именно в это время сядет за ужин, и он останется в своем покое, можно сказать, совсем один. Приняв это решение и назначив час, Франческо с друзьями отправился к графу. Оставив их в передних комнатах, он пошел туда, где находился граф, и сказал одному из слуг пойти доложить графу, что он желает с ним переговорить. Франческо впустили. Граф оказался один. Поговорив с ним немного о деле, послужившим предлогом для встречи, Франческо заколол его кинжалом, позвал своих сообщников, и они умертвили также и слугу. Капитан города случайно явился к графу для какого-то разговора с немногочисленными спутниками и тоже пал под ударами убийц. Совершив все эти убийства, заговорщики подняли в городе смуту, выбросили труп графа из окна на площадь и с криком “Церковь и Свобода!” вооружили народ, ненавидевший графа за алчность и жестокость.*

Все дома его были разграблены, графиня Катарина с детьми арестована. Для того чтобы дело увенчалось полным успехом, оставалось только захватить крепость. Так как комендант отказывался сдаться, заговорщики обратились к графине с просьбой побудить его к сдаче. Она пообещала сделать это, если они пропустят ее в крепость, и предложила оставить своих детей в качестве заложников. Ей поверили и пропустили в крепость. Но едва оказавшись там, она принялась угрожать им мщением за мужа – смертью и жесточайшими пытками. Когда же заговорщики пригрозили, что убьют ее детей, она ответила, что имеет полную возможность народить других. Изумленные таким мужеством, заговорщики, видя к тому же, что папа их не поддерживает, а дядя графини, синьор Лодовико, шлет ей на помощь войско, взяли столько добычи, сколько могли унести, и укрылись в Читта-ди-Кастелло. Графиня снова получила свои владения и со всевозможными жестокостями отомстила за убийство мужа».

Графиня приказала оцепить квартал, где жили убийцы, и устроила там резню, не оставляя в живых ни мужчин, ни женщин, ни детей – никого, кто был связан с убийцами узами хотя бы самого дальнего родства. Следует заметить, что эта мера оказалась действенной – третий муж Катерины, Пьерфранческо де Медичи, умер естественной смертью.

Существует легенда, что Катарина пыталась отравить самого папу Александра Борджа, отправив ему письмо, то ли пропитанное сильнейшим ядом, то ли содержащее чумные бактерии. Андреа Бернарди в «Хрониках Форли» сообщает о некоем «моровом поветрии» – опустошительной эпидемии, поразившей город в конце 1499 года. И вот, по словам Бернарди, графиня приказала положить приготовленное к отправке письмо на одного из больных, надеясь таким способом перенести заразу на Александра.

На расправу со строптивой графиней был послан Чезаре Борджа. Катерина заперлась в замке Форли, отправив во Флоренцию семейные драгоценности и малолетних детей. Военные силы Форли были невелики, но графиня надеялась выдержать осаду. В крепость

спешно завезли припасы, заново укрепили ворота и стены, отремонтировали внешний вал.

Увы, окрестные города предали прекрасную графиню, предпочтя более сильную сторону – бастарда римского понтифика. Жители Форли сами открыли перед Борджа ворота.

Современник этих событий, историк Сануто Марино не без злорадства описывает горестное положение Форли: насилие и разбой, чинимые солдатами Чезаре, стали, по его мнению, достойным воздаянием горожанам за их продажность и низкую измену.

Крепость выдерживала осаду еще две недели. Наконец одна из стен рухнула, в замке началась резня.

Тридцатисемилетняя Катерина Риарио Сфорца была взята в плен. Некоторые свидетели рассказывают, что разозленный ее долгим сопротивлением, Чезаре изнасиловал пленницу, а потом хвастался перед солдатами, что «графиня защищала свой замок куда яростней, чем свою честь». Затем ее заковали в золотые цепи и отвезли в Рим. Надо отметить, что Чезаре лично сопровождал ее, защищая от возможных оскорблений. В Риме графиню сначала поселили в одном из дворцов, но после попытки побега отправили в замок св. Ангела, где она провела еще год. Затем по просьбе французского короля папа освободил Катарину и разрешил уехать во Флоренцию к детям. Там она умерла спустя восемь лет.

Сын Катарины от третьего брака – Джованни делле Банде Нере Медичи – стал знаменитым кондотьером.

Медичи

Среди Медичи, правителей Флоренции, преобладали мирные банкиры, охотнее предпочитающие договариваться, нежели воевать. Основателем династии считается Джованни ди Бичи (1360–1429) – итальянский банкир, участвовавший в махинациях нтипапы Балтазара Коссы и сделавший банк Медичи одним из самых высокодоходных предприятий в Европе. Его сын Козимо пополам с братом получил огромное наследство в 180 000 флоринов (сравните с суммой, выплаченной за Авиньон – всего лишь 30 000).

Никколо Макиавелли: *«В то время Джованни Медичи заболел и, чувствуя, что болезнь его смертельна, призвал к себе своих сыновей – Козимо и Лоренцо – и сказал им: “Похоже, что срок жизни, назначенный мне Богом и природой при рождении моем, приходит к концу. Умираю я вполне удовлетворенным, ибо оставляю вас богатыми, здоровыми и занимающими такое положение, что если вы будете идти по моим стопам, то сможете жить во Флоренции в чести и окруженные всеобщей любовью. Ничто в этот час не утешает меня так, как сознание, что я не только не нанес кому-либо обиды, но по мере сил своих старался делать добро. Призываю вас поступать точно таким же образом. Если вы хотите жить спокойно, то в делах государственных принимайте лишь то участие, на какое дает вам право закон и согласие сограждан: тогда вам не будет грозить ни зависть, ни опасность, ибо ненависть в людях возбуждает не то, что человеку дается, а то, что он присваивает. И в управлении республикой вы всегда будете иметь большую долю, чем те, кто, стремясь завладеть чужим, теряет и свое, да к тому же еще, прежде чем потерять все, живет в беспрестанных тревожениях. Придерживаясь такого поведения, удалось мне среди стольких врагов и в стольких раздорах не только сохранить, но и увеличить мое влияние в нашем городе. И если вы последуете моему примеру, то так же, как и я, сможете и сохранить, и увеличить свое. Но если вы станете поступать иначе, то подумайте о том, что конец ваш будет не счастливее, чем у тех, кто в истории нашей известен как люди, погубившие себя и свой дом”. Вскоре после того он скончался, оплакиваемый согражданами, что являлось заслуженным воздаянием за его добродетели и заслуги».*

Вместе с братом Козимо стал главой одной из партий. О начале его деятельности Никколо Макиавелли рассказывает:

«После кончины Джованни Медичи сын его Козимо стал проявлять к делам государственным еще больший пыл, а к друзьям своим еще больше внимания и щедрости, чем даже его отец... Человек, полный исключительной рассудительности, по внешности

своей и приятный, и в то же время весьма представительный, беспредельно щедрый, исключительно благожелательный к людям, Козимо никогда не предпринимал ничего ни против гвельфской партии, ни против государства, а стремился только всех убогатворить и лишь щедростью своей приобретать сторонников. Пример его был живым укором власти имущим, он же сам считал, что, ведя себя таким образом, сможет жить как человек не менее могущественный и уверенный, чем любой другой, а если бы честолюбие его противников привело к какому-нибудь взрыву, он оказался бы сильнее их и числом вооруженных сторонников, и народной любовью».

Фра Филиппо Липпи

Козимо Медичи, в числе своих полезных дел, заложил традицию покровительства художникам и поэтам. Его особой любовью пользовался фра Филиппо Липпи (1406–1469) – необычайно талантливый художник. Еще в юности родители отдали его послушником в монастырь, а после он был вынужден принять монашеские обеты, хотя совсем не был к этому расположен: на втором месте после живописи у фра Филиппо стояли женщины. Эту слабость ему охотно прощали за его талант. Липпи был учеником знаменитого Мазаччо – гениального, но рано умершего художника, возможно отравленного завистниками. О Липпи говорили, что в нем дух Мазаччо вернулся к жизни.

Джорджо Вазари: *«Был же он, как говорят, настолько привержен Венере, что, увидя женщин, которые ему понравились, он готов был отдать последнее ради возможности ими обладать, и если он не добивался этой возможности никакими средствами, то изображал этих женщин на своих картинах, рассудком охлаждая пыл своей любви. И это воздержание настолько сбивало его с толку, что, находясь в таком состоянии, он мало или вовсе не уделял внимания тем работам, за которые брался. И вот в одном из таких случаев Козимо деи Медичи, для которого фра Филиппо работал в его доме, запер его, чтобы тот не выходил на улицу и не терял времени. Он же, не пробыв там и двух дней, побуждаемый любовным, вернее, животным неистовством, нарезал ножницами полосы из постельных простынь, спустился через окно и много дней предавался своим наслаждениям. Не найдя его, Козимо послал искать его и в конце концов все же вернул к работе; и с тех пор он предоставил ему свободу предаваться удовольствиям и очень раскаивался, что раньше держал его взаперти, памятуя о его безумстве и об опасностях, которые ему грозили. И потому впредь он всегда старался удержать его милостями и этим добился от него большой исполнительности, говоря, что в своем превосходстве редкостные таланты подобны небожителям, а не вьючным ослам».*

В 1456 году Липпи был назначен приором в женский монастырь Санта Маргарита в Прато. Самая красивая и юная из монахинь – Лукреция Бути – позировала фра Липпи для изображения Девы Марии.

Джорджо Вазари: *«...монахинями из Санта Маргарита ему был заказан образ для главного алтаря, и, когда он над ним работал, ему как-то раз довелось увидеть дочь флорентийского гражданина Франческо Бути, которая была туда отправлена не то на воспитание, не то в монахини. Фра Филиппо, заглядевшись на Лукрецию (так звали девушку, отличавшуюся величайшей красотой и обаянием), так обошел монахинь, что добился у них разрешения написать ее портрет, чтобы поместить его в виде фигуры Богоматери в заказанную ими картину. И, влюбившись в нее по этому случаю еще пуще прежнего, он после этого всеми правдами и неправдами добился того, что похитил Лукрецию у монашек и увел ее в тот самый день, когда она пошла смотреть на перенесение пояса Богоматери – чтимую реликвию этого города. Монахини были весьма опозорены этим обстоятельством, и не веселее было и отцу ее Франческо, который приложил все усилия, чтобы получить ее обратно, но она либо из страха, либо по другой причине так и не пожелала возвратиться, а предпочла остаться у Филиппо, от которого у нее родился ребенок мужского пола,*

названный также Филиппо и ставший впоследствии, подобно отцу, отличнейшим и знаменитым живописцем».

Не всякому такой поступок мог бы сойти с рук, но фра Филиппо имел богатых и влиятельных покровителей, его мастерство ценили многие. В 1461 году он был освобожден от монашеского обета папой Пием II и вступил в брак с Лукрецией. Сын фра Филиппо и Лукреции Филиппино Липпи (1457–1504), ученик Боттичелли, унаследовал живописное дарование отца.

Большую часть жизни прожил во Флоренции величайший скульптор кватроченто – Донателло (Донатто ди Никколо ди Бетто Барди), бывший близким другом Козимо.

Джорджо Вазари: *«И так была велика любовь, которую Козимо питал к доблестям Донато, что постоянно давал ему работу; и в свою очередь Донато так любил Козимо, что по малейшему намеку с его стороны угадывал все его желания и во всем ему повиновался. Рассказывают, что один генуэзский купец заказал Донато бронзовую голову, которая вышла прекрасной, как сама природа, и была очень тонко отлита для легкости и для удобства далеких перевозок... И вот, когда она была закончена, купцу показалось, что Донато запрашивает лишнее, поэтому решение дела поручили Козимо, который, приказав принести голову на верхнюю террасу дворца, поместил ее между зубцами, выходящими на улицу, чтобы лучше было видно. Козимо, желая уладить спор, нашел, что предложение купца очень далеко от требований Донато, поэтому, обратившись к купцу, он заявил, что тот дает слишком мало. Купец же, которому сумма казалась преувеличенной, стал утверждать, что Донато работал немного больше месяца и что ему причитается не более полфлорина в день. Тогда Донато, которому казалось, что его очень уж обижают, вспылил и сказал купцу, что он в одну сотую часа может погубить труды и достижения целого года, и, толкнув голову, сбросил ее на улицу, где она разбилась на мелкие куски; к этому он добавил, что купец, по всему видно, привык торговать бобами, а не покупать статуи. Тот, устыдившись, стал предлагать ему двойную цену, только бы он повторил работу, но Донато так и не согласился, несмотря на посулы купца и просьбы Козимо».*

«...под перегородкой около фрески Таддео Галди он исполнил с удивительным старанием деревянное распятие. Закончив его и считая, что он сделал исключительную вещь, он показал ее своему ближайшему другу Филиппо Брунеллеско, чтобы узнать его мнение; Филиппо же, который, со слов Донато, ожидал гораздо большего, увидев распятие, слегка улыбнулся. Заметив это, Донато стал просить его во имя их дружбы высказать свое мнение, на что Филиппо, который был человеком благороднейшим, ответил ему, что, по его мнению, на кресте распят мужик, а не тело, каким оно должно было быть у Иисуса Христа, который обладал тончайшим сложением и во всех частях своего тела был самым совершенным человеком, который когда-либо родился. Донато, почувствовав себя уязвленным, и притом глубже, чем он думал, поскольку он рассчитывал на похвалу, ответил: “Если бы делать дело было бы так же легко, как судить о нем, тогда мой Христос показался бы тебе Христом, а не мужиком; поэтому возьми-ка кусок дерева и попробуй сам”. Филиппо, не говоря больше ни слова, вернувшись домой, тайком от всех принялся за работу над распятием, и, стремясь во что бы то ни стало превзойти Донато, дабы самому не пришлось отказаться от собственного суждения, он после долгих месяцев довел свою работу до высшего совершенства. После этого однажды утром он пригласил Донато к себе позавтракать, и Донато принял приглашение. Когда они шли вместе с Филиппо к его дому и дошли до Старого рынка, Филиппо кое-что купил и, передав покупки Донато, сказал: “Иди с этими вещами домой и подожди меня там, я сейчас же вернусь”. И вот, когда Донато вошел в дом, он сразу же увидел распятие, сделанное Филиппо, хорошо освещенное, и, остановившись, чтобы разглядеть его, он убедился, что оно доведено до такого совершенства, что, сраженный, полный смятения и как бы вне себя, выпустил узел, который держал в руках, и оттуда выпали яйца, сыр и всякая снедь, и все рассыпалось и разбилось. Но он продолжал удивляться и стоял, словно остолбенев, когда вошел Филиппо и

со смехом сказал ему: “Что это ты затеял, Донато? Чем же мы будем завтракать, ежели ты все рассыпал?” “Что до меня, – отвечал Донато, – я на сегодняшнее утро свою долю получил, если хочешь свою – возьми ее, но только не больше; тебе дано делать святых, а не мужиков”».

Внуки Козимо – Лоренцо и Джулиано – пользовались во Флоренции огромной властью и популярностью. Меценаты, покровители ученых и поэтов Джулиано и Лоренцо Медичи сумели внести иные ноты в бесконечную череду убийств и заговоров, какой может представиться эпоха Возрождения. Образованной женщиной и прекрасной поэтессой была их мать – Лукреция Торнабуони, разбиралась в поэзии Лукреция Донати – возлюбленная Лоренцо.

Романтичной и печальной выглядит любовь Джулиано к первой красавице Флоренции – Симонетте Веспуччи. Эта очаровательная женщина прожила на свете всего лишь двадцать два года, но успела вдохновить многих поэтов и живописцев.

Она родилась в Генуе в патрицианской семье, а в 1468 году замужество ввело ее в круг приближенных Медичи. Ее муж – Марко Веспуччи – примечателен, пожалуй, лишь тем, что приходится родственником знаменитому Америго Веспуччи, давшему свое имя Новому Свету.

Симонетта воплощала идеал красоты того времени: она была стройной высокой блондинкой с маленькой упругой грудью и округлым животом. Ее любили все – и мужчины, и женщины – за приятный характер, живой ум и веселый нрав.

До нас дошло много картин прославленных мастеров, считающихся портретами прекрасной Симонетты, но ни одно из этих изображений не было создано при ее жизни. Пьеро ди Козимо, Гирландайо, Боттичелли писали не реальную женщину, а идеальный образ, запечатлевшийся в их памяти. Ей посвящал сонеты Полициано и сам Лоренцо Великолепный.

Полициано:

*«Она чиста, одежды белоснежны,
Хоть розы и цветы на них пестреют.
Ее чело, смиренно-горделиво.
Окружено потоками златыми.
Кругом листва смеется прихотливо,
А очи светят безмятежным миром.
Но в них огонь, припрятанный Амуром».*

Это описание красавицы, встречающей своего героя, возвращающегося с турнира, напоминает прославленную «Весну» Боттичелли. Неудивительно: ведь поэта и художника вдохновляла одна и та же модель. Красавицей была Симонетта, героем – Джулиано Медичи. Описанный в стихах турнир состоялся в январе 1475 года – за год до смерти красавицы. К празднику готовились задолго. В назначенный день 29 января участники состязания проследовали по улицам Флоренции, украшенным флагами и гобеленами. Возглавлял процессию Джулиано, чей убор из золота и серебра со множеством драгоценных камней стоил несколько тысяч дукатов. Вслед за братом ехал Лоренцо, окруженный главными лицами города. За ними несли штандарт кисти самого Боттичелли. Сохранилось его описание: дама Джулиано, прекрасная Симонетта, изображенная в виде Минервы, стоит на пылающих оливковых ветвях. В одной руке у нее щит с головой Медузы, в другой – копьё. Она смотрит на солнце. Амур, стоящий рядом с ней, привязан к стволу оливы, его лук и стрелы сломаны. Солнце олицетворяло славу, которой Джулиано покроет себя на турнире и которая воспламенит сердце красавицы.

За штандартом следовали двенадцать молодых людей в роскошных одеждах. Они ехали на великолепных белых конях колонной по двое с копьями наперевес.

Победителями турнира стали Джулиано и Якопо Питти. Празднество завершилось балами и пирами, роскошь которых еще долго славили поэты и хронисты.

А спустя всего лишь год Лоренцо создал четыре скорбных сонета на смерть дамы, «наделенной такой красотой и благородством, какими не обладала ни одна из живших прежде нее». Для него эта дама была звездой, промелькнувшей на небосводе и на миг затмившей сияющее солнце, то есть его постоянную возлюбленную, его друга Лукрецию Донати.

«Была ночь, и мы с моим дражайшим другом шли вдвоем, беседуя о поразившем нас несчастье. Погода была ясная, и мы, беседуя, увидели на западе сверкающую звезду, столь яркую, что она своим сиянием затмила не только другие звезды, но и прочие светила, померкшие в ее свете. Любуясь той звездой, я обернулся к другу своему и сказал: «Не удивимся мы, если душа этой дивной дамы превратилась в новую звезду или же, вознесясь, соединилась с ней».

Лоренцо оставил описание похорон Симонетты: *«С непокрытым лицом несли ее из дома до склепа, и много слез она заставила пролить тех, кто видел ее... Она внушала сострадание, но также и восхищение, ибо в смерти превосходила ту красоту, которую при жизни ее считали непревзойденной. В ее облике явилась истина слов Петрарки: «Прекрасна смерть на лице сем прекрасном».*

Правителю Флоренции вторил Полициано, оставивший латинскую элегию на смерть Симонетты. Поэт описывал Амура, заметившего распростертую на погребальных носилках юную красавицу, чье неподвижное лицо по-прежнему прекрасно и желанно. Смерть не властна над ее прелестью, и Амур поспешил внушить любовь... умершей. Увы, это невозможно, и богу любви оставалось лишь оплакивать мертвую красавицу и свой несостоявшийся триумф. Джулиано пережил свою возлюбленную всего лишь на два года, он погиб в результате так называемого «заговора Пацци», устроенного врагами Медичи. Они, не страшась святотатства, планировали нанести удар в церкви, воспользовавшись для этого визитом во Флоренцию кардинала, «чтобы в связи с этим Лоренцо и Джулиано оба оказались в одном месте, и с ними можно было покончить одним ударом».

Макиавелли: *«Если в каком деле необходимы твердость и мужество и равная готовность к жизни и к смерти, то именно в таком, ибо слишком часто в нем-то и пропадает решимость даже у людей, привыкших владеть оружием и не бояться кровопролития. Приняв эти решения, они назначили покушение на тот момент, когда священник, служащий мессу, совершает таинство евхаристии.*

Когда все было условлено, они отправились в церковь, где уже находились кардинал и Лоренцо Медичи. В храме было полно народу, и служба началась, а Джульяно Медичи еще не появлялся. Франческо Пацци и Бернардо, которым было поручено расправиться с ним, пошли к нему на дом и всевозможными уговорами и просьбами добились того, чтобы он согласился пойти в церковь. Поистине удивительно, с какой твердостью и непреклонностью сумели Франческо и Бернардо скрыть свою ненависть и свой страшный замысел. Ибо, ведя Джульяно в церковь, они всю дорогу, а затем уже в храме забавляли его всякими остротами и шуточками, которые в ходу у молодежи. Франческо не преминул даже под предлогом дружеских объятий оцупать все его тело, чтобы убедиться, нет ли на нем кирасы или каких других приспособлений для защиты.

Джульяно и Лоренцо хорошо знали, как ожесточены против них Пацци и как стремятся они лишить их власти в делах государственных. Однако они были далеки от того, чтобы опасаться за свою жизнь, полагая, что если Пацци и предпримут что-либо, то воспользуются лишь законными средствами, не прибегая к насилию. Поэтому и они, не опасаясь за свою жизнь, делали вид, что дружески расположены к ним. Итак, убийцы подготовились – одни стояли возле Лоренцо, приблизиться к нему, не вызывая подозрения, было нетрудно из-за большого скопления народа, другие подле Джульяно. В назначенный момент Бернардо Бандини нанес Джульяно коротким, специально для этого предназначенным кинжалом удар в грудь. Джульяно, сделав несколько шагов, упал, и тогда на него набросился Франческо Пацци, нанося ему удар за ударом, притом с такой яростью,

что в ослеплении сам себе довольно сильно поранил ногу. Со своей стороны мессер Антонио и Стефано напали на Лоренцо, нанесли ему несколько ударов, но лишь слегка поранили горло. Либо они не сумели с этим справиться, либо Лоренцо, сохранив все свое мужество и видя, что ему грозит гибель, стал стойко защищаться, либо ему оказали помощь окружавшие, но усилия убийц оказались тщетными. Охваченные ужасом, они обратились в бегство и спрятались, однако их вскоре обнаружили, предали со всевозможными издевательствами смерти и протащили их трупы по улицам».

«Между тем весь город был уже вооружен, а Лоренцо Медичи в сопровождении вооруженных спутников удалился к себе домой. Дворец синьории был освобожден народом, а занимавшие его люди захвачены или перебиты. По всему городу провозглашали имя Медичи, и повсюду можно было видеть растерзанные тела убитых, которые либо несли насаженными на копье, либо волокли по улицам. Всех Пацци гневно поносили и творили над ними всевозможные жестокости. Их дома уже были захвачены народом, Франческо вытащен раздетым, как был, отведен во дворец и повешен рядом с архиепископом и другими своими сообщниками. На пути ко дворцу из него нельзя было вырвать ни слова; что бы ему ни говорили, что бы с ним ни делали, он не опускал взора перед своими мучителями, не издал ни единой жалобы и только молча вздыхал... Не было гражданина, который, безоружный или вооруженный, не являлся бы теперь в дом Лоренцо, чтобы предложить в поддержку ему себя самого и все свое достояние, – такую любовь и сочувствие снискало себе это семейство мудростью своей и щедротами...»

После окончания смуты и наказания заговорщиков совершено было торжественное погребение Джульяно: все граждане со слезами следовали за его гробом, ибо ни один человек, занимавший такое положение, не проявлял столько щедрости и человеколюбия».

Лосев А.Ф.: «Известно своими злодействами и знаменитое семейство Медичи во Флоренции. Даже Лоренцо Медичи, с именем которого связан расцвет флорентийской культуры в XV веке, при котором собиралась Платоновская академия и который вошел в историю как чистейшее воплощение Ренессанса, великий покровитель искусств и наук, отбирал приданое у девушек, казнил и вешал, жестоко разграбил город Вольтерру и отнюдь не пренебрегал интригами, связанными с ядом и кинжалом.

Когда в 1478 году был разоблачен заговор Пацци, сотни заговорщиков и их родственники были преданы смерти, так что улицы покрылись кусками человеческих тел. Многих вешали на окнах монастыря. Тело Якопо Пацци было вырыто из могилы, уже разлагающийся труп с песнями волочили по улицам и бросили в реку».

Сын Лоренцо – Пьетро – не сумел продолжить дело отца. Он был изгнан из Флоренции, и в городе на четыре года установилась власть Джироламо Савонароллы – фанатичного монаха. Пытаясь бороться с «развратом», он вместе с водой выплескивал из купели и ребенка, сжигая книги, картины, уничтожая прекрасные статуи. В своем неистовстве он дошел до того, что призвал к свержению самого Римского понтифика. В 1498 году он был схвачен, обвинен в ереси, подвергнут пыткам и сожжен на костре при огромном стечении народа.

К семейству Медичи принадлежал и знаменитый кондотьер **Джованни дель Банде Нере** – Джованни с Черными Лентами (1498–1526). Прозвали его так из-за черных полос, которые он изобразил на своем гербе вместо традиционных фиолетовых в знак траура после смерти Льва X. Соответственно, его вооруженные формирования получили название «Bande Nere» – что, по созвучию с итальянским словом Banda («банда»), звучало впечатляюще, почти как «черные отряды». Он считается последним из великих итальянских кондотьеров. Джованни был сыном Катерины Сфорца и ее третьего мужа Джованни де Медичи Иль Попполано – потомка младшего сына Джованни ди Бичи. Отец его умер, когда ребенку едва было два года. Своего сына, названного в честь его дяди, Лодовико Моро, после смерти мужа Катерина перекрестила из Людовика в Джованни – в честь умершего супруга. В три года от роду Джованни лишился своего наследственного владения и матери. Город Форли

был взят Чезаре Борджа и стал папским владением, а плененную Катерину силой удерживали в Риме.

Джованни вместе с сестрами и старшим братом воспитывался дядей – Лоренцо Медичи. Позднее, обретя свободу, Катерина поселилась с сыном на вилле Каstellо.

С раннего возраста Джованни проявил способности и большой интерес к физическим упражнениям и военному искусству – верховой езде, фехтованию. В двенадцать лет он совершил свое первое убийство: флорентийские подростки разбивались на банды, делившие «сферы влияния». Часто между ними возникали столкновения, и вот в одной из таких драк Джованни и заколол сверстника. За это он был изгнан из Флоренции. Джованни поступил на службу к папе Льву X (Джованни Медичи) и в восемнадцать лет получил крещение огнем, проявив немалое мужество. Не достигнув и двадцати лет, Джованни стал кондотьером – наемником, и вскоре приобрел немалую славу.

Пьетро Аретино: *«Никогда он не оставлял для себя большей части в жалованье и добыче, чем отпускал своим солдатам. Тяготы и лишения терпел с величайшим спокойствием. В деле не носил никаких знаков отличия, и от соратников можно было отличить его только по сразу приметной доблести. В седле он всегда был первым, из пеших последним. Людей же ценил только по достоинству, не глядя на богатство или сан. Дела его всегда были лучше его слов, но и в совете он не пожинал всуе плодов своей славы. Он поистине удивительно умел управлять своими воинами, когда надо – лаской, когда – гневом. Праздность была ему ненавистнее всего на свете. Его добродетель была, без сомнения, природной, а других грехов, кроме свойственных юности, не было; будь то угодно Господу и проживи он дольше, всякому его доблесть была столь же явной, сколь и мне ныне. Сердцем он был поистине благосклоннейшим из людей. Кратко скажу, что многие будут ему завидовать, но никому не будет дано подражать ему».*

В августе 1523 года еще один Медичи – Джулио (внебрачный сын убитого Джулиано), под именем Климент VII, стал римским папой. Новый папа выплатил Джованни все долги и обещал вернуть материнские земли – Форли и Имолу, с одним условием: прославленный кондотьер должен был перейти на сторону «Коньякской лиги» – союза, который Рим заключил с французами против испанцев. Джованни согласился. Он одержал несколько побед, был ранен, вылечился, снова участвовал в сражениях...

В одном из сражений Джованни был ранен в ногу из артиллерийского орудия. Ранение было очень тяжелым. Его перевезли в Мантую, где он умер от заражения крови. Пытаясь спасти Джованни, врачи решились на ампутацию, но сделано это было слишком поздно. Джованни было двадцать восемь лет.

Пьетро Аретино: *«Джованни согласился на ампутацию ноги лишь после того, как, придя в полное сознание, увидел собственными глазами свою гниющую конечность. “Отрежьте немедленно!” – вскричал он. Хирурги запалили факелы, расстелили белые простыни и привели восьмерых мужчин, чтобы держали пациента. Вооружившись пилой, они приготовились ампутировать ногу ниже колена, когда Джованни вдруг заявил, что и двадцати солдат не хватит, чтобы удержать его. Еще он потребовал, чтобы принесли свечу и чтобы ему было видно, как режут ногу. (Он держал эту свечу сам.) Я бежал от этой сцены, рассказывал Аретино, как вдруг слышу – меня зовут. “Я исцелен”, – проговорил Джованни и указал на отрезанную ногу».*

Но это было не так: гангрена распространилась, его состояние продолжало ухудшаться. Джованни то засыпал, то пробуждался, его лихорадило. «За два часа до рассвета, терзаемый угрызениями совести, он стал кричать, что более чем смерть, его мучает мысль о том, какими болванами показали себя его солдаты», – вспоминал Аретино. Он приказал привести своего восьмилетнего сына Козимо, обнял его и попросил герцога Урбинского позаботиться о мальчишке, научить его быть смелым и справедливым. «Прошу одного: любите меня после моей смерти», – произнес он.

Пьетро Аретино: *«Наступила ночь, и ночью я читал вслух стихи: ему хотелось*

забыться в поэзии. Он попросил о соборовании, потом сказал: “Не хочу умирать в этих тесных стенах, весь в повязках и крови. Вынесите меня на улицу”. Тут же приготовили походную лежанку на траве, и едва тело его коснулось постели, как он уснул вечным сном.

Джованни был похоронен в церкви Святого Франциска в Мантуе, но в 1685 году его останки были перенесены во Флоренцию и похоронены в фамильном мавзолее его потомков. Когда в 1857 году гроб вскрыли, обнаружили его тело в черном доспехе и с ампутированной ногой.

Джорджо Вазари: «...сеньор Джованни ди Медичи был ранен выстрелом из мушкета и перевезен в Мантую, где и скончался. Почему мессер Пьетро Аретино, преданнейший слуга этого сеньора и ближайший друг Джулио [12], и выразил желание, чтобы Джулио изобразил его собственноручно именно мертвым. И тогда Джулио, сняв с мертвого маску, написал по ней портрет, который затем долгие годы стоял у названного Аретино».

Герцог Урбинский сдержал обещание: Козимо вырос и стал герцогом Тосканы. Он был вторым в роду, кто носил титул герцога. Женат он был на красавице Элеоноре Толедской, знаменитой не только своей яркой внешностью, но и элегантными нарядами. Ее неоднократно портретировал Бронзино, запечатлевший великолепие ее платьев. Не так давно археологами была вскрыта ее гробница: прекрасная Элеонора была похоронена в одном из своих роскошных нарядов, которые она так любила, платье сохранилось почти полностью и было восстановлено. К сожалению, эта женщина не была счастлива, хотя была умна, образованна, плодовита: она родила мужу одиннадцать детей. Несмотря на все ее достоинства, в ее семейной жизни было не все гладко: Козимо отличался мрачным характером. Он изменял жене и даже, согласно сплетням, убил одного из сыновей.

Легенда говорит о том, что юноши поссорились и Гарсия (любимчик матери) убил своего брата Джованни, любимого отцом. Он пережил брата всего на месяц и был зарезан рукой Козимо. Спустя несколько дней от горя скончалась и Элеонора.

Козимо горевал недолго и женился на своей давней любовнице Камилле Мартелли, родившей ему дочь. Этой жене он тоже изменял – с Элеонорой дель Альбрицци.

Из сыновей Козимо и Элеоноры до зрелого возраста дожило трое. Герцогом Тосканы стал Франческо. Он не был выдающимся государственным деятелем, но вошел в историю из-за необыкновенной и страшной любовной истории.

«История жизни и трагической смерти Бьянки Капелло»

Повесть с таким названием была чрезвычайно популярна в Италии XVII–XIX веков. Сейчас бы эту историю назвали «историей Золушки», но Золушки-отравительницы.

Бьянка Капелло была родом из Венеции и принадлежала к хорошей патрицианской фамилии. Случай забросил в ее город молодого и красивого флорентийца, служащего одного из банков, Пьеро Бонавентури, поселившегося в доме напротив дома родителей Бьянки. Увидев девушку, Пьеро влюбился: Бьянка была поразительно хороша: золотистые волосы, умные яркие глаза, чувственные губы.

Рассчитывать на брак Пьеро не мог: он был беден, а родители Бьянки – богаты. И все же молодой человек нашел возможность переговорить с юной красавицей: в один из праздников Бьянка отправилась со своей воспитательницей в монастырь – помолиться. Пьеро последовал за ними и сел в ту же гондолу. Он был галантен и, не выходя за рамки приличий, постарался развлечь своих спутниц разговором. Короткого переезда было достаточно, чтобы Бьянка заинтересовалась флорентийцем. Ей захотелось продолжить общение, и Бьянка не побоялась согласиться на свидания в комнате Пьеро. Ночью, стараясь не шуметь, Бьянка спускалась по лестнице, отворяла тяжелую дверь, перебежала узкую улицу и скрывалась у Пьеро. Дверь своего дома она не захлопывала, а только прикрывала, так как замок был снабжен «собачкой», и без ключа дверь снаружи открыть было невозможно. А ключа у Бьянки не было. Но в одну из ночей ночной сторож, следивший за порядком,

проходил по их улице; он заметил, что дверь приоткрыта, и списав это на оплошность хозяев, толкнул ее – дверь захлопнулась. Теперь Бьянка была отрезана от своего дома.

Понимая, что родители не простят ей грехопадения, она решилась на побег. Под предлогом банковских дел Бонавентури достал этой же ночью экстренный пропуск из Венеции, и, прежде чем наступил день, они уже ехали по направлению к Флоренции. Там они стали мужем и женой.

Эта свадьба не стала концом истории! Бонавентури были очень бедны, после приезда Бьянки они даже отпустили свою последнюю служанку, рассчитывая взвалить всю работу по хозяйству на плечи невестки. Карьера ее мужа пострадала: родители Бьянки не простили ему похищения дочери, раздули скандал, и флорентийские банкиры стали смотреть косо на молодого Пьетро.

Бьянка жила в бедности, кляня свою опрометчивую влюбленность. Одевалась она бедно, но даже убогий фасон и дешевая ткань не могли скрыть ее яркой красоты. Однажды герцог Франческо, тогда еще наследник престола, ехал в церковь. Проезжая мимо дома Бонавентури, он взглянул вверх и увидел в окне Бьянку.

Их взгляды встретились, и больше уже герцог Франческо не мог забыть этой встречи, пожелав во что бы то ни стало познакомиться с красавицей. Помочь ему вызвалась маркиза Мондрагоне. Ей оказалось совсем несложно свести знакомство с семьей Бьянки, для этого оказалось достаточно всего лишь подойти в церкви к старухе Бонавентури и завести с ней разговор. Старуха оказалась словоохотливой и принялась жаловаться на бедность, рассказывая про обстоятельства женитьбы сына. Мондрагоне выказала горячее участие, попросила обеих женщин к ней приехать и даже прислала за ними карету. Их привезли в только что выстроенный огромный дворец на площади Санта Мария Новелла. Здесь Бьянка была встречена чрезвычайно ласково. Маркиз Мондрагоне сам милостиво выслушал женщин, обещал свое покровительство, а его жена предложила им осмотреть разные покои и сады дворца. Старуха скоро устала и присела подождать в одной из комнат, а Бьянка пошла дальше. Маркиза привела ее в комнату, где стояли шкафы с нарядными платьями и комоды с драгоценностями. Предложив Бьянке все это осмотреть и выбрать, что понравится, испанка вышла из комнаты. Вместо нее в комнату вошел молодой мужчина – то был герцог Франческо.

Через несколько недель после этого Бьянка стала его «официальной фавориткой». Ее муж был осыпан всякими благами и допущен ко двору. От неожиданного благополучия он потерял всякую осторожность и вскоре нажил много врагов, не приобретя друзей. Он не понимал, что теперь только мешает честолюбивым планам своей жены. Вскоре глупый и жалкий Пьеро Бонавентури был убит ночью за мостом Тринита.

Год спустя после убийства Бонавентури умер Козимо, и Франческо сделался великим герцогом. Он был женат на Иоанне Австрийской, которую обычно описывают как некрасивую и меланхоличную женщину. Портреты, впрочем, изображают ее весьма милостивой. Она родила Франческо семерых детей, из которых только один был мальчиком – и он умер в возрасте пяти лет. Рожая восьмого младенца, Иоанна умерла. Злые языки твердили, что это Бьянка столкнула герцогиню с лестницы, спровоцировав преждевременные роды.

Теперь ничто не препятствовало венецианке сделаться законной женой Франческо и герцогиней Тосканской. В 1579 году Бьянка Капелло, некогда проклятая своим отцом за побег, была обвенчана и коронована под именем «дочери Венецианской республики и королевы Кипра». Ее родители поспешили забыть свой гнев и слали дочери письма, полные любви, уверяя, что вся ее родная Венеция гордится этой «истинной и достославной дочерью Республики Св. Марка». Новоявленную герцогиню принял сам папа Сикст V и поднес ей в подарок золотую розу.

Одного не хватало Бьянке – наследника. Но беременности все не наступало. Тогда Бьянка решилась инсценировать материнство: тайно она поселила в своих покоях четырех

женщин на сносях и первая из них, кто разрешится от бремени, должна была отдать дитя ей. Женщинам обещали деньги, но на самом деле все они были убиты – спастись удалось лишь одной. Именно она и разгласила подлинные обстоятельства появления на свет «сына» Бьянки Капелло. Но несмотря на это, он был крещен как сын Бьянки и Франческо – Антонио де Медичи.

У Франческо не было других сыновей, и до рождения Антонио его наследником считался брат, кардинал Фердинандо, ненавидевший Бьянку. Эта женщина могла лишит его престола; говорят, она даже покушалась на его жизнь. Разумеется, и Фердинандо ждал первого случая, чтобы умертвить венецианку. Они сторожили и наблюдали друг друга. Иногда они вступали в перемирие. Одно такое притворное перемирие было между ними осенью 1587 года.

Бьянка и ее муж проводили осень в своем дворце Поджио а Кайяно, и герцог Франческо пригласил брата к себе на охоту. Вечером в небольшой зале замка был накрыт ужин на троих. Бьянка настойчиво угощала кардинала очень аппетитными на вид пирожными, приготовленными ею самой. Но Фердинандо так же настойчиво и решительно отказывался. «Уж не думаете ли вы, что они с ядом?» – вступил в разговор ни о чем не подозревающий Франческо; с этими словами, он взял кусок пирожного и съел его, продолжая шутить. Слегка побледневшая Бьянка Капелло колебалась лишь мгновение. Затем она тоже съела свою долю. Еще не был кончен ужин, как герцог и его жена почувствовали признаки отравления. Оба умерли в мучениях, умоляя допустить к ним врача, но люди кардинала с оружием в руках преграждали всякий доступ в ту комнату. На другой день Антонио де Медичи был объявлен незаконнорожденным, и герцог Фердинанд I взошел на престол. Франческо был похоронен с почестями в семейном склепе в базилике Сан-Лоренцо, Бьянка же – как бесчестная женщина, в неизвестном месте. Их внутренности, извлеченные при бальзамировании, были погребены отдельно – в церкви города Бонисталло, неподалеку от виллы, где наступила смерть. Современные исследования этих канопов показали, что оба были отравлены мышьяком.

Гербы Бьянки были стерты с общественных зданий, отныне в официальных документах она именовалась «Злодейка Бьянка». К чести Фердинандо можно сказать, что он пощадил Антонио де Медичи под условием вступления в Мальтийский орден.

Лосев А.Ф.: *«Когда в XVI века Медичи восстановили свое господство во Флоренции, вся их дальнейшая история ознаменовывается убийствами, заговорами и зверствами. В 1537 году герцог Алессандро был заколот своим родственником и товарищем по разгулу Лоренцино Медичи, которого через 11 лет убивает в Венеции наемник, подсланный преемником Алессандро, герцогом Козимо I. Говорили, что сам Козимо I в припадке бешенства заколот своего сына Гарциа. Сын Козимо, Пьетро, убил кинжалом жену Элеонору, а его дочь Изабелла была задушена своим мужем Паоло Орсини».*

Медичи дали миру четырех римских пап: Льва X, любившего веселую жизнь и растранившего казну Ватикана; Льва XI, пробывшего в этом сане всего лишь 24 дня; Пия IV, осудившего Лютера и Кальвина, и преследуемого неудачами Климента VII (именно при нем от католического мира откололась Англия).

Борджа

Борджа не были в Италии «своими», хотя один из римских пап уже носил эту фамилию: Алонсо де Борха, чей род восходил к древним королям Арагона, в середине кватроченто занял трон св. Петра под именем Каликста III. Именно при нем Рим наводнили испанцы, вызвав откровенную неприязнь со стороны итальянцев. Когда папы-итальянцы раздавали должности своим родственникам, все считалось в порядке вещей, но когда молодой Родриго де Лансоль и Борха был возведен в кардинальское достоинство, Рим вознегодовал. В 1458 году, когда Каликст находился на смертном одре, в городе вспыхнуло

восстание, возглавленное кланом Орсини. Надо отметить, что к этому роду принадлежали пять римских пап и великое множество кондотьеров. Многие испанцы были убиты, некоторые покинули страну, но Родриго де Борджа, как он теперь звался на итальянский лад, не выказал ни растерянности, ни страха. Он прибыл на конклав кардиналов и участвовал в выборах, поддержав кандидатуру кардинала Пикколомини, ставшего Пием II. С новым папой у кардинала Борджа установились самые теплые отношения.

Сохранилось письмо, написанное Пием Родриго, в котором понтифик отечески журит молодого кардинала за его поведение, не соответствующее статусу духовного лица:

«Возлюбленный сын, до Нашего слуха дошло известие, будто бы четыре дня назад ты принимал участие в некоем празднестве в садах Джованни де Бикис, куда сошлись многие женщины Сиены; забыв о сани, коим ты облечен, ты находился среди них с семнадцатого до двадцать второго часа. При этом тебя сопровождало еще одно духовное лицо, столь желавшее оказаться на празднике, что его не остановили ни забота об авторитете святой церкви, ни хотя бы мысль о собственном возрасте. Мы слышали, что танцы в означенных садах отличались самым необузданным весельем и не было там недостатка в любовных соблазнах, ты же вел себя так, как обычно ведет себя в подобных случаях мирская молодежь. Стыд мешает Нам продолжать, ибо речь идет о таких делах, самое упоминание о коих несовместимо с твоим саном, не говоря уже об участии в них. Как нам сообщили, ни один из родственников этих девиц – ни отец, ни брат, ни муж – не был приглашен и не присутствовал на вашем сборище, чтобы не помешать веселью.

Слышали Мы также, что вся Сиена только и говорит, что о развлечениях твоего преосвященства. Во всяком случае, здесь, на водах, где собралось множество людей всякого звания, и духовных и светских, ты уже стал притчей во языцех.

Скорбь Наша из-за этих событий, пятнающих достоинство церкви, безмерна. Поистине, правы будут теперь те, что станут упрекать Нас; правы, говоря, что Наше богатство и власть служат лишь погоне за наслаждениями. Как сможем Мы теперь призывать к благочестию князей, пренебрегающих своим долгом перед святой церковью, чем ответим на насмешки невежественной толпы? Пастырь, чья жизнь не безупречна, губит и себя, и свою паству. И столь же сурового осуждения заслуживает наместник Господа Христа, если постыдные деяния совершены кем-нибудь из его подчиненных.

Возлюбленный сын мой! Ты возглавляешь епископство Валенсийское, первое в Испании; ты канцлер католической церкви и, наконец, ты – кардинал, один из советников Святейшего престола. Все это делает твое поведение еще более предосудительным. Размысли сам, прилично ли твоему преосвященству шептать ласковые слова юным девицам, слать им фрукты и вино и проводить время в непрерывной череде развлечений. Знай, что Мы с сокрушенным сердцем выслушиваем порицания в твой и – косвенно – в Свой адрес; и многие здесь уже говорят, что твой дядя, покойный Каликст, сделал ошибку, доверив тебе столь ответственные посты.

...Поистине мы собственноручно раним себя, мы накликаем на свою голову злую беду, допуская, чтобы наши поступки бесчестили дело церкви. Расплатой нам будет позор в этом мире и загробные муки. Возможно ли, сын мой, чтобы разум не подсказал тебе все эти доводы? Неужели следует разьяснять, что прозвание волокиты и любезника несовместимо с кардинальским достоинством?

Ты знаешь о Нашей неизменной любви к тебе, о том, сколь высоко Мы ценим твои способности. Если ты дорожишь Нашим добрым мнением, то помни, что должен изменить свой образ жизни. Твоя молодость объясняет многое, но не может служить оправданием, и тем больше у Нас оснований ныне обращаться к тебе со словами отеческого упрека.

Петриоло, 11 июня 1460».

Надо признать, что кардинал Борджа очень любил женщин и пользовался взаимностью. По воспоминаниям современника, «каждая, на коей останавливался его взгляд, тут же

ощущала в крови любовное волнение, и лишь немногим из них удавалось устоять перед его царственным обаянием. Он притягивал их, как магнит – кусочки железа». Подобно многим своим современникам духовного звания, он наплодил бастардов и не все их матери известны. Длительное время Борджа жил с Джованной де Катанеи (1442–1518), чаще ее имя пишут как Ваночца де Катанеи. Считается, что именно она передала Борджа рецепт их страшного яда – кантареллы. О ее происхождении ничего не известно, из чего можно заключить, что она не принадлежала к знати. Известно, что Ваночца не относилась к хорошо образованным женщинам и даже не умела писать. Она жила в Риме и формально считалась замужней женщиной, мужья менялись: всего Ваночца венчалась четыре раза. Сохранилось два ее портрета кисти Тициана и менее известного Инноченцо Франкузи. Судя по этим изображениям, Джованна относилась к самому модному в то время типу женщин: белокожая, дебелия, светловолосая с крупными правильными чертами лица.

Между 1447 и 1482 годами она подарила кардиналу Борджа трех сыновей: Цезаре, Джованни, Жофре и дочь Лукрецию. Достигнув зрелости, она считалась обеспеченной женщиной: помимо собственного дома, ей принадлежало цветущее поместье в Субурре и небольшая гостиница в Риме. Но Ваночца старела, и кардинал переключил свое внимание на новую пассию – юную Джулию Фарнезе, которая родила ему дочь Лауру. Не сохранилось ни одного портрета, про который было бы точно известно, что это изображение именно «Прекрасной Джулии». Однако Вазари упоминает картину Пинтуриккио: «В этом же дворце он изобразил над дверью одного из помещений Богоматерь с лицом синьоры Джулии Фарнезе и на той же картине голову поклоняющегося ей названного папы Александра». Изображение было настолько двусмысленным, что вызвало скандал, Джулию стали называть «папской шлюхой» и «невестой Христовой». Позднее фреска, по этим причинам, была уничтожена, однако до нас дошла ее копия, сделанная Пиетро Факеттио.

Некоторое время Борджа еще поддерживал отношения с Ваночцей, но затем расстался с ней. Сплетники передавали шокирующие подробности, что она пыталась отравить Адриану де Мила – кузину Родриго за то, что та выступила сводней в его отношениях с Джулией Фарнезе, а узнав об этом, пожилой кардинал даже приказал публично высечь свою бывшую любовницу. Но скорее всего, это выдумки. Как бы то ни было, после своего избрания папой римским Борджа приказал забрать детей у Ваночци, и она больше ни разу с ними не виделась и даже не была приглашена на их бракосочетания. Конец жизни эта женщина провела в молитвах, завещав все свое имущество церкви.

Иннокентий VIII скончался 25 июля 1492 года. Спустя три дня конклав пришел к единому мнению: римский папа – Родриго Борджа.

Историк XV–XVI веков Рафаэль Маффеи по прозвищу Волатеран: «...*Это человек дальновидный и разносторонне одаренный; речь его изящна и занимательна для собеседника, ибо природный ум возмещает его преосвященству не очень глубокую начитанность. Свойственна ему также несравненная ловкость в обделывании всех затеянных дел...*»

«*Никогда на престоле св. Петра не находился человек худший, чем он*», «*это будет, как говорят здесь, великолепный папа*», «*невозможно было бы найти лучшего пастыря для Святой церкви*» – так по-разному комментировали современники это избрание. Понтификат Борджа имел и хорошие и плохие стороны. С одной стороны, он навел в Риме порядок и перевешал воров и грабителей, расплотившихся при попустительстве Сикста и Иннокентия. С другой стороны, страшные слухи о ночных убийствах и отравлениях, об оргиях, устраиваемых семейством Борджа, приводили в ужас всю Италию. Они превосходили все, что католический мир видел до сих пор: папа Александр VI собирал на свои ночные оргии до пятидесяти куртизанок. Как и его предшественники, он торговал должностями, милостями и отпущением грехов. Ни один кардинал не был назначен при нем, не заплатив большую сумму. Современники утверждают, что он сожительствовал со своей дочерью Лукрецией, которую по политическим расчетам четырежды выдавали замуж.

Первые ее три брака длились недолго: одного ее мужа отравили, на другого было устроено покушение и он был тяжело ранен при входе в церковь Святого Петра. «Так как он не желал умирать от ран, его нашли в постели задушенным», – записал папский церемониймейстер Бурхард.

Последний муж Лукреции – Альфонс, избежавший печальной судьбы предшественников, происходил из рода Эсте. Их свадьба состоялась в 1501 году, брак продлился восемнадцать лет, Лукреция дала жизнь нескольким детям и стала очень набожной. В память обо всех мужчинах, причиной гибели которых она стала, герцогиня посадила цветник из амарантов, название этого цветка переводится как «неувядающий».

Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло: *«Всего только восемь лет прошло, как Лукреция вышла замуж за Иоанна Сфорца, своего первого мужа. Свадьбу отпраздновали с такой пышностью, какой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные священники, причем каждый из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина пятьдесят блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие, – сначала одни, а потом с кардиналами. Наконец по сигналу Лукреции накидки были сброшены, и танцы продолжались под рукоплескания святого отца. Затем перешли к другим забавам. Его святейшество подал знак, в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, папа и гости кидали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женищинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руках приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому любовнику».*

По слухам, Лукреция также была любовницей своего брата Цезаря и родила ребенка не то от отца, не то от брата. «Она не покидала комнат святого отца», – сообщает Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло, папский церемониймейстер, скрупулезно записывавший все события, происходившие в Ватикане.

Джироламо Савонарола о Лукреции Борджа: *«Отравительница и безжалостная убийца. Кровосмесительница, прелюбодейка, исчадие ада и отродье гремучей змеи, дочь шакала и гиены».*

Лукреция помогала отцу в управлении церковью; она вскрывала папские депеши, созывала священную коллегия. Очень часто сразу же после пиршества она председательствовала на совещании святой коллегии в одежде гетеры, с открытой грудью, едва прикрытая прозрачным муслином, сохранился даже ее портрет в этом наряде. В таком виде она, развлекаясь, задавала щекотливые вопросы при обсуждении самых непристойных дел. Присутствие кардиналов не мешало ей быть нежной с папой или принимать его ласки, так что даже привыкший ко всему епископ Бурхард, описывая происходящее, восклицает: «Позор! Ужас!»

Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло: *«Сегодня его святейшество, чтобы развлечь госпожу Лукрецию, велел вывести на малый двор папского дворца несколько кобыл и молодых огненных жеребцов. С отчаянным взвизгиванием и ржанием табун молодых лошадей рассыпался по двору; гогоча и кусая друг друга, жеребцы преследовали и покрывали кобыл под аплодисменты госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались этим зрелищем из окна спальни. После этого отец и дочь удалились во внутренние покои, где и пребывали целый час».*

Сын папы – Цезаре Борджа представлялся современникам абсолютным злодеем. Утверждали, что именно по его приказу был отравлен кардинал Джованни Борджа, его двоюродный брат и заколот кинжалом его родной брат – тоже Джованни, герцог Гандиа.

Произошло это после ужина в доме их матери Ваноцци. Труп бросили в Тибр, это видел один паромщик. Когда позже во время расследования его спросили, почему он не сообщил губернатору об увиденном, тот ответил: «С тех пор как я занимаюсь перевозом, я видел, как более сотни трупов было брошено в этом месте реки, и об них еще ни разу не производилось следствия. Поэтому я думал, что этому случаю не будут придавать значения больше, чем предыдущим». В Риме каждую ночь находили убитыми до четырех-пяти человек, и все эти злодеяния приписываются Цезаре Борджа. О Борджа-отравителях рассказывали жуткие и почти невероятные истории: утверждали, что Лукреция для убийств употребляет специальный ключ, будто бы от ее спальни, который она вручает жертве, назначая свидание. Крохотный заусенец, смазанный ядом, ранит кожу, и человек умирает спустя несколько часов.

Цезаре для подобных целей использовал перстень: кольцо царапало кожу жертвы при рукопожатии. Цезаре якобы наловчился разрезать отравленным лишь с одной стороны ножом фрукты так, что сам, съедая одну его половину, оставался невредим, а приглашенный к обеду гость, которому доставалась другая половина, погибал. Знаменитое вино Борджа имело особенно страшные свойства: его действие сказывалось лишь спустя длительное время: у человека выпадали зубы, волосы, сходила кожа, и он умирал после долгой и мучительной агонии. Утверждали, что Александр VI с сыном отравили трех кардиналов (Орсини, Феррари и Микаэля), чтобы завладеть их огромным состоянием.

Однажды Александр VI решил расправиться сразу с несколькими кардиналами и для этого устроил званый обед. Предполагая, что гости с большим недоверием отнесутся к приглашению, если трапеза состоится в его доме, он попросил кардинала Корнето уступить ему на один день свой дворец. Замысел удался: кардиналы приняли приглашение.

Александр вручил слуге две бутылки «специального» вина, распорядился припрятать их до поры и наливать только в те бокалы, на которые он укажет. Дождаясь гостей, Александр с сыном почувствовали жажду и попросили налить им вина. К несчастью для них, тот доверенный слуга в этот момент куда-то отлучился, а прислуживавший за столом мальчик поленился спускаться в погреб и взял да и откупорил стоявшие тут же неподалеку бутылки. Александр выпил свой кубок залпом, Цезаре же разбавил вино водой, это и спасло ему жизнь: оказывается, ни о чем не подозревавший слуга подал им их же отравленного вина.

Александр умер этой же ночью.

Историк XV–XVI веков Рафаэль Маффеи по прозвищу Волатеран: *«Страшное зрелище представлял собой черный, обезображенный, вздутый труп, распространявший вокруг себя отвратительный смрад; темная слизь покрыла его губы и ноздри, рот был широко раскрыт, и язык, распухший от яда, свисал почти до подбородка. Не нашлось ни одного фанатика, который осмелился бы приложиться к руке или ноге покойного, как это обычно бывает».*

Цезаре остался жив, позднее он жаловался Макиавелли, что «он обдумал все, что могло случиться, если его отец умрет, и нашел средство для всего, но что он никогда не мог себе представить того, что в этот момент он сам будет находиться при смерти». Смерть отца означала для него конец всего: богатства, титулы, привилегии – все было отнято. Став наемником – кондотьером, четыре года спустя он погиб на юге Франции в неравном бою. Незадолго до смерти он женился, и супруга родила Цезаре дочь. Его потомки живут до сих пор.

Глава 6 Медичи во Франции

Прекрасные представительницы рода Медичи дважды занимали французский престол. Обе они были связаны с королем Генрихом Великим – Генрихом IV. Одна из них приходилась матерью его первой жены, вторая стала его второй супругой. Екатерина

Медичи была матерью последних королей династии Валуа, Мария Медичи стала родоначальницей династии Бурбонов.

Несмотря на одинаковую фамилию и принадлежность к одному роду, Екатерина и Мария не были близкими родственницами: Екатерина была дочерью Лоренцо II и правнучкой Лоренцо Великолепного. Она принадлежала к старшей ветви знаменитой династии, берущей начало от старшего сына Джованни ди Бичи – мудрого Козимо, покровительствовавшего Филиппо Липпи и Донателло. Эта ветвь пресеклась со смертью единокровного брата Екатерины – Алессандро, рожденного чернокожей служанкой. Он прожил всего двадцать семь лет и был убит своим родственником, оставив по себе очень плохую память: его обвиняли в разнообразных извращениях, многочисленных изнасилованиях и убийствах. Несмотря на это, он стал первым правителем Флоренции, кто носил титул герцога, пожалованный ему завоевателем – императором Карлом V.

Законного потомства Алессандро не оставил, власть и титул Великого герцога Тосканы перешли к его родственнику Козимо – сыну знаменитого кондотьера Джованни Дель Банде Нере, который был потомком младшего сына Джованни ди Бичи – Лоренцо. Мария Медичи, ставшая французской королевой, приходилась Козимо внучкой; она была дочерью Франческо и Хуанны Австрийской, сброшенной с лестницы коварной Бьянкой Капелло. Своих дочерей от первого брака папаша благоразумно держал подальше от мачехи-отравительницы в замке Питти во Флоренции. К сожалению, почти все они отличались неважным здоровьем и до зрелых лет дожили лишь две девочки: Мария и Элеонора, ставшая женой герцога Мантуи. Их браки устроил дядя Фердинанд, ставший герцогом после внезапной смерти брата.

С Генрихом Наваррским его связывали давние и почти дружеские отношения, женитьба сорокасемилетнего короля на двадцатипятилетней герцогине стала залогом крепкого союза двух монархов.

Для женитьбы на молодой итальянке Генрих развелся со своей первой супругой – Маргаритой Наваррской. Эту даму не следует путать с ее тезкой, автором известного сборника новелл «Гептамерон», умершей за три года до рождения «Королевы Марго». Та первая Маргарита, называемая также Маргаритой Ангулемской, приходилась своей младшей тезке двоюродной бабкой.

А вот ее мужу – Генриху IV – Маргарита Ангулемская доводилась родной бабушкой по матери – Жанне Д'Альбре, королеве Наварры, якобы отравленной злой Екатериной Медичи с помощью надушенных перчаток. Эта женщина действительно скоропостижно скончалась после прибытия на свадебные торжества в Париж. Имело ли на самом деле место отравление, сказать сложно: Екатерину Медичи во Франции очень не любили и, зная об обычаях итальянской знати, подозревали в привычке чуть что использовать яд. Усугубляло этот зловещий образ и то, что после безвременной кончины супруга королева одевалась исключительно в черное. Напомним: Генрих II погиб в возрасте сорока лет от случайного ранения на турнире, деревянное, не боевое, копье сбило с короля забрало и через глаз пронзило мозг. Считается, что именно это трагическое событие предсказал Нострадамус в своем катрене:

*Молодой Лев победит старого
На поле боя, во время одиночной дуэли,
В золотой клетке ему выцарапают глаза.
Два флота соединятся в один, потом он умрет страшной
смертью.*

Особо жутким это предсказание делает свидетельство епископа Троя, свидетеля всего произошедшего, который сообщил, что и король, и граф на злосчастном костюмированном празднике изображали именно львов.

Прибавила ей недоброй славы и жуткая Варфоломеевская ночь – массовое истребление

протестантов, с приказанием «не щадить никого», замышленное и организованное «Черной королевой».

Агриппа Д'Обинье: *«Заметив в короле некоторое колебание, королева, среди других разговоров, чтобы ободрить его, произнесла следующие слова: “Не лучше ли растерзать эти гнилые члены, чем лоно церкви, супруги господа нашего?” Король решился...»*

Маргарита де Валуа: *«Осторожность... никогда не покидала мою мать, и она, умеряя свои чувства, как сама того хотела, ясно показала, что скромный человек не делает ничего такого, что он не хочет делать, не демонстрирует свою радость и не расточает похвалы...»*

«Я росла при королеве-матери настолько боясь ее, что не только не осмеливалась разговаривать с ней, но когда она смотрела на меня, я цепенела от страха, что сделаю что-нибудь такое, что ей не понравится».

«Через несколько месяцев принц Наваррский, ставший королем Наварры, еще не сняв траура по матери, прибыл в Париж в сопровождении 800 дворян. Он был принят королем и всем двором с большими почестями, и через несколько дней наша свадьба прошла с таким торжеством и великолепием, которых не удостаивалась ни одна из принцесс. Король Наваррский и все его окружение сняли траур и облачились в богатые и красивые наряды, и весь двор был разодет... лучше, чем я. Я же была одета как королева: на мне была корона, усыпанная драгоценностями, пелерина из горностая и большое голубое платье, шлейф которого длиной в 4 локтя несли три принцессы. От Лувра до собора Парижской Богоматери были воздвигнуты помосты, как это делалось всегда, когда выходили замуж принцессы крови. Внизу толпился народ, стараясь увидеть свадебную процессию и весь двор. По помосту мы подошли к входу в собор, где в тот день отправлял службу кардинал Бурбон. Он встретил нас у собора и сказал подобающие по такому случаю слова...»

Брак этот не был ни несчастным, ни счастливым. Супруги испытывали влечение друг к другу, однако слишком многое мешало им быть вместе.

Воспоминания Маргариты де Валуа о событиях Варфоломеевской ночи: *«Мне обо всем этом ничего не говорили, но я видела всех за делами. Гугеноты были в отчаянии от этого поступка, а все де Гизы перешептывались, боясь, как бы те не захотели отомстить им как следует. И гугеноты, и католики относились ко мне с подозрением: гугеноты – потому что я была католичкой, а католики – потому что я вышла замуж за короля Наваррского, который был гугенотом. Мне ничего не говорили вплоть до вечера, когда в спальне у королевы-матери, отходившей ко сну, я сидела на сундуке рядом со своей сестрой принцессой Лотарингской, которая была очень грустна. Королева-мать, разговаривая с кем-то, заметила меня и сказала, чтобы я отправлялась спать. Я присела в реверансе, а сестра взяла меня за руку, остановила и громко разрыдалась, говоря сквозь слезы: «Ради бога, сестра, не ходите туда». Эти слова меня очень напугали. Королева-мать, заметив это, позвала сестру и сердито запретила что-либо рассказывать мне. Моя сестра возразила ей, что не понимает, ради чего приносить меня в жертву, отправляя туда. Несомненно, что, если гугеноты заподозрят что-нибудь неладное, они захотят выместить на мне всю свою злость. Королева-мать ответила, что Бог даст и со мной ничего плохого не случится, но как бы то ни было, нужно, чтобы я пошла спать, иначе они могут заподозрить неладное, что помешает осуществить план.*

Я видела, что они спорили, но не понимала о чем. Королева-мать еще раз жестко приказала мне идти спать. Обливаясь слезами, сестра пожелала мне доброй ночи, не смея сказать ничего более, и я ушла, оцепенев от страха, с обреченным видом, не представляя себе, чего мне надо бояться. Оказавшись у себя, я обратилась с молитвой к Богу, прося его защитить меня, сама не зная от кого и от чего. Видя это, мой муж, который был уже в постели, сказал, чтобы я ложилась спать, что я и сделала. Вокруг его кровати стояло от 30 до 40 гугенотов, которых я еще не знала, так как прошло лишь несколько дней после нашей свадьбы. Всю ночь они только и делали, что обсуждали случившееся с адмиралом,

решив на рассвете обратиться к королю и потребовать наказания месье де Гиза. В противном случае они угрожали, что расправятся с ним сами. Я же не могла спать, помня о слезах сестры, охваченная страхом, который они во мне вызвали, не зная, чего мне бояться. Так прошла ночь, и я не сомкнула глаз. На рассвете мой муж сказал, что хочет пойти поиграть в лапту в ожидании пробуждения короля Карла. Он решил сразу просить его о наказании. Он и все его приближенные вышли из моей комнаты. Я же, видя, что занимается рассвет, и считая, что опасность, о которой говорила сестра, миновала, сказала своей кормилице, чтобы она закрыла дверь и дала мне вволю поспать.

Через час, когда я еще спала, кто-то, стуча ногами и руками в дверь, закричал: «Наваррский! Наваррский!» Кормилица, думая, что это был мой муж, быстро побежала к двери и открыла ее. На пороге стоял дворянин по фамилии де Леран, раненный шпагой в локоть и алебардой в руку. Его преследовали четыре стрелка, которые вместе с ним вбежали в мою комнату. Стремясь защититься, он бросился на мою кровать и схватил меня. Я пыталась вырваться, но он крепко держал меня. Я совершенно не знала этого человека и не понимала его намерений – хочет ли он причинить мне зло или же стрелки были против него и против меня. Мы оба с ним были очень напуганы. Наконец, слава Богу, к нам прибыл месье де Нанси, капитан гвардии, который, видя, в каком я состоянии, и сострадая мне, не мог вместе с тем удержаться от смеха. Он очень рассердился на стрелков за их бестактность, приказал им выйти из моей комнаты и освободил меня из рук этого несчастного, который все еще держал меня. Я велела уложить его в моей комнате, перевязать и оказать ему помощь, пока он не почувствует себя хорошо. В то время когда я меняла свою рубашку, так как вся была в крови, месье де Нанси рассказал, что произошло, заверяя меня, что мой муж был в комнате короля Карла и что с ним все в порядке. На меня набросили темное мантио и капитан отвел меня в комнату моей сестры мадам Лотарингской, куда я вошла скорее мертвая от страха, чем живая. Сюда через прихожую, все двери которой были открыты, вбежал дворянин по фамилии Бурс, спасаясь от стрелков, преследовавших его. В трех шагах от меня его закололи алебардой. Я потеряла сознание и упала на руки месье де Нанси. Очнувшись, я вошла в маленькую комнату, где спала моя сестра. В это время месье де Мьоссан, первый дворянин из окружения моего мужа, и Арманьяк, первый слуга моего мужа, пришли ко мне и стали умолять спасти им жизнь. Я поспешила к королю Карлу и королеве-матери и бросилась им в ноги, прося их об этом. Они обещали выполнить мою просьбу».

Описанный в мемуарах эпизод, когда в спальне Маргариты укрылся дворянин де Леран, вдохновил Дюма на описание аналогичного спасения де Ла Моля. Де Ла Моль действительно считался любовником Маргариты и действительно был казнен, но он вовсе не был романтичным юношей: на момент смерти ему исполнилось 48 лет. Слава Маргариты Ангулемской-Наваррской как писательницы и меценатки была весьма велика, поэтому вторая Маргарита Наваррская старалась во многом ей подражать: писала сонеты, держала литературный салон, однако потомкам она запомнилась благодаря другим своим качествам.

Таллеман де Рео: *«Королева Маргарита в молодости отличалась красотой, несмотря на то что у нее были слегка отвисшие щеки и несколько длинное лицо. Никогда, пожалуй, не было на свете женщины, более склонной к любовным утехам. У нее была особая бумага, поля которой усеивали сплошь эмблемы побед на поприще любви; бумагой этой она пользовалась для любовных записок. Она изъяснялась галантным стилем того времени, но была весьма неглупа. От нее сохранилось сочинение под названием «Плохо обставленный уголок спальни», по которому можно судить, какова была ее особая манера письма.*

Она носила большие фижмы со множеством карманчиков, в каждом из коих находилась корбочка с сердцем усопшего любовника; ибо когда кто-то из них умирал, она тотчас же заботилась о том, чтобы набальзамировать его сердце. Фижмы эти она каждый вечер вешала на крюк за спинкой кровати и запирала на замок.

Со временем она ужасно растолстела и при этом заставляла делать себе лиф и юбки

гораздо шире, чем следовало, а по ним и рукава. Мерка ее была на полфута больше, чем у других. Она носила белокурый шиньон цвета отбеленного льна с желтоватым оттенком, ибо рано облысела. Посему на висках у нее были большие букли, тоже белокурые, которые ей время от времени подстригали. В кармане она всегда носила про запас волосы того же цвета, опасаясь, что в нужную минуту их не окажется под рукою; дабы придать себе большую статность, она вставляла себе в платье по бокам жестяные планки, расширявшие лиф. Через некоторые двери она не могла пройти».

Сплетники приписывали ей несколько внебрачных детей, умерших во младенчестве. Иногда говорили, что один из них выжил и стал капуцином. Несмотря на обилие любовников и некоторые причуды, Маргарита была женщиной весьма набожной и богобоязненной и всегда заказывала неисчислимое количество месс и вечерен. Безудержное стремление к любовным утехам было ее единственной слабостью, во всем остальном Марго была на редкость благоразумна. У нее был гибкий ум, и она умела приспособливаться к требованиям своего времени. Долго не соглашаясь на расторжение своего брака с королем, она однако же смирилась с неизбежным и даже *«наговорила множество льстивых слов покойной Королеве-матери [13], и когда г-да де Сувре и де Плювинель подвели к ней покойного Короля [14], воскликнула: «Ах, как он красив! Ах, как он хорош! Сколь же счастлив Хирон, воспитующий сего Ахилла! [15]»*

Придворный сплетник и талантливый писатель Таллеман де Рео собрал немало сплетен и анекдотов о Генрихе IV, впрочем, король охотно подавал к этому поводы: по списку фавориток он обогнал всех прочих французских королей. Впрочем, по части его мужских способностей современницы высказывались довольно язвительно:

Таллеман де Рео: *«Как-то Генриху IV доставили некую Фанюш, которую ему выдали за девственницу. Найдя дорожку достаточно проторенной, он принялся насвистывать. “Что это значит?” – спросила она. “А это я зову тех, – ответил он, – кто прошел здесь до меня”. “Жмите, жмите и нагоните”», – откликнулась Фанюш».*

Одной из первых фавориток называют Шарлотту де Сов, фрейлину Екатерины Медичи, входившую в знаменитый «летучий эскадрон» красавиц, использовавшийся «Черной королевой» в шпионских и дипломатических целях. Это позволяет утверждать, что Шарлотта была очень привлекательна, несмотря на то что портреты изображают ее большеносой и излишне худощавой. Недостатки в чертах лица, по всей видимости, искупались обаянием, к тому же дама должна была быть очень грациозна, ведь по велению любившей элегантность Екатерины Медичи ее фрейлины утягивали свои талии до 33 сантиметров.

Маргарита де Валуа: *«...мадам де Сов... за короткое время... довела своих возлюбленных – моего брата и моего мужа – до такой степени пылкости (как это бывает у молодых людей, до этого их чувства были спокойными), что они, забыв о долге, о своих амбициях и намерениях, ни о чем другом не думали, кроме как об этой женщине. И дошли до такой горячей ревности друг к другу, что, несмотря на то, что она еще пользовалась благосклонностью месье де Гиза, Легаста, Сувре и многих других сеньоров, к которым она благоволила больше, чем к этим двум, они ни на что не обращали внимания. А те в свою очередь не боялись домогательств ни того, ни другого. И эта женщина, чтобы лучше разыграть свою роль, стала убеждать моего мужа в том, что я ревную его к ней и что по этой причине я стою на стороне моего брата. Мы легко верим в то, что бывает нам сказано любимыми».*

Мой муж поверил ей, отдалился от меня и начал скрытничать, чего раньше никогда не было; ибо что бы ни приходило ему в голову, он говорил обо всем со мной свободно, как с сестрой, зная, что я нисколько его ни к кому не ревновала, желая лишь, чтобы он был доволен. Теперь же я увидела, что то, чего я больше всего опасалась, произошло, я лишилась его искренности, которая всегда была в наших отношениях. Недоверие, которое убивает близость, лежит в основе ненависти, идет ли речь о родственниках или друзьях».

«Больная, с высокой температурой, я пролежала в постели несколько дней. А мой муж, то ли потому, что был занят подготовкой к отъезду, то ли потому, что, собираясь покинуть двор, хотел использовать ту малость, которая у него оставалась, чтобы насладиться обществом своей возлюбленной мадам де Сов, не нашел и минуты навестить меня».

Шарлотта де Сов стала любовницей Генриха Наваррского по поручению Екатерины Медичи, она шпионила за ним и стравливала его с братьями Маргариты и с де Гизами, заводя с ними романы. Именно она передала королеве-матери информацию, приведшую к казни де Ла Моля. Эта дама участвовала во множестве интриг, перевернувших многие судьбы. Она дожила до 66 лет и умерла, возможно, от яда. Генрих заводил романы еще со многими фрейлинами Екатерины, несмотря на то что все они с большей или меньшей долей вероятности были ее шпионками: Луиза де ля Беродьер дю Руэ, Виктория де Аяла, мадемуазель Рёбур...

Порой король увлекался и фрейлинами своей жены: Франсуаза де Монморанси-Фоссо стала его любовницей, достигнув едва ли 16 лет. Забеременев, она всерьез надеялась стать королевой, но ребенок-девочка родился мертвым. Франсуазу удалили в провинцию и выдали замуж.

Во время страстной влюбленности в молодую вдову Диану д'Андуан, прозванную «красавицей Коризандой», Генрих даже написал ей обещание жениться, причем сделал это собственной кровью. Красавица родила ему сына, но обещание король не сдержал. Мальчик не дожил до взрослого возраста.

Он обещал жениться и другой своей любовнице – Габриэль д'Эстре (1573–1599). Она стала любовницей Наваррского в 1591 году. По воспоминаниям современников, Габриэль была очень умной, образованной и практичной женщиной, именно она первой навела короля на мысль сменить вероисповедание, чтобы решить свои проблемы с Католической Лигой. Генрих был увлечен ею сверх всякой меры, любовники пользовались каждым удобным случаем, чтобы побыть вместе, а в случае разлуки писали друг другу нежные письма.

Она родила Генриху троих детей: Сезара, Екатерину Генриетту и Александра; всем им король пожаловал титулы герцогов. Сама Габриэль стала маркизой де Монсо и графиней де Бофор, впрочем, это не мешало сплетникам за глаза называть ее графиней-шлюхой. Это было зло и несправедливо: Габриэль действительно любила Генриха и старалась всячески ему помочь. Она налаживала связи через свою сестру и их многочисленных подруг-католичек, стремясь привести страну к миру. Генрих называл ее своим лучшим дипломатом и очень ценил.

Он действительно обратился к папе Клименту VIII с просьбой разрешить ему развестись с бесплодной Маргаритой де Валуа и заключить новый брак и подарил возлюбленной кольцо, которое было ему вручено при ритуале коронации. Все шло к свадьбе, Габриэль радовалась и твердила, что лишь Господь или смерть короля могут помешать ее счастью, но судьба распорядилась иначе. В апреле 1599 года у Габриэль вдруг начались преждевременные роды, и она умерла, произведя на свет мертвого младенца. Все были убеждены, что ее отравили либо Валуа, либо те, кто желал, чтобы король Генрих заключил иной брак – с Марией Медичи.

Генрих был безумно опечален! Он горевал... целых шесть дней. Спустя неделю монарх познакомился с Екатериной Генриеттой де Бальзак д'Антраг и был поражен не только ее красотой, а в значительно большей степени сходством с покойной Габриэль. Трудно сказать, состояли ли эти дамы в каком-то родстве, но внешне они действительно были схожи как сестры. Король тут же принялся добиваться взаимности. В отличие от д'Эстре д'Антраг не испытывала к нему никаких чувств, однако она не собиралась отказываться от выпавшего на ее долю счастья. Родители поддерживали честолюбивую и алчную дочь, помогая ей заманивать влюбленного Генриха. Ими был составлен документ с условиями, на которых Екатерина Генриетта соглашалась стать королевской любовницей: сто тысяч экю, титул

маркизы и письменное обещание жениться в случае рождения сына. Генрих согласился. Документ был подписан в октябре 1599 года, девушка получила титул маркизы де Верней, но сына она родила лишь в 1601 году, а к этому времени Генрих был уже женат на Марии Медичи. Семья д'Антраг тут же принялась называть младенца истинным дофином Франции и требовать развода короля с его второй супругой. Они даже впутывались в заговоры с целью убийства Генриха и возведения на престол его внебрачного сына.

Таллеман де Рео: *«У Генриха IV было великое множество любовниц; но в постели он бывал не слишком расторопен, а потому всегда носил рога. Острили, что его и на раз едва хватает. Г-жа де Верней назвала его однажды “Капитан Хочет, да не Может”, а в другой раз – ибо Королю доставалось от нее нещадно – она ему заявила, пусть, мол, радуется, что он Король, не то его вообще нельзя было бы выносить, до того разит от него падалью. Покойный Король, желая прикинуться шутником, говаривал: “Это я в батюшку пошел: потом воняю”».*

«Полагаю, никто не одобрял поведения Генриха IV в отношении его жены, покойной Королевы-матери [16], когда дело шло о его любовницах; ведь поселить г-жу де Верней у самого Лувра (в замке Ла-Форс) и мириться с тем, что Двор из-за нее чуть ли не делится на два лагеря, было, по правде говоря, не политично и не слишком пристойно. Г-жа де Верней была умна, но и горда; она не питала никакого почтения ни к Королеве, ни к Королю; говоря с последним о Королеве, она называла ее “Ваша толстая баржа” и как-то на вопрос Короля, что бы она делала, если бы оказалась в порту Нюлли в тот день, когда Королева едва там не утонула, ответила: “Я бы стала кричать: Королева идет ко дну!”

В конце концов, Король порвал с г-жой де Верней; она стала вести образ жизни наподобие Сарданапала или Виттеллия, только и помышляла что о еде, об острых приправах и требовала, чтобы даже в спальне у нее стояла миска с едой. Она до того растолстела, что стала просто безобразна. Но ум никогда ее не покидал. Ее мало кто навещал. Детей у нее отняли; ее дочь воспитывалась вместе с королевскими дочерьми».

Генриетта изменяла королю и отзывалась о нем с крайним презрением, высмеивая его бессилие как мужчины. Генрих злился, негодовал, но продолжал любить ее, хотя и заводил других женщин. Из-за одной из них – Шарлотты-Маргариты де Монморанси, супруги принца Конде, увезенной ревнивым мужем в Бельгию, Генрих чуть было не начал военные действия. Война не началась только лишь из-за смерти французского короля от руки убийцы в 1610 году.

В этом заговоре подозревали как королеву Марию Медичи, так и семью д'Антраг.

Пьер Д'Этуаль: *«В пятницу 14 мая 1610 года около 4 часов вечера король в своей коляске без охраны, имея при себе только Эпернона, Монбазона и четырех-пятерых других, проезжал мимо св. Иннокентия в Арсенал. Когда его коляска благодаря заграждению пути дорожной повозкой и двухколесной телегой была принуждена остановиться на углу улицы де ла Фероньер, против нотариуса, по имени Путрен, король был безжалостно убит коварным и гнусным негодяем по имени Франсуа де Равальяк, уроженцем города Ангулема; он воспользовался данным случаем, чтобы нанести этот злополучный удар (он давно уже выжидал, находясь в Париже только с этой целью, и его величество предупреждали, чтобы он имел охрану, но он не придавал этому значения). В то время как король внимательно слушал письмо, которое читал д'Эпернон, он набросился на него с яростью, держа в руке нож, и нанес последовательно два удара в грудь его величества; последний удар пришелся прямо в сердце, перерезал сердечную артерию и таким образом лишил этого доброго короля дыхания и жизни. Видя, что король истекает кровью, д'Эпернон покрыл его плащом; когда он и остальные убедились, что он мертв, они стали, как могли, успокаивать народ, сильно смущенный и взволнованный этим случаем, крича народу, что король только легко ранен и чтобы они ободрились; повернули прямо на каретный двор Лувра, и из коляски, в которой бедный государь весь плавал в крови, его извлекли мертвым, хотя один сплетник этого времени нагло напечатал рассуждение, в котором архиепископ д'Эмбрен исповедует и*

напутствует в Лувре короля, который, несмотря на то, что был вполне мертв, поднял будто бы глаза и руки к небу, свидетельствуя тем, что он умер христианином и добрым католиком. Это послужило причиной (и вполне основательной) к запрещению что-либо публиковать или печатать относительно смерти короля; это было объявлено по городу под бой барабанов».

Мария Медичи

Итальянка в чужой стране, супруга короля, имевшего другую, невенчанную альтернативную жену, Мария тяжело переносила свое положение. Она родила стране наследника престола, родила еще двух сыновей и трех принцесс, но даже не была коронована. Лишь в 1610 году, за несколько дней до того, как Генрих собирался отправиться с войсками в Брабант, Мария уговорила его короновать ее в Сен-Дени. А на следующий день, 14 мая, король был убит Равальяком. Всего супружеская жизнь Марии продлилась десять лет.

Таллеман де Рео: *«...Королева-мать... твердо верила в предсказания... верила в то, что большие, громко жужжащие мухи понимают все, что говорится, и повторяют сказанное. Увидев хотя бы одну, она никогда не говорила ничего, что должно было оставаться в тайне».*

«Покойная Королева-мать со своей стороны не очень-то старалась ладить со своим супругом, она придиралась к нему по любому поводу. Однажды, когда он велел выпороть дофина, она воскликнула: “С вашими ублюдками вы бы так не поступили!”

– Что до моих ублюдков, – отвечал он, – мой сын всегда сможет их высечь, ежели они станут валять дурака; а вот его-то уж никто не выпорот.

Я слышал, будто Король дважды собственноручно высек дофина: один раз, когда тот возымел отвращение к некоему придворному, да такое, что в угоду ему пришлось выстрелить в этого дворянина из незаряженного пистолета для виду, словно его убивают; в другой раз за то, что дофин размозжил головку воробью; и поскольку Королева-мать рассердилась, Король сказал ей: “Сударыня, молитесь бога, чтобы я еще пожил; если меня не станет, он будет дурно обращаться с вами”.

Кое-кто подозревал что Королева-мать причастна к смерти Короля: потому-то, мол, никто не видел показаний Равайака. Достоверно известно, что Король, когда Кончини (впоследствии маршал д’Анкр) отправился навстречу ему в Монсо, сказал: “Умри я, этот человек погубит мое государство”».

В управлении страной она не участвовала, но не Генрих был тому виной: он несколько раз приглашал ее на Совет, но Мария плохо разбиралась в тонкостях политики, не улавливала смысл витиеватых дипломатических пассажей и откровенно скучала. Зато она любила драгоценности и прекрасно в них разбиралась, предпочитая всем прочим камням бриллианты и жемчуг. Платье, которое она надела на крестины дофина Людовика XIII, было украшено тремя тысячами алмазов и тридцатью тысячами жемчужин. Всего в ее коллекции насчитывалось 5878 жемчужин. Нелюбимая народом королева постаралась окружить себя верными людьми – итальянцами, и этим вызвала еще большую неприязнь французов. Наибольшую ненависть вызывали Кончино Кончини и его жена Леонора Дори Галигаи. Она была молочной сестрой королевы и пользовалась ее безграничным доверием и любовью. Внешне Леонора совсем не соответствовала канонам красоты того времени: она была «маленькая, очень худая, очень смуглая, хорошо сложенная особа с резкими и правильными чертами лица». Супруг Леоноры исполнял при королеве обязанности шталмейстера, он был «тщеславен и хвастлив, гибок и смел, хитер и честолюбив, беден и жаден». Он стал главным фаворитом королевы, именно ему приписывалось отцовство в отношении младшего сына Марии Медичи Гастона.

После гибели супруга Мария Медичи назначила Кончини первым камергером,

губернатором Амьена и сделала его маршалом Франции, несмотря на то, что военным он не был. Фаворита считали одним из богатейших людей Франции: только для того, чтобы купить Анкрский маркизат, ему было пожаловано из казны восемь миллионов экю. Мария Медичи не только постоянно ссужала фаворита деньгами, но даже подарила ему несколько драгоценных камней из короны.

Своего богатства он не скрывал: Кончини любил пиры и праздники, он содержал роскошный особняк, оценивавшийся в 200 тысяч экю. Этот особняк от Лувра отделял большой овраг, и маршал приказал соорудить специальный мост, чтобы ему было удобнее попадать к своей владычице. Это сооружение народ без стеснения называл «мостом любви». Кончини чаще проводил время в Лувре, чем дома: на допросах Леонора Галигаи заявила, что ее муж «не обедал, не ужинал и не спал с нею на протяжении последних четырех лет». Современники называли ситуацию отвратительной, скандальной. Кончини и его жена фактически управляли страной, манипулируя податливой и не слишком умной королевой. Определенной политической цели у них не было, они действовали лишь ради личного обогащения и, не стесняясь, брали взятки.

Кончилась эта идиллия, когда Людовик XIII подрос и тоже завел себе фаворита. Им стал Шарль д'Альбер, позднее ставший герцогом де Люинем. Их с королем связывали очень близкие отношения, многие историки склонны считать молодых людей любовниками. Что ж, Людовик действительно всю жизнь несколько побаивался женщин.

Таллеман де Рео: *«Проявлять свои любовные чувства Король начал прежде всего к своему кучеру Сент-Амуру. Потом он почувствовал склонность к Арану, псарю. Великий приор Вандомский, командор де Сувре и Монпуйан-Ла-Форс, человек умный и мужественный, но некрасивый и рыжеватый (он погиб впоследствии во время войны с гугенотами), были удалены один за другим Королевою-матерью. Наконец появился г-н де Люин».*

Под влиянием своего друга, он обрел уверенность в себе, решил стать из номинального короля фактическим и отдал приказ Никола Витри, капитану своих гвардейцев, убить Кончини. Весной 1617 года, когда фаворит королевы по «мосту любви» шел во дворец в окружении пятидесяти человек свиты, перед ним неожиданно возник Витри и схватил его за руку со словами: «Именем короля вы арестованы!» Кончини оторопел, затем возмутился и попытался выхватить шпагу, чтобы наказать наглеца, но не успел: три пистолетные пули почти одновременно поразили его, одна из них угодила в лицо, изрядно его изуродовав, и по крайней мере два ранения были смертельными. Упавшего Кончини гвардейцы принялись избивать ногами, а его охрана не сделала ни малейшей попытки его защитить, сразу же обратившись в бегство. Витри отправился сообщить монарху, что его приказ исполнен. Людовик XIII приказал открыть окно, вышел на балкон и, не скрывая своей радости, крикнул убийцам: «Большое спасибо! Большое спасибо всем! С этого часа я король!» Когда Марии Медичи сообщили о гибели ее фаворита, она побледнела и, узнав, кто и по чьему приказу его убил, произнесла: «Я царствовала семь лет, теперь меня ждет венец только на небе».

Мария попросила аудиенции у короля, но Людовик XIII велел ответить, что у него нет времени принять ее. Она настаивала, упрашивала, напоминая о сыновнем долге, но Людовик так ее и не принял. Зато в ее покои явился Витри и запретил ей покидать свои апартаменты. Каменщики замуровали все двери, кроме одной, превратив королеву в пленницу. В это время за окнами другие рабочие разрушали «мост любви».

Но, увы, это был еще не конец! На следующий день толпа разыскала могилу, где было поспешно зарыто тело Кончини, и раскопала ее. «Бесчинство началось с того, что несколько человек из толпы стали плевать на могилу и топтать ее ногами, – рассказывал г-н Кадне, брат коннетабля де Люиня. – Другие принялись раскапывать землю вокруг могильного холма прямо руками и копали до тех пор, пока не нащупали места стыка каменных плит».

Вскоре надгробный камень был поднят, и кто-то из толпы наклонился над раскрытой могилой. Он привязал веревку к ногам трупа, уперся ногами и начал тащить. Священники,

попытавшиеся помешать надругательству, вынуждены были спасаться бегством. Когда мертвое тело оказалось на поверхности, шквал палочных ударов обрушился на труп, и без того изуродованный гвардейцами Витри. Труп протащили волоком до Нового Моста и там привязали за голову к нижней части опоры. Парижская чернь, словно сойдя с ума, принялась плясать вокруг, распевая непотребные куплеты. Потом какой-то юноша, достав из кармана нож, отрезал мертвецу нос и в качестве сувенира сунул себе в карман. Его пример оказался заразителен: каждому из присутствовавших захотелось взять себе хоть что-то на память. Пальцы, уши и даже «стыдные части» исчезли в мгновение ока. Менее удачливым пришлось довольствоваться «клочком плоти», вырезанным из мягкой части ягодицы... Когда каждый получил свой кусок, еще более возбужденная толпа отвязала от моста то, что осталось от трупа, и с дикими воплями потащила его дальше через весь Париж, чтобы вновь вернувшись к Новому Мосту сжечь его на костре.

Г-н Кадне: *«В толпе был человек, одетый в красное, и, видимо, пришедший в такое безумие, что погрузил руку в тело убитого и, вынув ее оттуда окровавленную, сразу поднес ко рту, обсосал кровь и даже проглотил прилипший маленький кусочек. Все это он проделал на глазах у множества добропорядочных людей, выглядывавших из окон. Другому из одичавшей толпы удалось вырвать из тела сердце, испечь его неподалеку на горящих угляях и при всех съесть его с уксусом!»*

Жена Кончини, Леонора Галигаи была обвинена в колдовстве, арестована, подвергнута многочисленным допросам и акту экзорцизма. Суд счел ее ведьмой, повинной в занятиях черной магией, и два месяца спустя она была обезглавлена и сожжена на Гревской площади. Мария Медичи прожила еще двадцать пять лет. Некоторое время она находилась в заключении в Блуа, затем бежала оттуда в Ангулем, потом помирилась с сыном и вернулась в Париж, но не найдя общего языка с кардиналом Ришелье, вынуждена была снова оставить столицу Франции. Она переселилась в Лондон, затем в Кельн, где и умерла в бедности и одиночестве.

Де Люинь еще целых четыре года считался самым влиятельным человеком в стране. Его боялись, но не любили, видя в нем второго Кончини. Он требовал и получал новые должности (специально для него была восстановлена должность коннетабля Франции), выгодно женился сам и устроил хорошие партии своим братьям. Но затем король охладил к своему любимцу, увлекшись молодым красавцем Анри Куаффье де Рюзе, маркизом де Сен-Мар. Шарль д'Альбер де Люинь был отправлен подальше от Парижа, командовать королевскими войсками в войне против беарнских кальвинистов. Во время военных действий он подхватил лихорадку и умер. Роман короля с Сен-Маром тоже не продлился долго: молодой человек впутался в заговор против Ришелье и в 22 года сложил голову на плахе.

Кроме увлечений мужчинами, Людовик XIII имел красавицу-жену – воспетую в литературе Анну Австрийскую и дважды переживал платонические увлечения с ее придворными дамами: Марией Хатефор и Луизой де Лафайет.

Таллеман де Рео: *«Покойный Король был неглуп; но, как я уже однажды сказал, ум его имел склонность к злословию; говорил он с трудом (Г-н д'Аламбон сильно заикался. Король, увидевший его в первый раз, обратился к нему, заикаясь, с каким-то вопросом. Тот, как вы можете себе представить, ответил ему таким же образом. Это неприятно поразило Короля, словно этот человек желал посмеяться над ним. Подумайте только, как это все выглядело правдоподобно! И ежели бы Короля не уверили, что этот дворянин – заика, Король, быть может, обошелся бы с ним дурно.), и поскольку в придачу он отличался робостью, то и держался, как правило, нерешительно. Он был хорошо сложен, довольно сносно танцевал в балетах, но почти всегда изображал смешных персонажей. Он прочно сидел в седле, мог при случае легко снести усталость и умел выстроить армию в боевой порядок.*

Он был немного жесток, как и большинство замкнутых и малодушных людей, ибо

правитель наш доблестью не отличался, хотя и желал прослыть отважным. При осаде Монтобана он безучастно взирал на тех гугенотов, которых Бофор велел оставить в городе; большинство из них были тяжело ранены и лежали во рвах замка Королевской резиденции (рвы эти были сухие, и раненых снесли туда, как в наиболее надежное место); Король так ни разу и не распорядился напоить их. Несчастных пожирала муха.

Долгое время он развлекался тем, что передразнивал гримасы умирающих. Узнав, что граф де Ларош-Гийон (Это был человек, который умел забавно говорить.) находится при смерти, Король послал к нему дворянина, дабы справиться, как он себя чувствует. “Скажите Королю, – ответил граф, – что он сможет поразвлечься довольно скоро. Ждать вам почти не придется: я вот-вот начну свои гримасы. Не раз помогал я ему передразнивать других, нынче настает мой черед”. Когда Сен-Мар был осужден, Король сказал: “Хотел бы я посмотреть, как он гримасничает сейчас на эшафоте”.

...он любил... 2-жу д’Отфор, которая была всего лишь фрейлиной Королевы. Подружки говорили ей: “Милочка, тебе ничего не перепадет: Король наш – праведник”.

Король увлекся затем девицей де Лафайетт. Королева и 2-жа д’Отфор стакнулись против нее и с той поры действовали заодно. Король вернулся к 2-же д’Отфор, Кардинал велел ее прогнать; это, однако, не нарушило ее союза с Королевой.

Однажды 2-жа д’Отфор держала в руке какую-то записку. Король хотел прочесть ее, она не давала. Наконец он решил отнять записку; 2-жа д’Отфор, которая его хорошо знала, спрятала листок на груди и сказала: “Ежели хотите, возьмите записку отсюда”. И знаете, что сделал Король? Взял каминные щипцы, боясь дотронуться рукою до ее груди.

Однажды он придумал мотив, который ему очень нравился, и послал за Буаробером, чтобы тот написал слова. Буаробер сочинил куплеты, посвященные любви Короля к 2-же д’Отфор. Король сказал: “Стихи подходят, но только надобно выкинуть слово “вождею”, ибо я вовсе не “вождею”... Его любовные увлечения были престранными: из чувств влюбленного он взял одну ревность.

Кардинал, который был не очень-то доволен Луизой де Лафайетт и понимал, что надо чем-то развлечь Короля, обратил свои взоры на Сен-Мара, второго сына маршала д’Эффиа. Он заметил, что Король уже питает некоторую склонность к молодому сеньору, который был красив и хорошо сложен, и решил, что, будучи сыном его ставленника, тот станет послушнее ему, нежели кто-либо другой. Сен-Мар противился этому возвышению целых полтора года; он любил удовольствия и достаточно хорошо знал Короля; в конце концов он покорился своей судьбе. Король никогда никого не любил так горячо. Король называл его “любезным другом”. При осаде Арраса, когда Сен-Мар находился там с маршалом де Лопиталем и пожелал стать во главе прикрытия военного обоза, ему пришлось писать Королю по два раза на дню; и однажды Государь даже заплакал, долго не получая от него вестей. Кардиналу хотелось, чтобы Сен-Мар докладывал ему обо всем до самых мелочей, а тот желал докладывать Кардиналу лишь о самом для него важном; их разлад впервые обнаружился, когда Господин Главный вознамерился присутствовать на Государственном Совете.

Покойный Король, приготовляя варенье, сказал: “Душа Сен-Мара была столь же черна, как дно этой кастрюли”».

Глава 7 Королева Христина

Небесные знамения, имевшие место в 1626 году, ясно сообщили придворным астрологам шведского короля Густава-Адольфа, что ему следует ожидать рождения сына. Наступил декабрь, пришло время королеве рожать, и произвела она на свет младенца, который, однако, оказался не сыном, а дочерью, которую назвали Христиной. Раздосадованный король приказал воспитывать девочку как мальчика; он очень привязался к ребенку, часто напоминая девочке о том, что она – будущий король. Именно так: король, а не

королева.

С матерью девочка виделась редко. Мария Элеонора Бранденбургская, хоть и считалась самой красивой и элегантной королевой Европы, была настолько нервной и злой женщиной, что общение с ней сказывалось на ребенке явно отрицательно. «Она обладала всеми слабостями и грехами, присущими женскому полу», – вспоминала о ней Христина.

Девочке исполнилось всего лишь шесть лет, когда ее отец погиб на войне и Христина стала монархом Швеции.

Она была очень умна и развита не по возрасту: изучала иностранные языки, интересовалась политикой, экономикой, древней историей. С пятнадцати лет Христина стала самостоятельно принимать иностранных послов, затем начала участвовать в Королевском совете. Она переписывалась с Рене Декартом и даже уговорила старого ученого переехать в Швецию. К сожалению, почти сразу после приезда он жестоко простудился и умер от пневмонии. Злые языки твердили, что причиной болезни стало необычно раннее время для посещений, назначенное ему Христиной: занятая делами королева отвела для бесед с ученым время с шести до семи утра, а Декарт привык обычно вставать поздно.

Притязания многочисленных женихов Христина отвергала, объявив, что решила остаться девственницей по примеру Елизаветы Английской. Конечно же сплетники старались угадать, есть ли у королевы любовник. Называли молодого графа Делагарди, дипломата Класа Укессона Тотта и... прекрасную графиню Эббу Спарре. Эта женщина, славившаяся своей красотой и умом, стала ближайшей подругой Христины на долгие годы, и даже покинув страну королева продолжала писать Эббе, заполняя свои письма уверениями в вечной любви. Впрочем, цветистый стиль был принят в то время.

Отказавшись от замужества, Христина назначила своим наследником своего двоюродного брата – Карла-Густава Пфальцского. В 1650 году шведская корона была объявлена наследственной в его роду, а спустя четыре года Христина отреклась от престола. Ей были назначены доходы с нескольких областей в размере 200 тыс. риксдалеров ежегодно; в отведенных ей землях она пользовалась всеми правами королевы; ей запрещено было лишь отчуждать эти области, и население их обязано было присягнуть на верность Карлу-Густаву.

Причины ее поступка остались не поняты современниками и получили разнообразные противоречивые толкования у историков. Властная, честолюбивая, умная, привыкшая к роскоши, молодая – ей исполнилось всего лишь двадцать восемь лет – королева внезапно отказывается от всего, что составляло основу ее жизни и отправляется в путешествие, которое продлится всю ее оставшуюся жизнь. Поступок поистине странный!

Выехав из Швеции, Христина добралась до Брюсселя. Часть пути она проделала верхом в седле, переодевшись в мужское платье; часть – в карете, в женском наряде. В Брюсселе в день Рождества 1654 года она приняла католичество, приняв имя Мария-Александра. Это вызвало сенсацию во всей Европе, еще большую чем ее отречение. По приглашению папы Александра VII Христина (все же она предпочитала называться своим старым именем) перебралась в Рим и поселилась там в роскошном палаццо Фарнезе.

Ей не было тогда еще тридцати лет. Она славилась на всю Европу своим умом и образованностью, молва о смелости ее характера и скандальных любовных похождениях лишь добавляла ей шарма. Поэтому Рим встретил Христину как героиню. Только что вошедший на престол папа Александр VII произнес речь, посвященную ее приезду, приветствуя новообращенную католичку, и подарил ей изумительной красоты карету, запряженную шестеркой белых лошадей и исполненную по рисунку Бернини. Однако Христина не воспользовалась подарком: она въехала в город верхом, на мужском седле. Высыпавшая на улицы Рима толпа с интересом разглядывала странную гостью. Судя по портретам и по описаниям современников, она была небольшого роста, худощава, плохо сложена, с очень смуглым лицом и большим носом. Особенно неприятное впечатление производил на римлян ее низкий и грубый голос.

Расположившись во дворце, Христина предалась всевозможным увеселениям. Папа

Александр VII был даже несколько смущен той малой заботой о благочестии, которую она проявляла. Церковные службы очень рано прискучили ей, даже несмотря на сопровождавшую их оперную музыку. Во время мессы она могла вдруг расхохотаться во все горло над нашептанным ей на ухо непристойным анекдотом. Папа пытался увещевать свою духовную дочь, но тщетно. Он не добился от Христины даже того, чтобы она носила в церквах четки, как подобает всякой католической даме. Христина смеялась над ним открыто и угрожала уехать, если ей будут надоедать советами.

Зато римская знать была рада развлечь экзотическую гостью. Традиционный карнавал того года был даже назван в честь Христины «Карнавалом королевы». Римская знать соперничала в великолепии устроенных ради нее празднеств. Князь Памфили воздвиг перед своим дворцом павильон, в котором избранное общество проводило дни и ночи за пиршествами и азартной игрой. Барберини тешили Христину турнирами, фейерверками, скачками и костюмированными шествиями на прилегающей к их дворцу площади с фонтаном Тритона. В палаццо Альдобрандини шесть тысяч человек слушали новую оперу, переполненную всякими диковинными явлениями, вплоть до арабского каравана с верблюдами и слонами, несущими на спине башни. Во всех этих празднествах и увеселениях Христине принадлежало первое место, она легко нашла себе множество новых друзей, из которых самым верным и близким сделался молодой и красивый секретарь Ватикана кардинал Адзолини.

«Мое времяпрепровождение состоит в том, чтобы хорошо есть и хорошо спать, немного заниматься, приятно беседовать, смеяться, смотреть итальянские, французские и испанские комедии и вообще жить в свое удовольствие», – признавалась Христина в письмах друзьям.

Все вечера Христина проводила в театре, где держала себя так, что римский народ скоро перестал стесняться ее. Однажды она опоздала к представлению, публика выражала досаду и нетерпение свистками и криками. Христина поднялась в своей ложе и начала комически раскланиваться. В другом подобном же случае на свист она отвечала свистом. Теперь, как только она появлялась на улицах, острые на язык римляне кричали ей вслед «любезности», граничащие с непристойностями. Христина, высунувшись в окно кареты, отвечала им в том же духе. Она вовсе не была смущена и тем более огорчена, напротив, все это ей очень нравилось!

Тогда Александр VII перешел от увещеваний к действиям и сократил новообращенной ее содержание. Обиженная Христина, продав часть имущества и драгоценностей, села на корабль и отплыла во Францию. После ее отъезда палаццо Фарнезе являл вид разрушения. Свита королевы расхитила серебряную посуду, сорвала со стен гобелены, распродала картины и даже сняла часть медных листов, которыми была покрыта крыша.

На французский берег она высадилась, облаченная в мужской камзол с лентой через плечо, юбку, доходящую лишь до колен, в белых чулках и башмаках, в напудренном парике, прикрытом широкополой шляпой с большим пером. Однако французский король отчего-то не высказал особого ликования в связи с ее приездом. Христина даже планировала вернуться в Рим, но передумала из-за случившейся в Вечном городе чумы и предпочла поселиться в выделенном ей для жительства Фонтенебло.

Мадемуазель де Монпансье: *«После балета мы вместе с королевой отправились в комедию. Там она меня удивляла чрезвычайно. Чтобы выразить свое одобрение местам, которые ей нравились, она клялась именем Бога. Она почти ложилась на своем кресле, протягивала ноги в разные стороны и задевала их за ручку кресла. Она принимала такие позы, какие я видела только у Травелина и Жоделе, арлекинов итальянской и французской комедии. Она громко читала вслух стихи, которые ей запомнились, и говорила о тысяче вещей, и говорила, надо сознаться, очень хорошо. Иногда ее охватывало глубокое раздумье, она сидела некоторое время молча и тяжело вздыхала и затем вдруг просыпалась и вскакивала на ноги. Она во всем совершенно необыкновенна!»*

Ее пребывание во Франции ознаменовалось отвратительным событием: расправой с маркизом Мональдески, бывшим любовником Христины. Формально он состоял при ней главным управителем дел и некоторое время пользовался неограниченным доверием королевы. Его погубила вражда с другим подобным же кавалером двора Христины, неким Франческо Сантинелли. В чем именно заключалась вина Мональдески, с точностью не известно. По-видимому, то были письма, где фаворит имел неосторожность слишком откровенно распространяться о милостях к нему королевы, не удержавшись при этом от насмешек над ней. Как бы то ни было, получив эти письма от Сантинелли, Христина была страшно разгневана. Дальнейшие события известны нам из описания аббата Ле Беля, бывшего свидетелем всего произошедшего. Христина призвала Мональдески в одну из комнат дворца, где находились уже Сантинелли и еще двое преданных ей людей, все с обнаженными шпагами. Она пригласила туда же аббата Ле Беля. В этой комнате состоялось некое подобие суда, Христина предъявила Мональдески бумаги и письма, избличающие ее в некоем перед ней преступлении. Тот сначала отрицал вину, но потом, уличенный, упал на колени и умолял о прощении. Королева слушала его с невозмутимым спокойствием, опершись на трость из черного дерева. «Будьте свидетелем, – сказала она, обращаясь к аббату, – что я не тороплю его и даю ему случай оправдаться». Но все оправдания Мональдески пропали втуне. Выслушав его покаянную речь, Христина произнесла недрогнувшим голосом: «Отец, вручаю вам этого человека, приготовьте его к смерти и молитесь об его душе». После этого она вышла из комнаты.

Мональдески рыдал и умолял о спасении аббата и трех вооруженных людей. Один из них, почувствовав к нему жалость, пошел просить королеву о смягчении участи несчастного маркиза. Но королева была непреклонна. Сам Ле Бель тоже пошел уговаривать Христину. Он нашел ее спокойной и твердой. На все доводы аббата она отвечала: «Он должен умереть».

Когда Ле Бель вернулся, несчастный маркиз понял все по его лицу, упал на колени и стал исповедоваться. По прошествии нескольких минут убийцы начали приближаться к нему. «Маркиз, готов ли ты, кончил ли ты исповедоваться?» – спросил один из них и, не дав ответить, нанес ему удар шпагой в живот. Страшно закричав, Мональдески упал на пол и корчился, пытаясь укрыться от сыплющихся на него ударов. Вся комната была залита кровью, но несчастный маркиз все еще был жив и громко стонал. Шум отчаянной борьбы должен был доходить до ушей королевы. Наконец Мональдески испустил дыхание. Ле Бель сообщает, что Христина заплакала и стала молиться, узнав о том, что все наконец кончено.

Убийство в Фонтенебло возбудило всеобщее негодование и любопытство, но сама королева совсем не была смущена и даже показывала своим гостям ту комнату, где была совершена зверская расправа. Как это ни странно для нас, людей двадцать первого века, но совершенное ею не было преступлением для века семнадцатого. По статусу Христина оставалась королевой, хоть и отеклась от престола. Она имела власть над людьми своего двора, имела право их судить и наказывать. Соблюдя видимость дознания, она сделала свои действия совершенно легитимными, и даже Людовик XIV признал это, посетив королеву несколько дней спустя с дружеским визитом.

Однако отношение к ней изменилось, и через несколько месяцев Христина вновь вернулась в Италию. Но и тут ее встретили намного более прохладно, чем в первый раз: она, чужеземка, распорядилась убить итальянца, причем принадлежавшего к очень знатному роду. Чтобы замять скандал, папа Александр VII попытался объявить главным виновником всего Сантинелли, но Христина не позволила: она лично написала папе, описав все произошедшее, и назвала виновной только себя. Сантинелли успел бежать из Рима в Венецию. Раздосадованный понтифик, чтобы сорвать зло, отправил в монастырь любовницу Сантинелли Анжелу-Маддалену, обвинив ее в отравлении мужа, герцога Чери. Через несколько лет женщине все же удалось выбраться оттуда, и она таки вышла замуж за своего возлюбленного.

Христина поселилась в палаццо Корсини – прекрасном дворце, но расположенном не в

самом центре города. Деньги ей выделяли нерегулярно и не в тех количествах, как ей бы хотелось. Христина все больше и больше тяготилась своей зависимостью от папы. С целью поправления денежных дел она предприняла даже путешествие на родину, но была и там встречена без энтузиазма. Возвращаясь обратно, она узнала о смерти Александра VII и остановилась в Гамбурге, чтобы выждать результатов конклава. Ожидая со страхом известий об избрании папой своего врага, кардинала Фарнезе, она занялась поисками философского камня вместе с алхимиком Борри и астрологом Бандиерой. Новости, пришедшие из Италии, были благоприятны: под именем Климента IX папой был избран ее большой друг, кардинал Роспильози, назначивший своим секретарем другого ее друга – кардинала Адзолини. Христина радостно устремилась в Рим.

Увы, Климент IX умер через три года, а его преемник, Климент X, не испытывал симпатии к королеве-нахлебнице. Христина безвыездно жила в своем дворце, занимаясь науками, основанной ей Академией и своей библиотекой, услаждаясь операми, комедиями, тонкими обедами и азартной игрой. Преемник Климента X, Иннокентий XI, основательно подпортил ей последние годы жизни: стремясь искоренить порок, он распорядился закрыть в Риме все театры и увеселительные заведения. Кроме того, он отменил право убежища, которым пользовались до тех пор в Риме дворцы, занятые представителями иностранных держав. Не все этому подчинились! Французский посланник маркиз де Лаварден, имевший в своем распоряжении восемьсот вооруженных людей, смеялся над требованиями папской полиции. Христина не располагала таким войском, но она дала приют в палаццо Корсини разнообразному сброду: изгнанникам, беглецам и просто бандитам. Эти люди были ей безгранично благодарны и в случае надобности могли защитить ее жилище лучше любой гвардии. Командовал этим своеобразным войском некий маркиз дель Монте – дуэлянт, волокита и мошенник, ставший последним любовником королевы. Постаревшая Христина прощала ему измены и грубость обращения, доходившую, как говорили, до побоев, ради минут, свидетельствовавших о самой пылкой его преданности. Когда дель Монте внезапно умер, во время приготовления к какому-то празднеству, Христина увидела в этом предзнаменование и своей скорой смерти. В самом деле, она немногим пережила маркиза и умерла в апреле того же 1689 года.

Глава 8 Женщины и Великая французская революция

«Великий страх» в Оверни

Под названием «великого страха» известно массовое явление, имевшее место во Франции летом 1789 года: в июле месяце в разных местах страны, почти одновременно, возникли слухи о появлении больших разбойничьих шайк, которые подвергают разгрому целые города, сжигают стоящий на полях хлеб, занимаются убийствами и грабежами. Слухи эти распространялись с поразительной быстротой, почти ни в ком не вызывая сомнений в реальном существовании этой грозной опасности. Всюду по деревням и в городах имущее население энергично готовилось к самозащите; составлялись вооруженные отряды, выставлялись дозоры; всюду можно было найти людей, воочию видевших приближающихся «разбойников». Паника охватила большую часть страны.

Габриэль Дюбрель: *«Вчера утром, около четырех часов, несколько человек, взбравшись на Борегар, приняли встающий над землей туман за облако пыли, поднятой передвижением разбойников, и начали кричать, что вот они уж тут, явились. Набат гудит, и никто не сомневается, что действительно пришли разбойники. Те, кто было улегся в постель, вскакивают: к Львиному фонтану тащат пушки; вооруженные люди толпами устремляются к предместью Айа, готовясь к стойкой защите. Около девяти часов вечера*

из Себаза является четыреста человек крестьян во главе с несколькими буржуа и канониками; пришли и жители из Стуза, 120 человек из Вальвика, 60 из Мезака. Трудно себе представить, что это был за переполох...

Вслед за этими тревожными поднялось возмущение против муниципалитета и комитета, вызванное вопросом об офицерах милиции, которые были назначены двумя этими органами власти...

В окрестностях Иссуара и Бриуда население сильно возбуждено против дворян. Часть горожан и крестьян двинулись на замок г-на д'Этиншала в Массиаке; они разбили стекла, переломали мебель и повсюду искали графа, так как прошел слух, что он здесь; на самом деле он находится в Париже. Этот сеньор слышит отъявленным аристократом».

Так с массового психоза, с истерии, охватившей целые области, началась страшная и кровавая революция, принесшая Франции многочисленные беды. Объединившись для борьбы с мифической угрозой, крестьяне не успокоились, а обратили свой гнев против реального зла. К тому времени французские крестьяне не были крепостными: крепостное право давно уже было уничтожено во Франции, но они все еще продолжали платить за право владения землей. На каждой земле лежали свои многочисленные и разнообразные повинности, тщательно занесенные в земельные записи, или «уставные грамоты». Они были разнообразны до бесконечности: работа на помещичьих полях, в парке, в садах, разные работы ради удовлетворения помещичьих капризов и т. д. В некоторых деревнях существовало даже обязательство хлопать ночью палками по воде в пруду, чтобы лягушки не мешали господам спать.

Кроме того, крестьяне платили многочисленные налоги и подати королю, от которых дворяне были освобождены. Подати взимали и помещики. Когда какая-нибудь старуха оставляла своей дочери в наследство одно или два ореховых дерева или что-то из одежды, например «черную ватную юбку», то «благородный и великодушный сеньор» или «благородная и великодушная дама» взимали с этого наследства налог. Платить полагалось за свадьбу, за крестины, за похороны, за пользование мельницей или прессом для выжимки виноградного сока, мостами или бродами. Но даже уплатив все это, крестьянин все равно оставался должен и не имел права продавать своей жатвы или своего вина раньше помещика.

Несколько неурожайных годов привели к голоду и, как следствие, к народным бунтам. Еще в апреле 1775 года в Дижоне народ завладел домами хлеботорговцев и разломал несколько мельниц. Тогда-то комендант города произнес в обращении к народу издевательские слова, спровоцировавшие выступления еще в нескольких городах: «Трава уже выросла – ступайте, ешьте ее!» Оксер, Амьен, Лилль первыми последовали примеру Дижона, затем восстания начались в Понтуазе, Пуасси, Сен-Жермене... Голодные люди с намерением разграбить склады муки направились в Версаль. Людовику XVI пришлось выйти на балкон дворца, говорить с народом и обещать, что цена на хлеб будет снижена. Король не сдержал слово, и народ принялся грабить булочные. Были вызваны войска для усмирения «разбойников». В тот раз они справились: несколько бунтовщиков были повешены на Гревской площади, остальные присмирели.

В течение следующих пятнадцати лет в документах то и дело встречаются указания на то, что в том или другом месте были «беспорядки». Но Людовик XVI не сделал никаких выводов, и королевский двор продолжал увеличивать расходы. Королева Мария-Антуанетта за свою любовь к роскоши даже получила прозвище «мадам Дефицит».

Младшая дочь императора «Священной Римской империи» Франца I и Марии-Терезии вышла замуж в пятнадцать лет. Она была очень красива и неглупа, но имела один недостаток, подмеченный ее учителями в ее ранней юности: «немножко лени и много легкомыслия». «У нее никогда не было и, пожалуй, никогда не будет серьезных стремлений», – сокрушалась ее мать Мария-Терезия. Даже чрезвычайно расположенная к ней госпожа Кампан – ее первая прислужница и поверенная, признавала, что ее величество проводила все свое время в празднествах и увеселениях. То, что было бы простительно для

обыкновенной светской дамы, стало роковым для королевы.

Ее супруг, король Франции Людовик XVI, был человеком добрым, мягким, но не слишком умным и недостаточно волевым. К тому же он страдал заболеванием, которое долгое время делало невозможной нормальную супружескую жизнь – сужением крайней плоти. Лишь спустя семь лет после заключения брака он наконец решился на простейшую операцию, исправившую этот недостаток. Но к этому времени злые языки уже успели распусть о королевской чете массу сплетен. Марии-Антуанетте приписывали лесбийские романы, подсчитывали, сколько денег она проиграла в карты, потратила на наряды и на увеселения. Знаменитая афера Жанны де Ла Мотт с бриллиантовым ожерельем баснословной стоимости окончательно испортила репутацию королевы.

Жанна де Люз де Сен-Реми де Валуа (1756–1791 (?)) выводила свое происхождение от Анри де Сен-Реми, считавшегося внебрачным сыном короля Генриха II. Несмотря на принадлежность к королевскому роду (ничем по сути не доказанную), семья Жанны была очень бедна. В 1780 году она вышла замуж за графа де Ла Мотта, офицера гвардии графа д'Артуа, и была представлена ко двору. По утверждениям Жанны, она стала близкой подругой Марии-Антуанетты, что сама королева всегда отрицала.

После внезапной смерти от оспы Людовика XV у ювелиров осталось невыкупленным изумительное бриллиантовое ожерелье, изготовленное для графини Дюбарри. Нового покупателя для такой роскошной вещи найти было нелегко. Ювелиры показали драгоценность Марии-Антуанетте, но она не решилась потратить столь крупную сумму, хотя ожерелье ей очень понравилось. Ювелиры были уже готовы разобрать изделие на составные части и продать бриллианты по отдельности, но вдруг с ними связалась Жанна де Ла Мотт и пообещала еще раз переговорить с королевой. Спустя несколько дней она объявила, что королева дала согласие на покупку. Одновременно Ла Мотт явилась к кардиналу Луи де Рогану, представленному ко двору, но не входившему в число приближенных короля и королевы, и попросила его об услуге: якобы сама государыня не решалась сразу просить у мужа такую огромную сумму, ведь финансовые дела страны были расстроены. Поэтому Мария-Антуанетта решилась обратиться к своему верному слуге, надеясь, что он уплатит за нее первый взнос и даст заемные письма на остальные части кредита, с тем, чтобы королева погасила его постепенно. Кардинал выполнил все в точности, в благодарность «Мария-Антуанетта» дважды виделась с ним наедине в Трианоне. Однако когда наступил срок следующего платежа, никаких денег от королевы ювелиры не получили. Также был пропущен и второй платеж, и третий... Обеспокоенные ювелиры обратились напрямую к королю и быстро выяснили, что тот ни о чем не знает. Также и сама Мария-Антуанетта отказывалась признать, что купила драгоценность. Ее подпись на договоре была признана поддельной.

В августе 1785 года бедный обманутый кардинал де Роган, графиня де Ла Мотт и еще несколько лиц были арестованы по обвинению в мошенничестве. В их числе был и знаменитый колдун и предсказатель граф Калиостро. При обыске у Ла Мотт были найдены части ожерелья, разобранного на составные части. Выяснилось, что Роган был жертвой мошенников: дама, встречавшаяся с ним, была вовсе не королевой, а некой модисткой, внешне похожей на Марию-Антуанетту. Дело в том, что кардинал, страдавший сильной близорукостью, до этого видел государыню лишь издали и не распознал обмана.

В мае 1786 года состоялся суд. Кардинал де Роган и Калиостро были высланы из страны, Ла Мотт была приговорена к телесному наказанию, клеймению и заключению в тюрьме для проституток; к такому же наказанию был заочно приговорен и ее муж, успевший, однако, вовремя скрыться. Авантюристка была безжалостно выпорота на Гревской площади и заклеяна, но из тюрьмы ей удалось сбежать, переодевшись в мужское платье. Она перебралась в Лондон, где находился ее муж, и издала там мемуары, позорившие якобы предавшую Жанну Марию-Антуанетту. Она подробно изложила свою версию авантюры, продолжая утверждать, что в ней на самом деле была замешана королева, и даже в

качестве доказательства привела всю ее «переписку» с кардиналом Роганом. Свое поведение во время процесса де Ла Мотт объяснила страшными сомнениями и душевными мучениями, терзавшими ее в тот момент.

Жанна де Ла Мотт: *«Я понимала, что Королева повела себя бесчестно по отношению к кардиналу. Но кардинал был моим благодетелем, и было бы чудовищно с моей стороны способствовать его падению. Но и от Королевы я видела много добра, и теперь, если я не хотела изведать ее месть, мне нужно было постараться сохранить ее секреты».*

Конец жизни авантюристки неизвестен: то ли она покончила с собой, выбросившись из окна в 1791 году, то ли инсценировала самоубийство, спасаясь от кредиторов, а сама бежала из Англии в Россию. Есть сведения, что некоторое время она блистала в Петербурге, а конец жизни провела в Крыму, где туристам до сих пор показывают ее особняк. Эта история сильно навредила королеве, несмотря на суд, доказавший ее непричастность: ведь подобная афера стала возможной только в силу того, что за Марией-Антуанеттой прочно закрепилась репутация легкомысленной мотовки. Что ж: королева действительно любила тратить деньги и совершенно не умела экономить.

Лишь Жак Неккер, возглавлявший министерство финансов, пытался ввести разумную экономию, но его голос не был услышан. В 1787 году парламент отказал двору в деньгах, отказавшись ввести предложенные королем новые налоги. Тогда король утвердил свои указы на особом королевском заседании. Парламент протестовал, но напрасно: король сослал парламент в Труа. В ответ в Париже начались всеобщие демонстрации. В продолжение зимы 1788/89 года, не проходило дня, чтобы не были где-нибудь ограблены обозы с хлебом. Тогда Людовик XVI, в течение четырнадцати лет отказывавшийся собрать представителей народа из опасения, что от этого пострадает его королевская власть, оказался вынужденным созвать сначала Собрание нотаблей («почтенных» людей) и наконец Генеральные штаты.

27 апреля был днем созыва избирательных собраний в Париже. Рабочие выставили свои жалобы, буржуа ответили им грубостями. Особенно выделился своею наглостью некто Ревельон, собственник бумажной и обойной фабрик, произнесший: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы; белый хлеб – не для него». Раздраженный народ заочно приговорил Ревельона к смерти, стал носить по улицам его чучело и сжег его на Гревской площади. На следующее утро толпа захватила и разграбила дом и фабрику Ревельона. Явились войска, но народ сопротивлялся, бросая из окон и с крыш что попало: камни, черепицу, мебель. Тогда войска стали стрелять, а народ ожесточенно защищался в течение нескольких часов. В результате оказалось 12 убитых и 80 раненых солдат, а со стороны народа – 200 убитых и 300 раненых.

Из писем мелкого буржуа Демишеля: *«Вы, конечно, помните некоего Ревельона, торговца обоев, к которому я должен был поступить; он, говорят, имел неосторожность выступить с предложением установить заработную плату рабочим в размере 5 су в день, что вызвало восстание, взволновавшее вчера весь Париж. Толпа рабочих Сент-Антуанского предместья, в котором жил Ревельон, в количестве превышающем 1200 человек, бросилась в его дом и все там разграбила. Затем сделали из соломы чучело и носили его сначала по всему Парижу, а потом повесили на Гревской площади. В Сент-Антуанское предместье был послан батальон французской гвардии, все купцы закрыли свои лавки, но пока еще ничего не сообщается о несчастных случаях».*

Восстание, о котором я вам сообщил в последнем моем письме, казавшееся в начале только шуткой, имело самые серьезные последствия.

Между 10 часами пополудни и 1 часом дня начался грабеж, который продолжался до 10 часов вечера. Когда приблизился отряд в 50 гренадер французской гвардии, чтобы отрезать сообщение улицы Св. Антуана с улицей de Montreuil, где живет Ревельон, то чернь забросала солдат камнями. Этот отряд сделал поворот направо и дал сначала холостой залп, а когда нападение возобновилось, тогда солдаты зарядили ружья и начали стрелять пулями. Два человека остались на мостовой, и площадь была моментально

очищена. Затем восставшие, взломав двери, спрятались в домах компаньонов, забрались на крыши, бросали оттуда черепицу в солдат и многих опасно ранили. Потом восставшие рассеялись по предместью, где они принуждали рабочих уходить из своих мастерских и присоединяться к ним, также принуждали присоединяться всех любопытствующих и всех тех, которые в это время находились в предместье по своим делам... Они произвели ужасные опустошения. Я не преувеличу, если скажу, что убыток этого заведения, одного из самых значительных заведений такого рода во Франции, можно установить в 300 или 400 тыс. ливров. Они все сожгли, проникли в погреба, где опьянели от вина и от этого пришли в еще большую ярость. Во время этого грабежа была усилена стрельба, чтобы помешать сожжению всего квартала.

Двинулись новые войска с пушками, заряженными картечью, но они, однако, не были приведены в действие. Невозможно передать вам точные подробности всего происшедшего; каждый квартал предместья был свидетелем ужасных сцен. Наконец к 10 часам вечера все успокоилось. Несколько из этих бездельников напились в погребах Ревельона и там заснули, там их было арестовано 26 человек, им надели кандалы на руки и ноги; нашлись среди них такие, которые имели клейма. Вчера носился слух, что 15 из них уже повешены и что остальных повесят сегодня».

Созыв Генеральных штатов не исправил положение. «Черт с ними; пусть заседают!» – именно такими словами сопровождал Людовик XVI их открытие. Он явился к депутатам, чтобы определить пределы предстоящих реформ, и грозил Генеральным штатам роспуском в случае неповиновения. Тщетно Жак Неккер, возглавлявший министерство финансов, пытался найти выход из положения, компромисс, приемлемый для всех. Его предложения вызвали недовольство короля, и Неккер не только был отправлен в отставку, но и получил распоряжение немедленно покинуть пределы Франции. С ним обошлись крайне грубо: герцог Артуа даже поднес свой кулак под нос министру, когда он направлялся в залу заседаний совета министров. Неккер смолчал, понимая, что сейчас любая малость может заставить пламя вспыхнуть. Он не только не противился своей отставке, но и постарался покинуть Париж как можно незаметнее, чтобы не возбудить ни малейшего шума. Но сведения о его отставке просочились, и они стали последней каплей, переполнившей чашу. «Двор решил начать войну!» – объявил Камилл Демулен. Со шпагой в одной руке и пистолетом в другой он взобрался на стул и обратился к толпе с призывом к оружию. Отломив ветку от дерева, он сделал себе из зеленого листа кокарду, которая должна была служить знаком объединения. Предместья Парижа принялись ковать пики. Люди из народа останавливали прохожих, требуя денег на покупку пороха, стучались в двери богатых домов с той же целью. Несколько застав подожгли и теперь съестные припасы и вино свободно, беспошлинно могли ввозиться в Париж. Со многих мест слышался набат.

Писатель Жан Франсуа Мармонтель, «Мемуары»: *«Сами разбойники, заразившись общим ужасом, не сделали ничего вредного. Единственные лавки, которые они заставили открыть, были лавки оружейников, и оттуда взяли оружие».*

С утра 14 июля внимание восставшего народа стало направляться на Бастилию – мрачную средневековую крепость с массивными высокими башнями, возвышавшуюся среди домов рабочего квартала, в начале предместья Сент-Антуан. Ее гарнизон состоял из 114 человек – 84 инвалидов и 30 швейцарцев. Комендант Бастилии не заботился о припасах и не был готов к осаде, так как сама мысль о возможности серьезного нападения на грозную крепость считалась нелепой. Утром того же дня удачное нападение на Дом инвалидов дало возможность народу добыть ружья и пушки. Огромная вооруженная толпа двинулась к Бастилии. По слухам, комендант крепости де Лонэ, поднявшись на стену, чуть не упал в обморок, увидев, что все окрестные улицы черны отдвигающегося к Бастилии народа. Однако он взял себя в руки и несколько часов сопротивлялся восставшим. Лишь в пять часов вечера комендант передал через одну из бойниц около малого подъемного моста записку следующего содержания: «У нас есть 20 бочек пороха; если вы не примете капитуляции, мы

взорвем весь квартал и гарнизон». Капитуляция была принята, и де Лонэ сам отдал ключ от ворот маленького подъемного моста. Его и нескольких офицеров схватили и потащили в ратушу, осыпая оскорблениями. Недалеко от ратуши, решив, что никакого суда не нужно, де Лоне отрубили голову, вместе с ним были убиты три офицера генерального штаба Бастилии и три инвалида.

Как только подъемные мосты Бастилии были спущены, народ бросился во дворы и стал разыскивать заключенных, заживо погребенных в Бастилии. При виде этих призраков, выходявших из темных казематов и совершенно растерявшихся от света и от гула приветствовавших их голосов, растроганная толпа проливала слезы. Так началась революция. В последующие недели волнения распространились по всей стране. В городах образовывались новые, выборные органы власти – муниципалитеты, создавалась Национальная гвардия, крестьяне захватывали и жгли замки. Восставшие крестьяне жгли замки сеньоров, захватывая их земли.

Из официального донесения: *«Собственность всякого рода подвергается, по-видимому, самому преступному разбою. Повсюду поджигают замки, разрушают монастыри, грабят фермы. Налоги, повинности, платимые помещикам, – все уничтожено. Законы бессильны, власть судей не существует...»*

Дальнейшие события развивались очень быстро, уже в августе Учредительное собрание отменило феодальные повинности, сеньориальные суды, церковную десятину и объявило равенство всех сословий перед законом в уплате налогов и праве занимать любые должности. Была принята «Декларация прав человека и гражданина». 5 октября народ двинулся на Версаль, король, до сих пор не осознававший тяжести ситуации, и вся его семья вынуждены были переехать в Париж, во дворец Тюильри. Но несмотря на все эти перемены, Людовик XVI все еще оставался королем. В июне 1791 года король попытался сбежать из страны, но был узнан на границе в Варенне и возвращен в Париж. После этого он фактически оказался под стражей в собственном дворце.

3 сентября 1791 года Национальное собрание приняло конституцию. По ней предлагалось созвать Законодательное собрание – однопалатный парламент на основе довольно высокого имущественного ценза, которое открылось 1 октября 1791 года. Формально в стране была установлена ограниченная монархия. Так продолжалось почти год, вплоть до августа 1792 года, когда около 20 тысяч повстанцев окружили Тюильри. Нападавшим оказали сопротивление несколько тысяч гвардейцев, которые все полегли, защищая своего короля. Захваченный повстанцами Людовик отрекся от престола и вместе с семьей был отправлен в Тампль.

Долгое время революция не казалась чем-то ужасным и даже среди представителей привилегированных сословий были люди, приветствовавшие изменения в стране. В их числе были и женщины, надеявшиеся наконец получить равные с мужчинами права.

Софи де Кондорсе (1764–1822), в девичестве Мари-Луиза-Софи де Груши, была дочерью Франуса-Жака маркиза де Груши и его супруги-интеллектуалки Мари-Жильбер Генриэтты Фрато. Она была сестрой знаменитого маршала Эмануэля де Груши. Юная Софи считалась красавицей, она принадлежала к самому модному в то время типу женщины: миниатюрная, изящная, с большими яркими глазами на слегка детском личике. Но внешность была обманчива: даже в двадцать лет Софи была на редкость серьезна и интеллектуальна, отказав многочисленным красавцам, она вступила в брак с человеком, который был на двадцать лет ее старше – известным математиком и философом маркизом де Кондорсе. Несмотря на разницу в возрасте, брак этот получился очень счастливым.

Мари Жан Антуан Николя де Карита, маркиз де Кондорсе занимался политикой, экономикой, его работы положили начало целому направлению математических исследований в области социологии, психологии, политики и экономики. Он был демократом по убеждениям, любил Францию и французский народ и поначалу с готовностью перешел на сторону Революции.

Именно Кондорсе основал первую республиканскую газету во Франции «Республиканец или защитник представительного правительства». Он работал в муниципалитете, затем его выбрали комиссаром национального казначейства, потом он был избран в Национальный конвент, стал его секретарем, а вскоре и президентом. Здесь он очень много занимался организацией общественного образования.

В это время Софи не сидела сложа руки, она организовала кружок – салон на Рю де Лиль, который посещали Томас Джефферсон, ставший третьим президентом США, английский государственный деятель и ученый Чарльз Стэнхоп, британский политик Дэвид Мюррей, экономист Анн-Робер-Жак Тюрго, знаменитый писатель Бомарше, экономист Адам Смит, писательница мадам де Сталь, памфлетистка Олимпия де Гуж... Британская феминистка Мэри Уолсонкрафт, посетившая в начале 1790-х годов Париж, тоже познакомилась с Софи де Кондорсе. Ее взгляды были очень близки к убеждениям Олимпии де Гуж и самой Софи.

Олимпия де Гуж (1748–1793), в девичестве Мари Гуз, не была по происхождению аристократкой, она происходила из почтенной буржуазной семьи, жившей на юго-западе Франции. Ее отец был мясником, а мать – дочерью портного. Однако сама Олимпия всю жизнь верила в то, что на самом деле она – плод любви ее матери с маркизом де Помпийняном, так никогда и не признавшим свою «дочь».

В 1765 году девушку выдали замуж за парижанина Луи Обри, члена городской администрации. Мужа Мария не любила, даже чувствовала к нему отвращение. Она не находила в нем никаких достоинств: он не был ни богат, ни знатен, ни привлекателен, и она так и не сумела объяснить причин, по которым родители решили пожертвовать ее счастьем. Тоскливое замужество продлилось всего пять лет: Луи Обри умер, а Мари вместе с сыном, покинув родной город, отправилась в Париж, чтобы стать там куртизанкой. Тогда же она сменила скучное провинциальное имя Мари Обри на звучный псевдоним – Олимпия де Гуж.

Олимпия была умной, яркой, красивой, привлекательной, и ей удалось войти во многие модные парижские салоны и стать там своей. Олимпия завела массу интересных знакомств в том числе среди будущих революционеров.

Она знакомилась с состоятельными мужчинами и, поддерживая с ними любовные отношения, жила за их счет. Замуж она больше не вышла, но познакомившись с богатым человеком по имени Жак-Бетри де Розьер, поддерживала с ним любовные отношения вплоть до конца своей недолгой жизни. Она старалась отвыкнуть от провинциальных манер, тщательно избавлялась от акцента, занималась самообразованием. Она много читала, причем чтение ее было весьма серьезным: она увлеклась идеями Просвещения и мечтала о переменах.

Потом молодая женщина, ранее относившаяся к самой себе лишь как к красивой игрушке для богатых мужчин, поняла, что способна на большее: она начала писать сама. Поначалу это были небольшие эссе, памфлеты, манифесты. Защищая право женщин на развод, на свободную любовь, она требовала отменить притеснения незаконнорожденных детей. В 1784 году она создала пьесу «Замор и Мирза» о судьбе несчастных рабов в Америке. Пьеса была издана и даже поставлена на сцене, однако выдержала всего три представления.

Спустя несколько лет, уже во время Революции, Олимпия написала еще одну пьесу на эту же тему, но эта вещь до нас не дошла: все рукописи были сожжены по приказу Робеспьера.

Революцию Олимпия встретила с восторгом и немедленно окунулась в общественную работу. Она стала членом «Общества друзей Правды», добивавшегося равноправия не только для мужчин всех классов, но и для женщин. Там она и познакомилась с Софи де Кондорсе. Аристократка и бывшая куртизанка, дочка мясника стали подругами. Именно тогда Олимпия сформулировала свой пророческий афоризм: «Если женщина имеет право взойти на плаху, то у нее должно быть и право подняться на трибуну». Вскоре ею была составлена, в противовес Декларации прав человека и гражданина, Декларация прав женщины и

гражданки. Следующим документом стал проект «Социального контракта» – так вслед за Руссо она назвала брак, основанный на равенстве полов.

...
«ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА,
ПРИНЯТАЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ
26 АВГУСТА 1789 года

Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что лишь невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительства, приняли решение изложить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека, чтобы такая декларация, неизменно пребывая перед взорами всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности; чтобы действия законодательной и исполнительной власти при возможном сопоставлении в любой момент с целями каждого политического учреждения встречали большее уважение; чтобы притязания граждан, основанные на простых непререкаемых началах, устремлялись к соблюдению конституции и всеобщему благополучию...

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы...»

Так начиналась Декларация прав человека и гражданина. А вот как ответила на это Олимпия де Гуж:

...
ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЖЕНЩИНЫ И ГРАЖДАНКИ

Мужчины, можете ли вы быть справедливыми? Этот вопрос задает вам женщина. Вы не можете приказать ей молчать. Скажите мне, кто дал вам право унижать мой пол? Ваша сила? Ваши таланты? Взгляните на нашего Мудрого Творца, на величие природы, к гармонии с которой вы стремитесь, и, если сможете, найдите еще хоть один пример такого же деспотизма. Изучите мир животных, наблюдайте стихии, исследуйте растения и, наконец, все возможные органические формы существования и признайте свое поражение перед лицом тех доказательств, которые я вам предлагаю. Попробуйте, если, конечно, у вас получится, описать еще хоть один случай подчинения одного пола другому. Такое есть только в нашем обществе, потому что вся остальная природа устроена гармонично. Она образец вечного сотрудничества полов.

Только мужчины сделали из естественного разделения принцип.

Нелепый, слепой, псевдонаучный и деградировавший – в эпоху просвещения и мудрости! – до полного невежества, мужчина хочет повелевать, поскольку только он наделен умственными способностями.

Он делает вид, что поддерживает Революцию, хочет равноправия и на этом останавливается.

Матери, дочери, сестры (и) гражданки требуют права быть представленными в Национальном собрании. Полагая, что неосведомленность и пренебрежение правами женщин – корень всех проблем нашего общества, мы решили выдвинуть торжественную декларацию естественных, неотъемлемых и священных прав женщин.

«Женщина рождена свободной и равной в правах мужчине. Социальные различия объясняются только соображениями целесообразности», – утверждала первая статья этого документа.

«Брак – могила доверия и любви. Замужняя женщина может бесстыдно рожать незаконных детей своему мужу и оставлять им наследство, которое им не принадлежит. Незамужняя женщина может лишь одно: древние бесчеловечные законы не позволяют ей дать своему ребенку имя и богатство его отца», – справедливо замечала Олимпия в «Постскриптуме», предлагая новую форму «Общественного договора между Мужчиной и Женщиной»:

«Мы..... и....., по собственному желанию, соединяемся до конца наших жизней и до конца наших чувств друг к другу и принимаем следующие условия: мы намерены сделать наше состояние общим, оставляя за собой право разделить его по своему усмотрению между нашими детьми и теми, к кому испытываем особенную привязанность. Мы признаем, что наша собственность принадлежит нашим детям, независимо от того, кто является их настоящим отцом или матерью, и все дети имеют равное право на нашу фамилию. Таким образом, в случае развода мы обязаны разделить наше имущество и определить ту часть, которая по закону достанется нашим детям. В случае идеального союза тот, кто умрет первым, оставит свою долю собственности в пользу детей, а если кто-то умрет бездетным, то супруг или супруга по праву получит долю усопшего, если только покойный не завещал ее в пользу кого-то еще».

Олимпия всеми силами боролась с несправедливостью, и поэтому она не могла смириться с решением о казни короля Людовика XVI. Она даже требовала ей право самой защищать его в суде, что не было исполнено. С одной стороны, в ней говорило милосердие, с другой – сознание того, что живой король, находящийся во власти революционного народа, менее опасен, нежели кто-то из наследников престола, успевших выехать за пределы страны, кто провозгласит себя монархом после гибели Людовика. Она была далеко не единственной, кто протестовал против казни короля, эту позицию разделяли супруги Кондорсе и практически все жирондисты. «Королева Жиронды» – мадам Ролан – тоже была близкой подругой Софи.

Манон Флипон, Мари-Жанна Ролан, является одной из самых ярких женщин Революции. Она была единственным выжившим ребенком из семи, рожденных супругой ювелира Флипона. Родители ее души не чаяли в дочери и, будучи людьми состоятельными, могли позволить себе дать ей самое лучшее образование. Училась девочка с удовольствием, много читала, увлекалась общественными науками и древней историей. Любимым ее автором стал Плутарх, из его «Сравнительных жизнеописаний» она узнавала о доблести древних, об их мудрости и политическом искусстве. Порой, не в силах оторваться от чтения, она брала Плутарха даже в церковь, маскируя его под молитвенник; впрочем, иногда это могли быть Монтескье, Вольтер или Руссо.

Молодые люди ее не привлекали, и красивая девушка одному за другим отказывала докучливым женихам. Лишь в двадцать семь лет она наконец согласилась выйти замуж за человека, который был на двадцать лет ее старше. Муж любил Манон страстно, она же, не испытывая к нему чувственного влечения, уважала его ум и знания, понимая, что встретила именно того человека, который не запрет ей в кухне или в детской, а позволит ей быть личностью, участвовать в общественной жизни.

Манон помогала мужу работать над «Новой Энциклопедией», составив для нее многие статьи. После переезда в Лион она начала публиковаться в журнале «Французский патриот», занялась благотворительностью, лечила больных крестьян.

После начала Революции Манон с мужем стали ее активными участниками и в ноябре 1790 года переехали в Париж: Жан-Мари был избран депутатом от Лиона. В салоне Манон бывали Бриссо, Петийон, Бюзо и Робеспьер, прозванный друзьями «Неподкупным», а врагами – «Бешеной Гиеной». Дружба с ним не спасла чету Ролан от репрессий, после того, как усомнившись во взглядах чересчур радикальных якобинцев, они вместе с Бриссо сформировали партию жирондистов, куда вошли сторонники индивидуальной свободы,

последователи Руссо. Среди них оказалось много ярких творческих личностей и прекрасных ораторов, но, увы, мало хороших организаторов и деловых людей. В «жиронду» вошли и супруги Кондорсе, и Олимпия де Гуж. Активная, умная, страстная, хорошенькая Манон Ролан стала признанным лидером и даже получила прозвище «Королевы Жиронды». Это был ее звездный час, ею восхищались, ей завидовали.

Одну из таких завистниц звали **Тереза Кабаррюс**.

Тереза была дочерью испанского банкира и министра финансов Франсиско Кабаррюса и воспитывалась во французском монастыре. Девушка была очень красива, умна и талантлива; в отличие от Манон Ролан, она рано начала интересоваться мужчинами и первый роман завела, едва достигнув пятнадцати лет. Это привело в бешенство ее отца, который поспешил выдать дочь замуж за маркиза де Фонтене. Жених был богат, знатен, но немолод и нехорош собой. Обвенчавшись с ним, юная Тереза была представлена ко двору Людовика XVI, также молодожены посетили испанский двор. В шестнадцать лет в 1789 году она родила первого ребенка – сына. Предполагают, что его отцом был вовсе не маркиз де Фонтене. С ним она развелась при первой же возможности в 1791 году. Перепуганный маркиз эмигрировал, Тереза же стала горячей поклонницей революционных идей. Она мечтала о переменах, о свободе, но вовсе не разделяла якобинского стремления уничтожить все и вся, препятствующее этим великим целям. Тереза стала жирондисткой, и в качестве жирондистки подверглась репрессиям. Но тут ей на помощь пришли ее удивительная красота и обаяние: познакомившись с депутатом Конвента Жаном-Ламбером Тальеном, она сумела соблазнить его и полностью себе подчинить. Тереза любила роскошь и вовсе не была идеалисткой. Под ее влиянием Тальен принялся защищать от репрессий друзей своей подруги, но делал это не всегда безвозмездно.

Жирондисткой была и **Анна Теройн-де Мерикур, она же** Теруань де Мерикур (1762–1817) – а в действительности Анна Тервань из деревни Маркур. Девушка воспитывалась в монастыре, куда отдал ее отец, состоятельный купец из крестьян. Семнадцати лет от роду она исчезла из родительского дома вместе с каким-то соблазненным ее дворянином, в начале революции очутилась в Париже и стала известной Дантону, Мирабо, Петиюну и другим революционным знаменитостям, охотно посещавшим ее салон: Анна стала куртизанкой. Неизвестно, выступала ли Теруань в театре, но она явно владела сценическим мастерством и была хорошим оратором. Современники считали ее очень искренней, увлекающейся, остроумной, но не очень умной. Она была впечатлительна, добра и часто поддавалась порывам. Так же как и Олимпия де Гуж, она восторженно приняла революцию, надеясь на изменение отношения общества к женщине, на некое прекрасное будущее. Она была большой поклонницей античной демократии и старалась даже одеваться на греческий лад: в короткий плащ, панталоны и нечто вроде сандалий – костюм, в котором тогдашние учебники мифологии изображали амазонок. Теруань де Мерикур любила ездить верхом и носила оружие. Когда в Париже пришло известие о роялистской демонстрации в Версале, Теруань произнесла ряд пламенных речей, обличая распутство Марии-Антуанетты, и в октябре 1789 года верхом на лошади мчалась впереди толпы, шедшей на Версаль. Однако уже на следующий день, когда королевскую семью везли в Париж, в ней пробудилось чувство жалости к несчастной испуганной королеве, лишенной своего величия, и она старалась держаться поближе к ней, чтобы охранять ее от оскорблений толпы.

В первые годы революции Теруань де Мерикур была очень популярна. Она много выступала, произносила речи на площадях и даже была приглашена в клуб якобинцев, с которыми во многом не соглашалась. Она не могла принять их «революционную жестокость» и стремление отправить на гильотину всех, кто так или иначе мешал «великому делу революции». В конце 1790 года было решено арестовать ее за то, что она 6 октября 1789 г. «играла на руку королевской партии», т. е. защищала королеву от толпы, порывавшейся линчевать государыню.

Друзья вовремя предупредили Теруань, и она успела уехать в Голландию, а оттуда в

Люттих. Ознанная эмигрантами как революционерка, «кровожадная гетера, предводительница парижских людоедов», она была арестована и провела несколько месяцев в тюрьме в Куфштейне. Затем ее перевезли в Вену, где с ней лично виделся император, который после беседы велел отпустить Теруань на свободу.

Она смогла вернуться в Париж, где имидж, пострадавший от деспотической власти, сделал ее еще более популярной и заставил забыть все прежние обвинения. Парижане так любили Теруань, что даже предлагали дать ей право присутствия в Законодательном собрании с совещательным голосом. Но эта идея была отвергнута.

Теруань была добра и не могла одобрить «сентябрьских избиений» и прочих жестокостей. Так однажды, когда она выступала на площади, Теруань узнала роялистского журналиста, который многократно в печати называл ее публичной женщиной. Теруань подошла к нему и дала ему пощечину. Но то, что произошло вслед за этим, привело молодую женщину в ужас: решив постоять за свою любимицу, толпа буквально разорвала несчастного роялиста.

Всю осень, зиму и весну 1792–1793 годов Теруань безуспешно пыталась пробудить в людях милосердие, но этим она лишь повредила своей популярности. В мае 1793 года, когда решался вопрос о судьбе жирондистов, она появилась на площади вблизи Конвента и горячо защищала партию жиронды, не обращая внимания на гневные крики толпы. Окончив свою речь, Теруань ушла в тюльерийский сад. Внезапно в саду появилось несколько женщин-якобинок, поклонниц Робеспьера, которые бросились на Теруань и подвергли ее мучительному сечению розгами. От боли и унижения молодая женщина сошла с ума; ее посадили в дом для умалишенных, где она оставалась до самой смерти.

Революционные идеи, взгляды жирондистов разделяла и другая молодая женщина – правнучка знаменитого драматурга Пьера Корнеля – **Шарлотта Корде**. Она тоже воспитывалась в монастыре и очень любила монастырскую библиотеку, где кроме книг духовного содержания хранились и томики Монтескье, Руссо и аббата Рейналя. В соответствии с антиклерикальными декретами 1790 года монастырь был закрыт, и в начале 1791 года Шарлотта вернулась к отцу. Как и Манон Ролан, Шарлотта не интересовалась мужчинами и не собиралась замуж, зато она много читала, но не романы, а газеты и политические брошюры. Революционные идеи увлекали ее, однажды она публично даже высказала неуважение королю, отказавшись на званом обеде выпить за него: «он слаб, а слабый король не может быть добрым, ибо у него не хватит сил предотвратить несчастья своего народа». Однако, узнав о казни монарха, Шарлотта была страшно потрясена, в письмах она называла эту новость «ужасной»: *«Я содрогаюсь от ужаса и негодования. Будущее, подготовленное настоящими событиями, грозит ужасами, которые только можно себе представить. Совершенно очевидно, что самое большое несчастье уже случилось. <...> Люди, обещавшие нам свободу, убили ее, они всего лишь палачи».*

Жирондисты – умеренные и осторожные – скоро вошли в конфликт с бурным течением революции. Разлад начался еще при составлении конституции. Проект жирондистов был отвергнут Конвентом, принятый же проект был составлен поспешно и содержал множество ошибок. Тогда Кондорсе напечатал послание к народу, где выставил многочисленные недостатки обнародованной конституции и указывал на их вредные последствия, советуя не принимать ее. За обнародование этого послания, Кондорсе, обвиненный в заговоре «против единства и нераздельности» Французской республики, был объявлен Конвентом вне закона, но пока еще не арестован, он покинул свой дом и скрывался в доме друзей. Казнь низложенного монарха состоялась 21 января 1793 года, не поддержавшие этого решения жирондисты перешли в оппозицию. В марте 1793 года начался контрреволюционный мятеж в Вандее, в ответ был создан Комитет общественного спасения, первым председателем которого стал Дантон. 10 апреля Робеспьер произнес в Конвенте обвинительную речь, обвинив жирондистов в предательстве, а Камилл Демулен выпустил против них памфлет.

В это время в Париже начинался голод, цены на продукты взлетели неимоверно, и низы

общества требовали установления потолка цен. Жирондисты, среди которых преобладали люди состоятельные, были против этой меры, этим и воспользовались их враги, организовав в городе беспорядки. После нападения на Конвент в последних числах мая – начале июня, многие жирондисты были арестованы. Некоторые бежали из Парижа и организовали в провинциях восстания против Конвента, которые были вскоре подавлены. 10 июня силами Национальной гвардии была установлена якобинская диктатура.

В числе арестованных была и мадам Ролан. Ее мужу удалось бежать. Он любил Манон всей душой, но не подозревал, насколько серьезная опасность ей грозила: ведь она была женщиной и не совершила никакого преступления. В тюрьме Манон старалась не падать духом и писала «Мемуары», в которых рассказывала о своей жизни и убеждениях.

Аресты жирондистов толкнули Шарлотту Корде на поступок, обессмертивший ее имя. Получив пропуск на проезд в Париж, она разыскала квартиру Жана-Поля Марата, проникла туда, заявив, что желает сообщить ему некие «важные сведения о предателях в Кальвадосе» и убила «друга народа», вонзив ему нож в сердце.

Из протоколов допросов Шарлотты Корде: *«...председатель спросил ее об ее путешествии в Париж и о цели этого путешествия.*

– У меня не было другого намерения, – ответила она, – и я приехала только для убийства Марата.

– Какие мотивы могли вас заставить решиться на столь ужасный поступок?

– Его преступления.

– В каких преступлениях упрекаете вы его?

– В разорении Франции и в гражданской войне, которую он зажег по всему государству.

– На чем основываете вы это обвинение?

– Его прошлые преступления являются показателем его преступлений настоящих. Это он устроил сентябрьские убийства; это он поддерживал огонь гражданской войны, чтобы быть назначенным диктатором или кем-нибудь иным, и опять-таки он же покусился на суверенитет народа, заставив 31 мая нынешнего года арестовать и заключить в тюрьму депутатов Конвента».

Девушка подробно описала день, проведенный ею в Париже, то как она купила нож для убийства, то как попыталась утром проникнуть к «другу народа», но была остановлена служительницами.

«– Когда я просила свидания с ним, стоя в его прихожей, то бывшие там две или три женщины сказали мне, что я не могу войти к нему. Я настаивала на этом, и одна из женщин передала Марату, что с ним желает говорить какая-то гражданка. Мне ответили, что меня не могут принять. Тогда я отправилась домой, куда и вернулась около полудня. – Как вы провели остальную часть дня?

– Я немедленно написала письмо Марату.

– Что вы писали ему в этом письме?

– Я старалась уверить его, что у меня имеются интересные для него сведения относительно положения дел в Кальвадосе.

– Что вы делали в остальную часть дня? Не были ли вы в Национальном Конвенте?

– Я не выходила из дома и не ходила в Национальный Конвент. Я даже не знаю, где он находится. Затем, спохватившись: – Я вышла в 7 ч. вечера и направилась к Марату.

– Застали вы его?

– Да.

– Кто вас ввел к нему?

– Те же женщины, которые утром не пустили меня к нему.

– О чем вы разговаривали, войдя к нему?

– Он спросил меня о характере волнений в Кане. Я ответила ему, что восемнадцать депутатов Конвента правят там в согласии с департаментом; что все мобилизуются для

освобождения Парижа от анархистов; что четыре члена департамента повели часть армий в Эврэ. Он записал фамилии депутатов, находящихся в Кане, и четырех должностных лиц департамента Кальвадос.

– Назовите фамилии депутатов и должностных лиц, о которых вы говорили Марату?

– Фамилии депутатов: Горса, Ларивьер, Бюзо, Барбару, Луве, Бергуен, Петион, Кюсси, Салль, Лесаж, Валади, Кервелеган, Гюадэ и пятеро других, фамилий которых я не помню; должностные лица Кальвадоса – это президент Лёвек, генеральный прокурор Бугон, Мениль и Лёнорман.

– Что ответил вам Марат?

– Что в скором времени он заставит всех их гильотинировать в Париже.

– Каково было дальнейшее течение разговора?

– Это было его последнее слово. В тот момент я его убила.

Председатель задает вопрос, каким способом она убила Марата:

– Я убила его ножом, купленным в Пале-Рояле. Я вонзила его ему в грудь.

– Когда вы наносили удар, хотели ли вы убить?

– Да, таково было мое намерение.

– Такой жестокий поступок не мог быть совершен женщиной вашего возраста без подстрекательства со стороны какого-нибудь лица.

– Я ни с кем не говорила о моем замысле; я полагала, что я убиваю не человека, а хищного зверя, пожиравшего всех французов.

– Откуда заключаете вы, что Марат был хищным зверем?

– На основании всех мятежей, поднятых им, и на основании убийств, виновником которых был он.

– Что произошло с вами после убийства?

– Я была задержана при выходе из комнаты. Меня допрашивали в боковом зале. Около полуночи я вышла из него и меня доставили в тюрьму Аббатства.

– Ну, а к министру внутренних дел вы шли тоже с целью убить его?

– Нет, я не считала его настолько опасным».

Судьи не могли взять в толк, как молодая женщина могла в одиночку решиться на убийство, продумать все детали и тщательно все спланировать. Они то и дело задавали ей вопросы о сообщниках, но Шарлотта неизменно отвечала, что действовала в одиночку.

«Когда председатель стал вновь настаивать на том, что она убила Марата по наущению лиц, которых она не хочет указать, Ш. Корде ответила: – Это значит плохо понимать человеческое сердце. Гораздо легче выполнить подобный план в силу собственной ненависти, чем ненависти других лиц».

Государственный обвинитель Фукье-Тенвиль: «...При этих последних словах, – говорит он, – когда я поднялся для произнесения речи, в зале заседания сначала встал какой-то глухой и неясный гул, как бы от изумления; а затем, если только так можно выразиться, воцарилось как бы молчание смерти, ледяным холодом проникшее мне в душу.

Пока говорил речь обвинитель, присяжные заседатели советовали мне воздержаться от речи, а председатель советовал доказывать, что подсудимая – сумасшедшая. Все они желали, чтобы я унизил ее.

Что касается Шарлотты Корде, то выражение ее лица оставалось неизменным. Она только глядела на меня так, словно хотела сказать, что не желает быть оправданной. К тому же, после всех прений, я не мог в этом сомневаться, да и оправдание было невозможно, так как независимо от ее сознания имелись налицо очевидные доказательства предумышленного убийства. Однако, твердо решившись выполнить свой долг, я не хотел сказать ничего, в чем могли бы меня упрекнуть моя совесть и подсудимая: и неожиданно мне пришла мысль ограничиться одним замечанием, которое могло бы в Народном собрании или в Собрании законодателей послужит основой для полной защиты, и я сказал:

“Подсудимая хладнокровно сознается в ужасном преступлении, совершенном ею; она

хладнокровно сознается в том, что давно замыслила его в самых ужасных для вины обстоятельствах: одним словом, она сознается во всем и даже не старается оправдываться. Вот, граждане присяжные заседатели, вся ее защита. Это невозмутимое спокойствие и это полное отрицание своей личности, не указывающие совершенно на угрызения совести даже, так сказать, перед лицом смерти; это возвышенное спокойствие и самоотвержение в известном отношении неестественны: они могут быть объяснены только экзальтированным политическим фанатизмом, который и вложил ей в руку кинжал. И вы, граждане присяжные заседатели, должны решить, какова должна быть тяжесть этого морального рассуждения на весах справедливости. Я обращаюсь к вашему благоразумию”».

Присяжные приговорили Шарлотту к смертной казни. У решетки Консьержери ее ожидала телега. Огромная толпа, состоявшая главным образом из «фурий гильотины», встретила Шарлотту Корде дикими криками и провожала до эшафота. Скопление народа было так велико, что телега двигалась к месту казни в течение двух часов. И весь этот путь осужденная была совершенно спокойна и по внешности безмятежна.

Шарлотта Корде: «– Дорогой отец, простите меня за то, что я распорядилась своей жизнью без вашего разрешения. Я отомстила за много невинных жертв, я предупредила много других несчастий: когда народ опомнится, он порадуетя, что его освободили от тирана. Если я старалась убедить вас, что я еду в Англию, то это происходило потому, что я надеялась сохранить *incognito*; но пришлось признать это невозможным. Я надеюсь, что вас не будут беспокоить; во всяком случае, полагаю, вы найдете себе в Кане защитников. Себе я пригласила защитником Гюстава Дульсе; подобное покушение не допускает никакой защиты; это делается лишь для проформы. Прощайте, дорогой отец; я прошу вас забыть обо мне или, скорее, порадоваться моей участи; причина ее прекрасна. Я обнимаю сестру, которую я люблю всем своим сердцем, и всех моих родных; не забываюте следующий стих Корнеля: Не эшафот позорит нас, а преступленье!»

У эшафота ее ждали «вязальщицы» или «фурии гильотины». Так называли фанатичных женщин, появившихся в годы Французской революции. Их изобразил Чарльз Диккенс в романе «Повесть о двух городах». «Накануне казни они садились перед гильотиной в первых рядах и «деловито перебирали спицами». Не прерывая вязания, женщины подсчитывали отрезанные головы».

Очевидец, молодой немец, Адам Люкс: «Меня занимала мысль только об ее мужестве, когда на улице Сент-Оноре я заметил приближение ее телеги; но каково же было мое изумление, когда, кроме ожидаемой мною неустрашимости, я заметил это неизменно кроткое выражение лица, в то время как кругом раздавались дикие вопли!.. А этот столь мягкий, столь проникновенный взор! Эти живые, влажные блески, сверкавшие в ее прекрасных глазах, в которых отражалась душа, столь же мягкая, сколь и неустрашимая; чудные глаза, могущие тронуть даже камни! Единственное в своем роде и вечное воспоминание! Взоры ангела, проникшие глубоко в мое сердце, наполнившие его сильнейшим, неведомым мною до тех пор волнением, волнением, сладостность которого равнялась горечи, и это чувство изгладится только при моем последнем издыхании!»

В течение двух часов, начиная с момента отъезда и до прибытия к эшафоту, она сохраняла ту же твердость духа, ту же непередаваемую кротость: а на своей телеге, без поддержки, без священника-утешителя она подвергалась непрерывной брани со стороны толпы, недостойной звания людей. Ее не менявшие своего выражения глаза, казалось, иногда пробегали по этой толпе в надежде найти там хоть одного человека...»

При виде гильотины она побледнела, но сейчас же овладела собой. Когда подручный палача обнажил ее плечи, она покраснела от стыда, затем положила голову под нож гильотины. Существует легенда, что когда подручный палача, показывая отрубленную голову народу и желая унижить казненную, ударил ее по щеке, мертвая голова густо покраснела. Именно ко временам Французской революции относится легенда о том, что

отрубленные головы могут говорить. Палачи рассказывали, что упавшие в корзину головы грызут ее стенки, так что корзину приходится менять каждую неделю. Что головы произносят имена своих близких, шепчут проклятия...

Среди тех, кто поносил Шарлотту Корде у гильотины, была и **Клара Лакомб (Клер Лакомб)** – (1765 – после 1798), считающаяся одной из первых феминисток. Она принадлежала к партии «бешеных» – радикальной фракции, куда входили также Жак Ру, Теофиль Леклерк, Варле. «Бешеные» были яркими сторонниками массового революционного террора, требовали издать закон о всеобщем максимуме цен, установить смертную казнь за спекуляцию, удалить бывших привилегированных со всех должностей в военной и гражданской администрации, взять в качестве заложников членов семей эмигрантов и т. д. До революции Клара была не слишком известной актрисой, выступала в Марселе и в Лионе. В двадцать восемь лет, что для женщины из народа было уже далеко не молодостью, приехала в Париж и присоединилась к «крайне левым», став любовницей Теофиля Леклерка, который, однако, вскоре ее бросил и женился на другой. Клер создала «Общество революционных гражданок», в которое принимались только женщины. Она была прекрасным организатором, привыкнув выступать на сцене, читала перед толпой воззвания и петиции, используя сценические приемы: завывания, модуляции. Выступала с требованием установления максимума цен, террора против спекулянтов и контрреволюционеров, боролась за равноправие женщин. Она была в числе тех, кто штурмовал Конвент в конце мая – начале июня 1793 года. Олимпия де Гуж, мадам Ролан были в глазах Клары томными и лицемерными салонными дамочками и не нюхавшими настоящей жизни. Осенью она выступила с петицией, в которой требовала, чтобы все дворяне были отстранены от должностей в армии и в правительстве. Это показалось чересчур даже якобинцам. Клер обвинили в разнообразных надуманных правонарушениях, например в том, что она заводила романы с аристократами и укрывала их. Это привело к тому, что торговцы на городском рынке принялись оскорблять женщин из «Общества революционных гражданок», что привело к драке. Виновниками назвали товарок Лакомб. Событие послужило поводом для запрета революционным правительством всех женских клубов.

Клер умерила активность, но несмотря на это, была арестована в апреле 1794 года и провела в тюрьме год. После освобождения она больше не занималась политикой, пыталась вернуться на сцену и пропала без вести году примерно в 1798-м.

Жак Ру: «Свобода не что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно морить голодом другой. Равенство – пустой призрак, когда богач благодаря монополиям пользуется правом жизни и смерти над себе подобными. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день действует контрреволюция, устанавливая такие цены на продукты, платить которые три четверти граждан могут, только обливаясь слезами... В течение четырех лет одни только богатые пользуются выгодами революции... Лишь прекращением разбоя торговцев... лишь предоставлением санкюлотам продовольствия вы привлечете их на сторону революции и объедините их вокруг конституционных законов».

Последствия убийства Марата – усиление террора. Казнь королевы. Казнь госпожи Дюбарри. Казнь мадам Ролан. Казнь Олимпии де Гуж

Это убийство и процесс Шарлотты Корде дали Робеспьеру основания еще более усилить репрессии и уничтожить всех своих политических конкурентов. Начал он с показательных процессов: 16 октября была обезглавлена Мария-Антуанетта. На несчастную королеву были возведены самые чудовищные обвинения, вплоть до обвинений в инцесте собственным малолетним сыном. Сфабрикованы они были крайне грубо и не вызвали никакого доверия у собравшейся публики. Суду пришлось удовольствоваться вердиктом, что

королева «предала интересы нации».

Из завещания Марии-Антуанетты: 5 (16) октября (1793) в четыре часа с половиной поутру.

«Пишу к вам, любезнейшая сестра, в последний раз. Я осуждена не на позорную смерть, ибо она существует только для преступников, но на соединение с вашим братом. Будучи невинна, как и он, надеюсь оказать ту же твердость в последние минуты. Я спокойна, ибо совесть ни в чем меня не укоряет. С глубочайшим огорчением оставляю бедных детей моих; вы знаете, что я жила единственно для них. В каком положении оставляю я вас, добрая и нежная сестра! Вы пожертвовали всем, чтоб не расставаться с нами. Я узнала из актов процесса, что дочь моя разлучена с вами. Ах! Бедное дитя! Не смею писать к ней: она не получит моего письма. Не знаю, получите ли вы сие письмо. Примите для обоих детей моих мое благословение! Надеюсь, что некогда, пришед в возраст, они будут соединены с вами и будут в полной мере пользоваться вашими нежными попечениями. Они должны помышлять о правилах, кои я беспрерывно старалась им внушить, что точное дополнение должностей есть важнейшее дело в жизни, что дружба и взаимная доверенность составляют их счастье. Дочь моя, в возрасте своем, должна помнить, что она обязана помогать брату своими советами, внушаемыми ей опытностью и дружеством, а сын мой, с своей стороны, обязан оказывать сестре своей все рачения и услуги, внушаемые дружеством. Оба должны чувствовать, что в каком бы состоянии ни были, они найдут счастье свое единственно в тесном между собою союзе. Пусть они возьмут нас в пример. Сколько утешений дружба доставляла нам в несчастье! А в счастье наслаждаемся им вдвое, когда можем, разделить его с другом. И где можешь найти друзей нежнее, любезнее, если не в семействе своем? Сын мой должен всегда помнить последние слова отца своего, которые и я подтверждаю, он никогда не должен стараться об отмщении за нашу смерть.

Я должна упомянуть об обстоятельстве, горестном для моего сердца. Знаю, сколько этот ребенок причинил вам огорчений. Простите ему, любезная сестра; вспомните о его возрасте и о том, как легко заставить ребенка говорить, что хотят, и даже то, чего он не понимает. Надеюсь, что наступит день, в который он почувствует всю цену ваших милостей и нежности к ним обоим... Умираю в религии отцов моих, апостольской римско-католической, в которой была воспитана и которую всегда исповедовала. Не ожидаю никакого духовного утешения, не знаю, есть ли здесь священники сей религии, и притом им опасно входить в место моего заключения...»

Перед смертью Мария-Антуанетта проявила изрядное мужество, несмотря на то что была измучена и очень больна. Она поднялась рано, переделась с помощью служанки в приготовленное белое платье. Охрана следила за каждым ее шагом, и лишь после настоятельных просьб стражники согласились отвернуться. Палач остриг ей волосы, некогда роскошные, а теперь поредевшие и поседевшие. На казнь королеву везли в грязной телеге, а толпа выкрикивала оскорбления. Когда Марию-Антуанетту подвели к плахе, она случайно наступила на ногу палачу. «Простите меня, мсье, я не нарочно», – вежливо извинилась она.

В декабре этого же года была обезглавлена еще одна женщина, считавшаяся символом «старого режима». Это была Мари Жанна Дюбарри – фаворитка Людовика XV. Некогда бедная девушка была красива и свежа: свою юную прелесть она продавала, занимаясь проституцией и, по легенде, одним из ее клиентов был тот самый палач, что сорок лет спустя отсек ей голову. Ей удалось освоить профессию модистки и привлечь внимание графа Дюбарри, ну а затем – и самого короля, который устроил ее фиктивный брак и приблизил молодую красавицу к себе. Теперь пятидесятитрехлетнюю женщину обвинили в том, что якобы помогала эмигрантам и вступила в сношения с приверженцами жирондистами. В отличие от королевы, умерла она совсем не мужественно, все пытаясь оттянуть роковой миг. Дюбарри то и дело повторяла: «Еще минуточку, господин палач, еще минуточку!» Среди казненных было много невинных жертв. Так, Розали Фийоль – талантливая художница,

виновная лишь в том, что изобразила семью графа Артуа, страшно нелюбимого народом, тоже отправилась на гильотину. Сам граф успел эмигрировать из страны.

Вслед за аристократами пришла очередь и самих революционеров. Весной 1794 года сначала Эбер и его последователи, а потом Дантон и Демулен были арестованы, преданы революционному суду и казнены. Среди них была и жена Эбера – бывшая монахиня Мари-Мargarита Франсуа Эбер, оставившая монастырь ради революции. Получив эти известия, Кондорсе решил не подвергать друзей опасности и ушел из приютившего его дома. Он отправился в окрестности Парижа, был схвачен и посажен в тюрьму Bourg-la-Reine. Там 29 марта его нашли мертвым – он отравился, как предполагают, ядом, который всегда носил в перстне. Софи узнала о его смерти лишь несколько месяцев спустя.

8 ноября 1793 года Манон Ролан предстала перед революционным трибуналом, а 9-го была казнена. На эшафоте она воскликнула: «Какие преступления совершаются во имя свободы!»

Жан-Мари Ролан, узнав о ее гибели, пришел в отчаяние. Он винил себя в том, что недооценил грозившую ей опасность, пытаясь спасти свою жизнь. «После того как моя любимая жена была убита, я не могу больше оставаться в этом мире, населенном врагами», – написал он на листе бумаги. Прикрепив этот листок к груди, он прислонился к дереву и нанес себе удар ножом в сердце.

Была арестована и Олимпия. После казни короля она много писала, пытаясь переломить ситуацию. Pamфлет «Три урны, или Спасение Отчизны» стал для нее роковым. Под «урнами» Олимпия имела в виду урны для голосования. Она предлагала провести плебисцит для выбора одной из трех возможных форм правления: неделимой республики, федеративного государства или конституционной монархии.

Три месяца она провела в тюремной камере, пытаясь защитить себя. С помощью друзей ей удалось опубликовать две работы: «Олимпия де Гуж перед революционным трибуналом», в которой она описала пародию суда, и «Преследования патриотов», осуждавшую революционный террор. Де Гуж была приговорена к смерти 2 ноября 1793 года и казнена на следующий день. Сын Олимпии, который уже вырос и обзавелся семьей, покинул Францию и перебрался в Латинскую Америку.

Тела казненных сбрасывались во рвы на кладбище Мадлен, туда же высыпали из корзин отрубленные головы, даже не всегда заботясь о том, чтобы присыпать останки землей. А ночами по кладбищу бродила одинокая молодая женщина и собирала отрубленные головы. Нет, она не была сумасшедшей или извращенкой! Это будущая знаменитость – **Анна-Мария Тюссо, мадам Тюссо** – закладывала основу своего музея. Головы казненных она складывала в корзину и несла домой, где снимала с мертвых лиц гипсовые маски, чтобы таким образом сохранить для потомков облик этих людей. Профессию она унаследовала от дяди Курциуса, создававшего миниатюрные портреты из воска и эмали. Анна-Мария – сама талантливая его ученица – была приглашена ко двору, чтобы обучить этому искусству принцесс. Благодаря ей нам точно известен внешний облик Людовика XVI, Марии-Антуанетты и их ближайших родственников. После смерти дяди она унаследовала его дело и вскоре в 1795 году вышла замуж за Франсуа Тюссо. После заключения Амьенского мира в 1802 году она отправилась в Англию и больше во Францию не возвращалась.

Культ «Высшего существа» и Культ Разума

Упразднив христианские службы и закрыв монастыри, революционеры ввели новую религию – «Культ Разума». Собор Парижской Богоматери был переименован в «Храм Разума» и 10 ноября 1793 года там состоялось грандиозное представление: поклонение Богине Разума, роль которой исполняла актриса Оперы. В 1924 году писатель Иван Бунин, заинтересовавшись судьбой бывшего божества, едва отыскал заброшенную могилу этой

женщины.

Иван Бунин: *«Перед моими глазами было старое и довольно невзрачное дерево. А под деревом – квадрат ржавой решетки.*

А в квадрате – камень на совсем плоской и даже слегка осевшей земле, а на камне – две самых простых каменных колонки в аршин высоты, покосившихся, изъеденных временем, дождем и лишаями. Когда-то их “украшали” урны. Теперь колонки лишены даже этих украшений: одна урна совсем куда-то исчезла, другая валяется на земле. И на одной колонке надпись: “Памяти Фанни”, на другой – “Памяти Терезы Анжелики Обри”».

Тереза Анжелика Обри (1772–1829)

Актрису, исполнившую роль Богини Разума, звали Тереза Анжелика Обри. Происходила она из простой и бедной семьи, но судьба одарила ее красотой, грацией и музыкальными способностями, открывшими ей путь на сцену.

Театральные обозреватели писали о ней: *«Одаренная всеми внешними дарами, какие только может дать природа женщине, она есть живая модель того античного совершенства, которое являют нам памятники искусства; при взгляде на ее стан и очерк ее головы тотчас является мысль о грозной эгиде и шлеме Афины-Паллады, и она особенно на месте в тех ролях, где черты лица, жесты, осанка, поступь должны воссоздать богинь...»*

Иван Бунин: *«Всю ночь накануне лил как из ведра ледяной дождь. Утром он перестал, но грязь была непролазная и дул свирепый ветер. Тем не менее с раннего утра загрохотали пушки, загремели барабаны, Париж стал высыпать на улицу...»*

И было великое безобразие, а для Обри и великое мучение, даже телесное. С раннего утра она, вместе с прочими “Обожателями Свободы”, то есть с кордебалетом и хором, была уже в холодном соборе, репетировала. Потом стали собираться “патриоты”, прискакал озабоченный Шомет – и началось торжество. Потом – и все под стук пушек, пение, барабаны и шум толпы – четыре босяка, ухмыляясь, подняли на свои дюжие плечи Обри вместе с ее троном и понесли, в сопровождении хора и кордебалета, пробиваясь сквозь толпу, сперва на площадь, “к народу”, а затем в Конвент. И опять – давка, говор, крики, смех, остроты, а ноги чавкают по грязи, попадают в лужи, ветер рвет голубую мантию и красную шапочку посиневшей Богини, кордебалет тоже стучит зубами в своих вздувающихся от ветра белых рубашечках, забрызганных грязью, а сзади высоко качаются над толпой шесты, на которых надеты, для вящей потехи, золотое облачение и митра Парижского Архиепископа. А в Конвенте – торжественный прием Богини всем “высоким собранием” во главе с президентом, который ее приветствует “как новое божество человечества”, “заключает от имени всего французского народа в объятия”, возводит на трибуну и сажает рядом с собою... Тут бы, казалось, и конец. Но нет! Из Конвента Обри понесли, совершенно так же, как и принесли, назад, в собор! Вообразите себе хорошенько это новое путешествие и перечитайте затем стихотворное красноречие Беранже...»

Обри пережила революции, она блистала на сцене и во времена Директории и даже империи. Но вот однажды во время представления, на котором присутствовала сама императрица Жозефина, в тот момент, когда Минерву-Обри медленно спускали с облаков на землю, изукрашенный помост, служивший ей сиденьем, внезапно обрушился. Актриса получила множество травм и сломала обе ноги. Играть на сцене она больше не могла. Семи забытая, она прожила еще довольно долго, заботясь о своей болезненной дочери Фанни, которая пережила свою мать всего лишь на полтора месяца.

Жан-Пьер Беранже:

*Тебя ль я видел в блеске красоты,
Когда толпа твой поезд окружала,
Когда бессмертною казалась ты,
Как та, чье знамя ты в руке держала?*

*Ты прелестью и славою цвела;
Народ кричал: «Хвала из рода в роды!»
Твой взор горел; богиней ты была,
Богиней Свободы!
... Ты ль это, божество тех светлых дней?
Где твой румянец? Гордый взгляд орлицы?
Увы! не стало красоты твоей.
Но где же и венки и колесницы?
Где слава, доблесть, гордые мечты,
Величие, дивившее народы?
Погибло все – и не богиня ты,
Богиня Свободы!*

Тереза Тальен. Переворот 9 термидора

Во время репрессий была арестована и красавица Тальен. Она попала сначала в Ла Форс, затем в Карм, где познакомилась с Жозефиной Богарне. Находясь в тюрьме и ожидая со дня на день приговора и казни, Тереза отправила своему любовнику Тальену знаменитую записку, повлиявшую на историю Франции: «Я умираю оттого, что принадлежу труссу».

27 июля (9 термидора), заседание Конвента началось с доклада Сен-Жюста, но председательствующий прервал его и предоставил слово Бийо-Варенну, который обвинил Робеспьера в стремлении захватить единоличную власть и унижить Конвент; вторым против Робеспьера, выступил Тальен. Их речи были с энтузиазмом встречены депутатами; Робеспьеру выступить не дали, его попытки прорваться к трибуне были встречены криками: «Долой тирана!». Депутаты потребовали его ареста.

Это и было сделано, но у Робеспьера оставалось еще много сторонников, тюремщики отказались принять арестованных, а на Гревской площади собралась огромная толпа. Робеспьера, Сен-Жюста и других отвели в Ратушу, где находилось управление полиции. Национальная гвардия, верная Робеспьеру, двинулась на Конвент, но разогнать его не решилась: ведь Конвент считался национальным правительством и формально Робеспьер действовал от его имени.

Толпа, собравшаяся было на площади, устала ждать и стала расходиться. Между тем Конвент отправил к гвардейцам агитаторов, назначил новым командующим Поля Барраса и объявил вне закона всех участников восстания.

В ночь на 10 термидора жандармы и национальные гвардейцы ворвались в Ратушу, Робеспьер был ранен в челюсть или ему намеренно раздробили челюсть ударом приклада, чтобы лишить возможности говорить и агитировать. Кроме него было арестовано еще 22 человека. Суда над ними не последовало: на следующий вечер Робеспьер и его сторонники были гильотинированы на Гревской площади под крики толпы: «Смерть тирану!»

11 термидора были казнены еще семьдесят с лишним человек. Режим якобинской диктатуры пал. Тереза вышла на свободу, вскоре после этого Тальен помог освободиться Жозефине Богарне. Благодаря своему влиянию женщины смогли освободить еще многих других заключенных. Известна легенда о посещении в дальнейшем обеими подругами салона знаменитой гадалки **Марии Ленорман**. Первой она предсказала титул княгини, а второй – скорое замужество, благодаря которому она достигнет самого высокого положения и станет императрицей.

Во время якобинской диктатуры Софи де Кондорсе очень бедствовала. Забросив общественную деятельность и переводы, она вынуждена была открыть лавку, чтобы не умереть с голода. После термидорианского переворота Софи опубликовала свои переводы Адама Смита с обширными комментариями. Она пережила период Директории, империю Наполеона Бонапарта и дожила до реставрации власти Бурбонов. Более она не выходила

замуж, уважая память погибшего мужа, хотя поддерживала близкие отношения с историком Клодом-Шарлем Фареллом. Ее дочь Элиза вышла замуж за ирландского революционера, ее потомки живы до сих пор.

Глава 9 Коллаборационизм

«Когда я слышу слово «культура», то хватаюсь за пистолет», – эту фразу обычно приписывают Йозефу Геббельсу. На самом же деле это цитата из пьесы Ганса Йост, имевшей многозначительное посвящение «Адольфу Гитлеру с преданностью и любовью». В оригинале знаменитая фраза звучала чуть иначе: «...я снимаю свой браунинг с предохранителя».

Йост, написавший еще несколько профашистских пьес и повестей, получил от нацистского командования немало наград, а после войны был интернирован и провел три с половиной года в трудовом лагере. Половина его собственности была конфискована, публикации запрещены. А между тем, по свидетельству современников, Ганс Йост был порядочным человеком. В 1952 году, уже отсидев свой срок, он был фактически реабилитирован. И таких, как он, среди писателей и актеров-музыкантов было немало!

Кто-то примкнул к нацизму по идейным соображениям, кто-то не разобрался, попав во власть иллюзии, иные просто хотели, чтобы им не мешали заниматься любимым делом, а были и те, кто поддался вдруг вспыхнувшей страсти и, полюбив одного конкретного человека, не обращал уже ни на что внимания. Герберт фон Караян, Анри де Монтерлан, Луи-Фердинанд Селин, Юлиус Эвола, Норберт Жак, Арлетти... – разные люди, разный творческий потенциал, разный уровень дарования и интеллекта и очень схожие судьбы.

Вот придет доктор...

К числу многочисленных преступлений фашизма можно отнести и то, что нацизм фактически убил германский кинематограф. Наверное, сейчас многие и не поверят, что в десятилетия–двадцатые годы Германия была одним из лидеров мирового кинопроката, а немецкие режиссеры создавали один за другим яркие и самобытные фильмы. Необычный стиль, сложившийся в то время, получил название «экспрессионизма».

Вспомните новеллы Майринка и картины Мунка и попытайтесь мысленно соединить их воедино, чтобы получился фильм, – это и будет экспрессионизм. Кинематограф 20–30-х годов в Германии был ярким, изысканным, вдохновенным, фантастическим и порой кошмарным... Все это погибло в начале тридцатых, когда почти все мастера эмигрировали в США. Никогда больше кино Германии не поднималось до такой высоты. Кинематографисты достаточно рано поняли, что их ожидает. Языком немого кино, они пытались предупредить свой народ: люди, приближается кто-то страшный и злой. Он завладеет вашими умами, и вы окажетесь марионетками в его руках. И тогда весь мир превратится в сумасшедший дом. Так родились «доктора» Калигари и Мабузе – безумные злодеи, пытавшиеся завоевать мир.

«Кабинет доктора Калигари» (1920) Роберта Вине – едва ли не самый яркий фильм этого периода. Калигари, называющий себя доктором, – ярмарочный шарлатан, забавляющий людей с помощью живой куклы – сомнамбулы Чезаре, предсказывающего будущее. Этого сомнамбулу сыграл актер, впоследствии не раз названный великим – Конрад Фейдт. «Звезда немецкого экспрессионизма», «Один из величайших актеров мира», «Мастер безумия», «Король фантазмагорий», «Великий мистик» – такими эпитетами называли актера критики, несколько не преувеличивая.

Его героя держат в коробке, словно куклу, и он кажется полностью лишенным собственной личности. Затем выясняется, что ночами, повинуюсь воле Калигари, Чезаре совершает убийства. Направляя Чезаре, Калигари не преследует корысти, он – террорист,

наслаждающийся ощущением своей власти. Цель его злодеяний – заставить провинциальный город трепетать.

Но однажды Цезаре, посланный с кинжалом к очередной жертве, влюбляется и выходит из-под власти Калигари. Вместо того чтобы убить, он похищает девушку. Сомнамбулу преследуют и Калигари, и пробудившиеся жители города. Не выдержав гонки, Цезаре погибает. Калигари сходит с ума.

Все бы хорошо, кабы не эпилог: все герои фильма оказываются пациентами сумасшедшего дома, и все показанные события – лишь плод больного воображения. Ну а главный врач этой лечебницы очень похож на шарлатана Калигари – только не носит очков. Безумие, ирреальность всего происходящего подчеркивается и декорациями: действие происходит словно внутри картины художника-авангардиста.

Актера **Вернера Крауса**, исполнявшего роль Калигари, этот фильм сделал «звездой». С тех пор он много снимался, получал главные роли в театральных постановках.

С новой властью у него сложились хорошие отношения, он участвовал в «особо ценных в государственно-политическом отношении» фильмах.

В фильме «Еврей Зюсс» (1940), снятом в пику английской постановке, Краус исполнил пять разных ролей евреев, чтобы, по словам режиссера Файта Харлана, показать, «что все эти различные темпераменты и характеры... в конечном итоге имеют одни корни». Фильм был признан антисемитским, и после войны Крауса обвинили в коллаборационизме. В мае 1948 года состоялся суд, на котором актера отнесли к группе лиц, «запятнанных в незначительной степени». Приговор был достаточно мягким: уплата судебных издержек в размере 5000 марок. Краус смог вернуться в Вену и играл в театре до 1958 года, он прямо на сцене упал в обморок. Спустя год актер умер.

Примечательно, что партнер Вернера по фильму – Конрад Фейдт – повел себя в то время прямо противоположным образом. Будучи чистокровным арийцем, он завел обыкновение при заполнении документов писать в графе национальность – «еврей». Уехав в Англию, он снялся в английском фильме «Еврей Зюсс», вызвавшем ярость нацистов.

О возвращении в Германию не могло быть и речи. Фейдт отплыл в Америку, где еще несколько лет активно снимался в антифашистских фильмах. До конца войны он не дожил: в апреле 1943 года во время игры в гольф у него внезапно отказало сердце. Актер умер на месте.

Второй из «докторов» – Мабузе – не менее впечатляет. Он на самом деле был доктором – специалистом по гипнозу. Так же как и Калигари, этот злодей мог подчинять себе людей и навязывать им свою волю. Применял он свои способности первое время в игорных домах, разоряя своих партнеров по игре, затем круг его интересов расширился, и Мабузе захотел играть человеческими жизнями. Он создал шайку из воров и убийц, печатал фальшивые деньги, похищал людей... Его власть множилась, но не приносила ему счастья. В конечном итоге его собственный мозг не выдержал, и Мабузе сошел с ума. В отличие от аналогичного французского Фантомаса, Мабузе выглядел не опереточным злодеем, а вполне живым человеком, не лишенным привлекательности. Литературным отцом этого зловещего персонажа стал писатель **Норберт Жак**. Имя кажется незнакомым, а ведь его романы издаются до сих пор, и последний фильм про Мабузе был снят аж в 1990 году!

Причина опалы в том, что Норберт Жак считался коллаборационистом.

Норберт Жак родился 6 июня 1880 года в Люксембурге в семье состоятельного бизнесмена. Недоучившийся студент, несостоявшийся бизнесмен, бойкий въедливый журналист, он получил общеевропейскую известность как писатель – автор детективных и приключенческих романов. Злободневные статьи Жака пользовались успехом, но в 1903 году, иронизируя на политические темы, он перегнул палку и был уволен из газеты. Похожая история повторилась в следующем 1904 году, но в 1905-м в Гамбурге ему улыбнулась удача: он устроился внештатным корреспондентом в журнал, посвященный путешествиям. Жак принялся переезжать из страны в страну, публикуя на страницах журнала свои путевые

заметки. Во время этих странствий он познакомился со своей второй женой Маргаритой Самюэль, секретаршей сказочника и драматурга Артура Шницлера. Маргарита была еврейкой; к тому же она работала у Шницлера, поддерживавшего близкие отношения с сионистами. Этот факт впоследствии сыграл злую роль в судьбе Норберта Жака.

Но беды придут потом! Пока же молодые были счастливы: они оба любили путешествовать и растянули свой медовый месяц аж на целых шестнадцать, совершив кругосветное путешествие. Они побывали в Триесте, оттуда отплыли морем в Сингапур, затем в Китай, по реке Янцзы поднялись до самого Тибета, вернувшись к морю, отплыли в Сидней, а оттуда – Перу и затем в Рио-де-Жанейро.

Вернувшись в Европу, супруги Жак обосновались в Гамбурге. Норберт много писал, уже не только статьи, но и приключенческие романы, в одном из которых он по-новому обыграл сюжет Робинзона Крузо, используя свои личные впечатления от путешествий. Он получил немецкое гражданство. Жена родила ему двух дочерей, его книги пользовались успехом, семья смогла позволить себе приобрести хороший дом, и жизнь казалась прекрасной.

В 1920 году Жак написал свой самый популярный роман «Доктор Мабузе – гений игры».

Спустя два года после выхода книги ее экранизировал великий немецкий режиссер Фриц Ланг. Фильм имел огромный успех!

Вдохновленный этим, Норберт Жак написал продолжение – «Завещание доктора Мабузе». В этой книге его герой покидал свое умирающее тело и превращался в подобие демона, вселявшегося в других людей и заражавшего их умы и души безумной жадной власти. Мистическая составляющая сюжета была незначительной, в целом книга – как и первый роман – представляла собой хороший, крепко сбитый «открытый детектив».

Ланг экранизировал и эту часть. Фильм вышел на экраны в 1933 году, а в следующем – 1934-м – был запрещен пришедшими к власти нацистами. Уж слишком яркой и недвусмысленной была аллегория!

Репрессий в отношении режиссера не последовало: Гитлер был поклонником его творчества. Особенно фюреру понравился фильм «Метрополис» – антиутопия о городе будущего, где «золотая молодежь» (белокурые атлеты в коротких шортах) ставит спортивные рекорды, а обезличенные измученные рабочие изнемогают от непосильного труда на подземных заводах. Гитлер вызвал режиссера к себе в кабинет, как утверждал потом сам Ланг, для того, чтобы предложить ему пост «руководителя германской киноиндустрии». Ланг горячо поблагодарил, заверил, что всю жизнь только об этом и мечтал, ну а вернувшись домой, собрал вещи и первым же поездом уехал в Париж.

Но Норберт Жак не хотел уезжать: у него здесь была работа, читатели, хороший дом... В 1938 году он был вынужден развестись с женой-еврейкой, и Маргарита уехала в США. Две их дочери довольно легкомысленно решили остаться с отцом. Девушек страшил переезд, страшила неизвестность, им казалось, что дома в Германии, под защитой знаменитого отца, они в полной безопасности. Не столь уверенный в этом Норберт с помощью своих родственников оформил им гражданство Люксембурга, в некоторой степени защищавшее девушек от возможных преследований. Вплоть до 1945 года он писал в основном на исторические темы – например о юности Шиллера, – стремясь избежать современности. Однако порой к нему обращались представители властей и, напоминая о происхождении его дочерей, просили написать фашистскую агитку. Жак соглашался. Из-за этого после падения нацизма 65-летнего писателя интернировали по обвинению в коллаборационизме. В тюрьме он пробыл недолго: суд учел все обстоятельства и признал его сотрудничество с фашизмом вынужденным.

Норберт Жак писал и публиковался и после войны, снова вернувшись к теме доктора Мабузе. Он даже снова начал путешествовать – но уже не так интенсивно.

Умер писатель 15 мая 1954 года в городе Кобленец от сердечного приступа. За свою

жизнь он создал более 50 книг, большая часть из которых уже забыта. Но его «Доктор Мабузе» живет! Сюжет о нем был экранизирован 16 раз, причем последний фильм вышел, как уже упоминалось – в 1990 году.

Фриц Ланг, переживший войну в Америке, в 1960 году еще раз вернулся к этому герою и снял фильм «1000 глаз доктора Мабузе», действие которого происходит в отеле, битком набитом камерами слежения.

Переработку романов в сценарии осуществила другая очень известная в то время писательница – **Теа фон Харбоу**, жена режиссера Ланга. Теа фон Харбоу обычно относят к писателям-фантастам: это романы и сценарии «Женщина на Луне», «Метрополис», отдала она дань и историко-приключенческому кино: роман и фильм «Индийская гробница». Наибольший ее вклад в развитие детектива и кинодетектива – это сценарий фильма «М» – триллера о том, как целый город ловил жестокого маньяка-детоубийцу. Человек, заставший его в момент преступления, не мог в одиночку изловить злодея, и написав на ладони букву М (первую букву слова *murderer* – убийца), прижал руку к спине убийцы, оставив четкий отпечаток. Слух о том, что преступник помечен, распространился по городу с быстротой молнии, и началась травля. Ее роман с Лангом ознаменовался мрачным происшествием вполне в духе романов Теа: погибла первая жена режиссера. В качестве причины смерти врач указал: «несчастный случай, выстрел в грудь». Спустя два года после ее кончины Ланг и фон Харбоу поженились.

Десять лет они были вместе, затем разошлись, и Теа жила с любовником-индусом (ундерменшем!), а затем, разойдясь с ним, в 1940 году вступила в нацистскую партию.

После войны Теа интернировали, но так как никаких преступлений за писательницей не числилось, ее оправдали. С конца 40-х годов она участвовала в дубляже английских фильмов, написала несколько романов и сценариев.

Не только Германия...

Не только немецкий, но и французский кинематограф значительно пострадал от Второй мировой войны. С 1943 по 1946 год больше 20 тысяч женщин во Франции были обвинены в сотрудничестве с оккупантами и наголо острижены. Среди них были и знаменитости. Вчерашние звезды и кумиры, заподозренные в связях с оккупантами, в одночасье стали объектами ненависти.

Арлетти

Эта актриса считалась звездой французского кинематографа, ее называли одной из самых красивых женщин, когда-либо появлявшихся на экране, она снималась у лучших режиссеров, в нее влюблялись, ей подражали – а потом вдруг, в одночасье публика сделала вид, что их вчерашнего кумира никогда не существовало.

Арлетти – такой псевдоним взяла себе Леония Батти – дочь начальника трамвайного депо и прачки. Она начала выступать на сцене с восемнадцати лет. Очаровав одного весьма состоятельного банкира, Арлетти стала его содержанкой. Он представил ее парижскому обществу, и Арлетти сумела завязать многие выгодные знакомства, в том числе с Коко Шанель, которая стала ее близкой подругой. Она участвовала во многих спектаклях, работала манекенщицей, позировала художникам, среди которых были Мари Лоренсен, Кис ван Донген, Мойше Кислинг и Жан-Габриэль Домерг. В 1930 году Арлетти впервые снялась в кино. И снова ей сопутствовал успех! Саша Гитри, Жак Превер, Марсель Карне предлагали ей заглавные роли. Годы казались над ней не властными: снявшись в драме «Северный отель», уже сорокалетняя Арлетти ввела в оборот гламурное словечко «атмосфера», до сих пор популярное в глянцево-журналах.

Во время оккупации она сыграла свои лучшие роли в фильмах «Мадам Сан-Жен» (1941), «Вечерние посетители» (1942) и «Дети Райка» (1945).

Вышедшая на экраны уже после освобождения Франции, эта картина имела оглушительный успех! Режиссер Марсель Карне и вся съемочная группа праздновали успех, а исполнительница одной из главных ролей отбывала срок в тюремной камере, обвиненная в коллаборационизме.

А дело было в том, что у французской кинозвезды был роман с офицером Люфтваффе – Гансом Юргеном Зерингом, начавшийся еще в марте 1941 года. Возможно, будь Арлетти не столь известна, ей бы простили эту связь, так как за самим Зерингом никаких военных преступлений не числилось. Но для кинозвезды, для кумира миллионов подобный роман был совершенно недопустим. Арлетти была арестована и предстала перед судом. Но она вовсе не собиралась каяться! «Их просто не надо было сюда пускать», – заявила она суду, намекая на быструю капитуляцию Франции в 1940 году. Второе ее высказывание, попавшее в газеты, было еще более провокационным: «Мое сердце принадлежит Франции, но моя задница – интернациональна».

Так актриса угодила в концентрационный лагерь, затем в тюрьму, а потом еще два года пробыла под домашним арестом. В течение трех лет ей было официально запрещено сниматься в кино.

Со своим любовником Арлетти больше не встретились: после войны Зеринг оказался в ФРГ, женился и работал в консульстве ФРГ в Верхней Вольте, где в 1960 году погиб от зубов крокодила.

В конце сороковых годов Арлетти попыталась вновь возобновить свою карьеру, но не слишком удачно: два фильма, в которых ее начал снимать ее близкий друг Марсель Карне, так и остались незаконченными. А в 1957 году звезда попала в аварию и потеряла зрение. Умерла она в 1992 году в возрасте 94 лет.

Почти такая же судьба постигла и **Жослин Гаэль** – актрису, некогда популярную, а ныне совершенно забытую. Она блистала на экране в 30-е годы, снимаясь вместе с ярчайшими звездами, пользовалась большим успехом в сороковые – а выход своего последнего фильма «Удар головой» в 1944 году встретила в тюрьме. Дело в том, что за год до этого она бросила своего мужа Жилия Берри ради гестаповца Тони Санье, руки которого были по локоть в крови. Что привлекло ее в этом человеке? Может быть, роскошная жизнь, которую он ей обеспечил? Кто знает...

После освобождения страны они оба были арестованы. Тони приговорили к расстрелу, а в отношении Жослин ограничили запретом на кино съемки. Этот относительно мягкий приговор был обусловлен ходатайством ее мужа – Жилия Берри, который продолжал любить свою неверную красавицу-жену. Больше на экран Жослин не вернулась.

Актриса **Мирей Бален**, «женщина-вамп», была в предвоенной Франции очень популярна, снявшись в нескольких фильмах с молодым Жаном Габеном. Ее карьера и личная жизнь складывались удачно, пока осенью 1941 года Мирей не влюбилась. Дело в том, что объектом ее страсти – причем вполне взаимной – стал молодой немецкий офицер Бирл Дезбок. Они были вместе три года. После освобождения Парижа они попытались бежать в Италию, но их задержали бойцы французского Сопротивления. Самого Дезбока убили на месте, а Мирей Бален была ими изнасилована, избита и отправлена в тюрьму, где она пробыла несколько месяцев.

В январе 1945 года Мирей Бален освободили, запретив ей сниматься на протяжении года. Ее имущество было разграблено, ее карьера рухнула. Прежние знакомые ее избегали.

К тому же актриса подцепила сыпной тиф. С тех пор в ее жизни были лишь болезни и алкоголь. Прежде красивое лицо актрисы изуродовала кожная болезнь. В ноябре 1968 года Мирей Бален, сломленная и всеми забытая, умерла в больнице под Парижем от цирроза печени и последствий перенесенного менингита.

Дита Парло – урожденная Грета Герда Корнштедт – еще одна актриса, карьеру

которой сломала Вторая мировая война. Нет, в отличие от Арлетти, Мирей и Жослин, она не спала с немцем – Дита сама была немкой. Именно это ей и поставили в вину, отправив в 1945 году в лагерь для интернированных в Дранси. Наверное, патриотам было до слез обидно, что актриса, сыгравшая в двух культовых фильмах, ставших визитными карточками национального кинематографа – совсем даже не француженка, а германская подданная. Это были фильмы «Аталанта» (1934) Жана Виго и «Великая иллюзия» (1937) Жана Ренуара (сына знаменитого художника).

Дита никогда не считалась совершенной красавицей: огромный, слишком высокий лоб, тонкая переносица, запавшие глаза, носик – утицей... Ее лицо было неправильным – но очаровательным. «Открыл» актрису Виго – гениальный юноша, проживший всего 29 лет, не имевший никакого кинематографического образования и успевший снять только лишь три фильма – «Ноль за поведение», «По поводу Ниццы» и «Аталанта». Все три позднее были объявлены шедеврами и считаются классикой мирового кинематографа.

Звездой ее сделала «Аталанта» – нехитрая, но в высшей степени поэтичная история размолвки и примирения двух новобрачных.

Сюжет «Великой иллюзии» пересказать сложнее. Назван фильм по книге британского экономиста Норманна Энджела, доказывавшего бесполезность войны. Речь в нем идет о разделении людей: по классам, по нациям. Причем если социальное разделение признается реальным, то национальное – объявляется фикцией. «Иллюзия» – это... патриотизм. Или, чтоб никого не оскорбить – «ура-патриотизм», «национальная идея».

Дита Парло играла немецкую фермершу, давшую приют бежавшим из плена французам. С одним из них Моришале – его играл Жан Габен – у нее завязывается роман, хотя женщина не говорит по-французски, а герой Габена – по-немецки.

– Как сказать «голубые глаза»? – спрашивает лейтенант Моришаль, любуюсь красотой героини Парло и ее маленькой дочери.

– «Die blaue Augen», – переводят ему.

Эта фраза повторится в фильме еще несколько раз, сделавшись чем-то вроде объяснения в любви.

Фильм был запрещен в Германии министром нацистской пропаганды Йозефом Геббельсом, который назвал его «кинематографическим врагом № 1» и в дальнейшем приказал уничтожать все копии фильма, попадавшие в руки нацистов. Считалось, что картина погибла, но американские войска нашли единственный сохранившийся негатив в Мюнхене в 1945 году (причем хранили его, как ни странно, сами немцы). Лента была восстановлена.

Ведущий французский модельер и одна из самых элегантных женщин Парижа – **Габриэль Шанель** – тоже была обвинена в коллаборационизме. Современная мода обязана этой женщине многим: маленькое черное платье, которое можно носить и днем, и вечером, в зависимости от аксессуаров; небольшая стеганая сумочка на длинной цепочке (до этого женщины знали лишь неудобные ридикюли на коротких ручках), духи «Шанель № 5» – все это появилось благодаря таланту Коко.

В 1939 году из-за начала Второй мировой войны Коко закрыла все бутики и дом моды, но из Парижа не уехала.

В июне 1940-го ее племянник был взят в плен немцами.

В попытке помочь ему Коко обратилась к немецкому дипломату Гансу Гюнтеру фон Динкляге, с которым давно была знакома.

Красивый галантный немец действительно помог Шанель. Благодарная Коко продолжила с ним встречаться. Во время свиданий Ганс предусмотрительно избегал немецкого языка, чтобы не раздражать француженку, предпочитая говорить по-английски. Он развлекал ее остроумными шутками и разделял многие из ее интересов. Ганс был моложе Коко на тринадцать лет, но несмотря на разницу в возрасте, у них завязался роман.

По некоторым сведениям, этим ее связь с немцами не ограничилась: Коко пыталась

выступить в качестве секретного агента и встретиться с Уинстоном Черчиллем для организации сепаратных англо-германских переговоров. Для этого Габриэль ездила в Париж, но Черчилль был болен, и никакой встречи не состоялось. По окончании войны на нее, в связи с этим, навесили ярлык пособницы фашистов.

Приговор был мягок: Шанель выслали из страны. Она уехала в Швейцарию, где продолжила встречаться с Гансом Гюнтером фон Динклаге, избежавшим ареста.

Вернулась в мир моды Шанель лишь в 1954 году.

Саша Гитри

В тюрьму попал и самый выдающийся драматург, режиссер, актер и продюсер того времени – Саша Гитри. Он был сыном Люсьена Гитри – знаменитого в свое время актера михайловского театра в Петербурге. Назвали мальчика в честь императора Александра III, который и стал его крестным отцом.

Саша был фантастически талантлив, казалось, ему все давалось легко: он мог в считанные дни написать пьесу, поставить ее на сцене или экранизировать, не тратя на это видимых усилий – и добиться оглушающего успеха. В 30-е годы Гитри предлагали избраться во Французскую академию. Гитри отказался, потому что необходимым условием являлся отказ от актерской деятельности. В 1939 году он стал членом Гонкурвской академии.

В период немецкой оккупации Гитри не покинул Париж и не прекратил режиссерской и актерской деятельности. Он продолжал ставить пьесы и фильмы, продолжал смешить и развлекать зрителей. Гитри никогда не был фашистом, никогда никого не предавал и не разделял нацистскую идеологию, он просто не собирался менять образ жизни и, со свойственным ему легкомыслием, продолжал делать вид, что войны нет. Гитри избрал самую мягкую форму протеста: не разрешал ставить свои пьесы в Германии, позволял себе хлесткие остроты в адрес немецкого командования, порой конфликтовал с оккупационной цензурой и никогда не отказывал своим друзьям, если те просили заступиться за своих близких, подвергшихся аресту. Так, вместе с Коко Шанель он сумел добиться освобождения из лагеря смерти мужа-еврея их близкой подруги писательницы Колетт.

После освобождения Гитри был арестован. Его продержали под стражей 60 дней, так и не сумев предъявить никаких конкретных обвинений. Гитри ставили в упрек то, что он наслаждался роскошью, в то время как нация терпела лишения, обвиняли в снобизме, эгоизме, зазнайстве...

Актер Мишель Симон: *«Я не встречал человека скромней. У него была одна мания: он сомневался во всем. И никогда ничего не утверждал наверняка. Он был прямой противоположностью той позорной репутации, которую нашей эпохе угодно было приписать ему в отместку за то, что он был слишком велик для нее!»*

Общественное мнение было не на стороне Гитри. Режиссер сумел вернуться к работе лишь в 1947 году – и снова принялся ставить комедии, но лишь более «черные» и язвительные.

Тино Росси – актер и певец, исполнитель танго корсиканского происхождения – тоже был виновен в коллаборационизме. В 30–40-е годы он считался одним из эстрадных идиолов, воплощая модный в то время тип «латинского любовника». Его пластинки выходили огромными тиражами, и он снялся более чем в двадцати пяти фильмах. В него влюблялись, его боготворили, поклонницы толпами ждали его после концертов, мечтая заполучить автограф или хоть кончиками пальцев дотронуться до своего кумира.

Во время фашистской оккупации его карьера не прервалась, а напротив – достигла своего пика. Сладкие мелодии, романтические стихи про любовь и кровь относились к жанру, который нацисты приветствовали: эти далекие от жизни песни успокаивали население и отвлекали от злободневных проблем. В 1944 году, после освобождения Франции, он был арестован и обвинен в сотрудничестве с оккупантами. Три недели он

провел в тюрьме. Ему инкриминировали связи с гестапо и участие в наборе «добровольцев» для отправки на военные заводы в Германии. Приговор был достаточно мягок: певца осудили на небольшой срок принудительных работ, но его карьера рухнула. На сцену он сумел вернуться лишь в 60-е годы.

Его коллега **Робер де Виган**, популярный в тридцатые годы актер, тоже был обвинен в коллаборационизме, причем вполне заслуженно: он вступил в профашистскую Французскую популистскую партию, пропагандировал антисемитизм и призывал к сотрудничеству с оккупационными властями. Совсем нехороший оттенок его словам и поведению придавало то, что в 1935 году он сыграл свою самую значительную роль – роль Христа в фильме «Голгофа», и многие помнили его именно в этом образе. В конце войны он пытался бежать из Франции вместе со своим другом скандально знаменитым писателем **Луи-Фердинандом Селином**, имевшим на него большое влияние, на юг Германии, куда переехало правительство Виши. Оба были арестованы: Селин в Дании, Виган – при попытке пересечения швейцарской границы.

Селин: «Человек человек настолько, насколько курица способна к полету. Когда она получает поджопник, когда автомобиль ее подкидывает в воздух, она взлетает до самой крыши, но тут же падает обратно в грязь, клевать навоз... Это ее природа, ее призвание. У нас, в обществе, все точно так же. Самой последней мразью мы перестаем быть лишь под ударом катастрофы. Когда все более или менее улаживается, наше естество возвращается галопом».

Луи-Фердинанду Селину нравилось шокировать общество человеконенавистническими романами. В 1936 году, побывав в Советской России и преисполнившись отвращения к этой стране, издал памфлет *Mea culpa* – Моя вина, в котором безжалостно разоблачал порочность коммунистической идеологии.

Селин: «Материалистический Коммунизм – это прежде всего материя, а когда речь о материи, никогда не побеждает лучший, всегда самый циничный, самый коварный, самый хамский. Вы только посмотрите на этот СССР, как быстро там очухались деньги! Как они мгновенно восстановили свою тиранию! к тому же возведенную в куб! Ему только нужно польстить, и Полю все примет! все проглотит! Там он, человек толпы, стал омерзительным от самомнения, от самодовольства, причем все большего по мере того, как его все глубже опускали в жижу, все надежней ограждали от мира! Вот в чем ужасающий феномен. Чем больше он делает себя несчастным, тем больше и впадает в спесь! С конца религиозных верований правители превозносят все его изъяны, весь его садизм и держат его в своей власти только благодаря его порокам: тщеславию, властолюбию, стремлению к войне, одним словом – к Смерти. Необыкновенной ценности трюк! Они его переняли в десятикратном размере! Они гробят Человека нищетой, а к тому же самолюбием! Тщеславие на первом плане! Самомнение убивает, как все остальное! Лучшее, чем остальное!»

Был ли Селин фашистом – вопрос дискуссионный. Сам он никогда не признавал себя им, утверждая, что он никогда не достаивался от оккупационного режима никаких наград и никогда не посещал нацистскую Германию. «С приходом немцев я полностью перестал заниматься еврейской темой, тем более что прежде стремился вовсе не к войне, а к миру. Не помню, чтобы с 1937 года я написал хоть одну строчку антисемитского содержания», – заявлял Селин. В написанной уже в тюрьме «Защитительной записке» он напоминал, что с приходом Гитлера к власти все его романы были запрещены в Германии, и этот запрет соблюдался очень строго.

Селин: «Под запрет попали не только романы, но и памфлеты (кроме, кажется, нескольких страниц из “Безделиц”, да и те урезанные, перекроенные, неполноценные). Немецкая критика всегда замалчивала мои произведения, как литературные, так и политические...Между тем многие французские писатели из числа так называемых антифашистов и участников Сопротивления встречали теплый прием в Германии при

нацистском режиме, столь беспощадном к моим книгам. При нацистах переводились, печатались, ставились на сцене, поднимались на щит Мориак, Моруа, Мартен дю Гар, Жюль Ромен и т. д.;...Но их никто сегодня не трогает. Они свободно разгуливают по Парижу. Похоже, 75-я статья не для них. И только я, никогда ни для одной газеты и строчки не написавший, микрофона в глаза не видевший, только я арестован, брошен в тюрьму, только мне угрожает приговор...

Исходя из написанного мною, можно было, разумеется, предположить, что я стану ярким сторонником немцев, но произошло как раз обратное! Превратить подозреваемого в виновного, поставить все с ног на голову, всех одурачить, прибегая к клевете, наглой лжи, фальсификации, выдумкам – излюбленное развлечение всех революций, привычный спорт фанатиков. Использовать возбуждение толпы, чтобы обезглавить ненавистного соперника, – такой фокус не вчера придумали. Это у них называется “карать”... Меня изо всех сил стремятся заставить платить за то, что я писал до войны, хотя, чтобы я искупил мои литературные успехи и тогдашнюю полемику. Все дело в этом». Но несмотря на столь эмоциональную и аргументированную защиту, Селина сделали козлом отпущения. По сути, его осудили именно за его взгляды, а не за дела.

На процессе в защиту его друга Вигана свидетельствовали многие видные французские актеры и режиссеры с безупречной репутацией, доказывая, что виной всему Селин, а Виган просто был не в силах противостоять его злой воле. Но суд не внял их словам, приговорив актера к десяти годам исправительных работ, поражению в правах и конфискации имущества. Спустя три года его амнистировали, и Виган покинул Францию. Умер он в 1972 году в Аргентине в крайней бедности.

Селин тоже попал под амнистию. В 1951 году он поселился в парижском пригороде Медоне и вернулся к своей основной профессии – врача. Забыв свои человеконенавистнические взгляды, он честно старался искупить свою вину, практикуя в качестве врача для бедных. Новый шумный литературный успех пришел к нему уже перед самой смертью, после появления первых двух томов автобиографической трилогии («Из замка в замок» (1957) и «Север» (1960), третий, завершающий том увидел свет только в 1969 году, через восемь лет после смерти автора.

Не все коллаборационисты дожидались суда. Писатель-фашист **Пьер Дриё Ла Рошель** покончил с собой. Получилось это у него с третьей попытки. Первую он совершил в августе 1944 года, приняв смертельную дозу люминала, но его спас неожиданный приход Габриэль, прислуги, успевшей вызвать «скорую помощь». Всего через несколько дней, в больнице, Дриё вскрыл себе вены, но на этот раз ему снова не дали умереть: в его палату зачем-то зашла санитарка. Отложив смерть на полгода, чтобы написать исповедальный очерк «Рассказ о сокровенном», Пьер Дриё Ла Рошель совершил наконец свой уход из жизни мартовским утром 1945 года, когда никто не мог ему помешать – он принял три упаковки снотворного и для верности открыл газовый кран. В оставленной записке была лишь одна строчка: «На этот раз, Габриэль, позвольте мне уснуть». Ему было 52 года.

Фашистские идеи притягивали этого автора с молодых лет. К тридцатым годам он, по его собственному признанию, был уже «законченным фашистом» и приветствовал приход к власти Гитлера. В 1934 году он издал книгу «Фашистский социализм», где безо всяких экивоков, четко и откровенно изложил свои взгляды:

«Я полагаю, что инстинкт насилия настолько же необходим, извечен и плодотворен для человека, как и инстинкт половой..., он... таится внутри всякого чувства ответственности, внутри любой жажды самопожертвования».

«"Идеология" – это сила, стремящаяся перебороть другую силу, воплощенную в чуждой идеологии: "Любая война предстает как антагонизм двух идеологий <...>. Мнения противопоставляют не только индивидов, но и целые народы... Природа вещей заключается в том, чтобы одни помыслы вступили в столкновение с другими; именно тогда начинает звучать музыка и раздается вечный рокот барабана войны... Я стану работать и уже

поработал во имя установления фашистского режима во Франции, но и завтра я останусь столь же свободным по отношению к нему, каким был вчера”».

В 1936 году он вступил в профашистскую Французскую народную партию, а в 1939-м вышел из нее, потому что ФНП показалась ему недостаточно фашистской. Сразу после капитуляции Франции (1940) он пошел на прямое сотрудничество с оккупационным режимом, приняв предложение германского посла об издании литературно-художественного журнала. Жертвой этой сделки стало интеллектуальное издание «Нувель Ревю Франсез», под руководством Дриё Ла Рошеля, превратившееся в рупор коллаборационизма. Поражение нацизма стало для писателя личной трагедией. Вот что он писал после отставки Муссолини:

«Так вот что такое фашизм! Сил у него оказалось не больше, чем у меня – философа в халате, проповедующего насилие... Марксисты были правы: фашизм в конечном счете – всего лишь буржуазная самозащита... Не будь я так стар... я должен был бы стать солдатом СС».

В июне 1944 года после высадки союзнических войск в Нормандии он констатирует: *«Я мог бы уехать в Испанию, в Швейцарию, но нет... Я не хочу отречься, не хочу скрываться, не хочу, чтобы ко мне прикасались грязные лапы...»*

У меня нет ни малейшего желания унижаться перед коммунистами, тем более перед французами, тем более перед литераторами. Я, стало быть, должен умереть...

Я боюсь бесполезных унижений... Лучше будет, если я спокойно и достойно... покончу с собой в подходящее время».

Александр Александрович Алехин

Русский шахматист, выступавший за Российскую империю, Советскую Россию и Францию, четвертый чемпион мира по шахматам, покинув Россию в 1921 году, в 1925 году получил гражданство Франции.

В марте 1941 года, в парижской немецкоязычной газете Pariser Zeitung за подписью Алехина была опубликована серия антисемитских статей под общим названием «Еврейские и арийские шахматы».

История шахмат излагалась с точки зрения нацистской расовой теории, при этом обосновывалось положение, что для «арийских» шахмат характерна активная наступательная игра, а для «еврейских» – защита и выжидание ошибок соперника. В интервью, данном после освобождения Парижа союзниками, Алехин оправдывался, утверждая, что был вынужден написать статьи, чтобы получить разрешение на выезд, и что статьи в исходном виде не содержали антисемитских выпадов, но были полностью переписаны немцами.

К тому же Алехин был женат на американке еврейского происхождения и вполне обоснованно опасался за ее жизнь.

Чтобы сохранить остатки имущества жены и обеспечить ей самой защиту от репрессий, Алехин был вынужден участвовать в соревнованиях, организованных нацистским Шахматным союзом Великой Германии. В сентябре 1941 года он занял второе место в турнире в Мюнхене, а до конца 1943 года принял участие еще в семи турнирах в Германии и на оккупированных территориях. Несколько раз Алехин давал сеансы одновременной игры для офицеров вермахта.

В конце 1945 года Алехин был приглашен на турниры в Лондоне и Гастингсе, запланированные на будущий год, но приглашения вскоре были отозваны: американские шахматисты угрожали бойкотировать турнир, если в нем примет участие Алехин, из-за его сотрудничества с нацистами и антисемитских статей. Алехин направил в оргкомитет лондонского турнира, а также в британскую и американскую шахматные федерации открытое письмо, в котором объяснял, что играть в турнирах в нацистской Германии он был вынужден из-за отсутствия средств, и прояснял свою позицию по антисемитским статьям, но ничего не добился. В ходе лондонского турнира группой шахматистов из стран-союзников

был создан комитет по расследованию сотрудничества Алехина с нацистами. Предлагалось лишить Алехина звания чемпиона мира и объявить ему бойкот: не приглашать на турниры, не печатать его статей. Обсуждение велось, Алехину было предложено прибыть во Францию для рассмотрения его дела французской шахматной федерацией. Он подал документы для получения разрешения на въезд, но разрешение пришло уже после его смерти.

Норвегия – Кнут Гамсун

Лауреат Нобелевской премии Кнут Гамсун всю жизнь воспевал немецкую культуру и историю. Перешагнув восьмидесятилетний рубеж, он вступил в нацистскую партию и даже отправил Йозефу Геббельсу свою нобелевскую медаль, в качестве подарка, снабдив ее сопроводительным письмом со словами: у меня нет ничего более ценного, чем эта медаль, поэтому я дарю ее. Что двигало в тот момент гениальным писателем? Нет, старческий маразм тут ни при чем: незадолго перед этим Кнут Гамсун прошел психиатрическое обследование и был признан полностью вменяемым.

Из статьи «Почему я стал членом «Нашунал Самлинг»: *«Я всегда руководствовался своим крестьянским чувством здравого смысла и моим собственным умом, кроме того, и интуиция подсказывала мне, что я должен стать человеком Квислинга [17]. И я его человек уже многие годы, в несчастьях и радостях...»*

Лейф Гамсун, внук писателя: *«...в то время фашизм и коммунизм были двумя авангардными течениями, и они не могли оставить безразличными творческого человека. Но почему Гамсун из двух зол выбрал худшее – для меня загадка. Мне бы очень хотелось понять, что происходило тогда в его голове».*

В восемьдесят шесть лет Гамсун был арестован и предстал перед судом. Отношение к нему сограждан в тот момент было более чем негативным. Помощь писателю, как это ни странно, оказал Вячеслав Молотов. Он попросил норвежского премьера отнестись к писателю не так строго, учитывая его былые заслуги и его роль в мировой литературе. Ответом стала известная фраза: «Вы слишком мягки, г-н Молотов». Однако суд прислушался к мнению советского представителя, и все смягчающие обстоятельства были учтены. Не оставили без внимания и то, что Гамсун использовал свое влияние, чтобы смягчить участь политических заключенных или спасти их.

Из материалов суда: *«При определении вины Гамсуна и ущерба, который нанесла Норвегии его деятельность, особое внимание следует уделить факту, что он был всемирно известным писателем и одним из самых выдающихся деятелей норвежской культуры. Благодаря своему литературному, социальному и экономическому статусу, а также авторитету среди норвежцев, поведение Гамсуна в высшей степени было показательным для его сограждан и служило примером для других, чего сам Гамсун не мог не понимать».*

По поводу поведения и убеждений Гамсуна суд считает нужным заметить, что он вел себя, исходя из своих личных взглядов, не принимая во внимание долг верности своему государству и уважение законов своей страны. С ранней юности Гамсун был поклонником Германии. Англию же он всегда ненавидел. И у него постепенно возникла идея Европы, свободной от влияния Англии. И когда немцы вторглись в Норвегию в 1940 году, он сразу усмотрел в этом возможность осуществления своей мечты. Он сразу принял план Германии о включении великой и свободной Норвегии в великий немецкий союз. Подобные убеждения были и у Квислинга, и поэтому Гамсун счел естественным поддержать его».

И совершенно естественно, что Гамсун сам должен нести ответственность за собственные действия, когда они стали противоречить существующим законам».

Известно, что последние годы Гамсун, по причине своей глухоты и других обстоятельств, жил очень изолированно. Во время войны он был вынужден обращаться к газетам, чтобы узнать о происходящем в стране. Он был лишен информации, которая могла бы возбудить в нем подозрение в правильности его действий».

Гамсун избежал тюремного заключения благодаря своему преклонному возрасту, однако был оштрафован по гражданскому иску. От своих взглядов он не отступился и даже написал некролог по Гитлеру, которого по его же собственным словам «не выносил».

Список использованной литературы

- Агриппа Д'Обинье. В кн. Хрестоматия по истории Средних веков. Т. 3. М., 1950.
Арьес Филипп. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
Беранже Ж.П. М. Сборник песен. 1976.
Боккаччо Джорджо. Декамерон. М., 2005.
Бокаччо Джорджо. Фьяметта. М., 1968.
Брантом. Галантные дамы, СПб, 2007.
Джорджо Вазари. Жизнеописания. СПб, 1992
Геродот. История. Л., 1972.
Греческая эпиграмма. М., 1960.
Дживелегов Алексей Карпович. Очерки итальянского Возрождения. М., 1995.
Диоген Лаэртский. Жизнеописания философов. М., 1986.
Древнегреческая застольная, шутивная и эротическая эпиграмма. Пер. Е.В. Свиясова. СПб, 1997.
Итальянская новелла Возрождения. Самара, 2001.
Томас Карлейль. Французская революция. М., 1991.
Клавдий Элиан. Пестрые рассказы. М-Л, 1963.
Клулас И. Лоренцо Великолепный. М., 2007.
Ксенофонт. Сократические сочинения. Греческая история. Москва, 2003.
Ксенофонт. Анабасис. Изд АН, 1951.
Кропоткин П.А. Великая французская революция. М., 1979.
Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., 2003.
Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
Любовные позиции эпохи Возрождения. СПб, 2003.
Маргарита Наваррская. Гептамерон. Л., 1967.
Маргарита де Валуа. Письмо Маргариты де Валуа Филиппу II (1587 г.) // *Historia animata*. Сборник статей. Ч. 3. М., ИВИ РАН, 2004.
Мемуары королевы Марго. М., МГУ, 1996.
Муратов П.П. Образы Италии. М., 1994.
Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1987.
Макиавели Н. Жизнь Каструччо Кастракане из Лукки. Харьков, 2001.
Иоанн Малала. В кн. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб, 1998.
Мармонтель Жан Франсуа. «Мемуары» – «Memoires d'un pere», 4 vols., 1804.
Марру А.-И. История воспитания в Античности (Греция). – М., 1998.
Memoirs of the Countess de Valois de La Motte. Лондон, 1790.
Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции.
Мирович Н. Шарлотта Корде. Биографический очерк. М., 1906.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1994.
Платон. Диалоги». М., 1986.
Платон. Собрание сочинений, М., 1994.
Петроний Арбитр. Сатирикон. М., 1990.
Прокопий Кесарийский. Тайная история. М, 1992.
Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий Французской республики» // Французский ежегодник за 1959 г. АН СССР, 1961.
Луис Пьер. Афродита. Нижний Новгород, 1993.

Стефано Инфессура, Иоганн Бурхард. Дневники. Документы по истории папства XV–XVI вв. М., 1939.

Сабатини. Жизнь Чезаре Борджа. М., 1993.

Селин Л-Ф. Меа Супра. Париж, 1936.

Селин Л.Ф. Защитительная записка, журнал «Иностранная литература», 2001, № 9.

Лео Таксиль. Священный вертеп. Литера Нова, 2010.

Тарле Е.В. Сочинения т. VI. М., 1959.

Таллеман де Рео. Занимательные истории. Л., Наука, 1974.

Чхартхишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 2000.

Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм, Саранск, 1991.

Шахермайер Ф. Александр Македонский. Ростов-на-Дону, 1996.

Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989.

Сетевые источники

«Великий Медичи. Рыцарь войны» (Il Mestiere delle armi, 2001). Совместно итало-франко-германо-болгарская историческая лента о войнах и смерти Джованни делле Банде Нере.

Сайт «Восточная литература». <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/france.htm>

Олимпия де Гуж. Декларация прав женщины и гражданки. Перевод Е. Лучининой и В. Успенской. Редакция В. Успенской. http://read.newlibrary.ru/read/olimpija_de_guzh/page9/deklaracija_prav_zhenshiny_i_grazhdanki.html

Судебное постановление по делу Гамсуна. http://www.norge.ru/hamsun_domstol/
Интервью с Лейфом Гамсуном. http://petersobolev.blogspot.com/2009/11/blog-post_08.html

Стихи Вероники Франко, венецианской куртизанки. Из итальянских поэтесс эпохи Возрождения.

<http://www.proza.ru/avtor/shakko>

Допросы Шарлотты Корде. <http://wendelstein.narod.ru/Scharlotta.htm>

Иван Бунин. Богиня Разума. <http://bunin.niv.ru/words/1-%D3%C6%C0%D1/bunin/uzhas.htm>

Савельев А. Настоящая Спарта: без фантазий и наветов. <http://www.savelev.ru/article/show/?id=520&t=1>

Эстетика однополрой любви в Древней Греции в ее социально-историческом развитии. Составление и примечания Антона Сватковского. <http://www.aesthetics-greece.narod.ru/estetica.htm>

La vita di Giovanni De Medici, l'ultimo capitano di ventura. <http://cronologia.leonardo.it/storia/biografie/bandener.htm>

Владимир Монахов. «Осторожно, кавычки закрываются». http://my.mail.ru/community/prosa_pishemsami/7CC2BA4A96D86918.html

Примечания

1

Год

2

Впоследствии этот сын Перикла одержал победу над пелопоннесцами в морском сражении при Аргинусских островах. Однако печальной стала эта победа: из-за приближающейся бури стратеги не смогли, как должно, похоронить убитых. За это они были преданы суду и казнены.

3

Адамантом греки называли какой-то сказочный твердый металл или сплав. Адамант, согласно греческой мифологии, был создан Геей, «железное железа» и тверже алмаза. Циклопы, дети Геи, выковали адамантовы цепи, но сами были закованы в них Кроном, устрешенным их силой, и сброшены в Тартар.

4

Самая мелкая монета.

5

Этот острый на язык философ избег гнева Александра, но впоследствии был зверски замучен тираном Кипра.

6

Низший разряд гетер, название которого возникло как ассоциация с низшим разрядом войска.

7

Созвучны слова «схима» и «схизма», но означают они различные вещи. Схима – это торжественная клятва православных монахов соблюдать особо строгие правила поведения. Принесшие ее называются схимниками. А схизма – церковный раскол; соответственно схизматик – раскольник.

8

Перевод А. Пурина. Любовные позиции эпохи Возрождения / Сост. Неверов О.Я., 2 изд. – СПб, 2003.

9

Перевод С. Пономаревой.

10

Перевод С. Пономаревой.

11

Перевод Р. Дубровкина.

12

Имеется в виду художник Джулио Романо.

13

Мария Медичи.

14

То есть Людовика XIII, сына Генриха IV от второго брака.

15

Плювинеля, воспитателя юного короля при дворе считали дураком и подсмеивались над его неистовой любовью к лошадям.

16

Марии Медичи.

17

Главы марионеточного фашистского правительства Норвегии.